

Ярослав Четвериков

На другом конце света

*Когда на кону не
просто личное счастье,
но сама жизнь*

18+

Ярослав Четвериков

На другом конце света

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68401855

SelfPub; 2023

Аннотация

Действие романа происходит в 2014-м. В центре внимания двое: он – молодой лётчик-истребитель, она – начинающий хирург. В профессиональном плане у обоих все идёт отлично, и застоя в карьере не наблюдается, но личная жизнь не ладится. И вот судьба преподносит им подарок, сводя их вместе на южном курорте. Но война, начавшаяся на другом конце света, полностью меняет их жизни. Он втянут в военный конфликт по долгу службы, она находит способ отправиться за ним в тот момент, когда нужна ему больше всего. Только уместна ли любовь на войне, где нервы напряжены до предела, а ставки столь высоки, что на кону не просто счастье, но сама жизнь? В романе Вас ожидают захватывающие воздушные бои, истории о настоящей дружбе и, конечно же, любовь – непредсказуемая, искренняя, но, к сожалению, не всегда взаимная.

Содержание

Пролог	5
Часть 1	11
Глава 1.1. Долгожданный отпуск.	11
Глава 1.2. Ночное приключение.	16
Глава 1.3. Звезда танцпола.	24
Глава 1.4. Случайная встреча.	39
Глава 1.5. Настоящий ас.	51
Глава 1.6. Бешеные табуретки.	65
Глава 1.7. Ночное свидание.	78
Глава 1.8. Богиня.	88
Глава 1.9. Американский империализм.	95
Глава 1.10. Женская солидарность.	103
Часть 2	114
Глава 2.1. Акт милосердия.	114
Глава 2.2. Как умирает русский офицер!	126
Глава 2.3. Взятся за гуж, не говори, что не дюж.	141
Глава 2.4. Алиса	154
Глава 2.5. «Русские соколы»	164
Глава 2.6. Особые процедуры	176
Глава 2.7. Сгорать со стыда	187
Глава 2.8. Разлука	196
Часть 3	206

Глава 3.1. Беда не приходит одна	206
Глава 3.2. Сделка с совестью	213
Глава 3.3. Грачи прилетели	224
Глава 3.4. Холодный разум и горячее сердце	238
Глава 3.5. Мечь	248
Глава 3.6. «Гора с плеч»	264
Глава 3.7. Воздушная тревога	270
Глава 3.8. Советы от друзей	280
Глава 3.9. Обогнать суточное вращение земли	289
Глава 3.10. Как нельзя вовремя	299
Эпилог.	314

Ярослав Четвериков

На другом конце света

Пролог

Воткнув в сугроб широкую снегоуборочную лопату, пожилой мужчина вытер со лба пот рукавом куртки-ватника, перевел дух и посмотрел вдаль. Навстречу ему по ещё неочищенной части дорожки пробирался молодой человек, увязая по голень в свежем снегу. «Скоро людей вокруг станет еще больше, а я ещё и половины дорожек не почистил», – подумал он, крикнул, прочищая горло, поправил растрепавшиеся усы и снова взялся за лопату, усердно отбрасывая снег в сторону.

– Даров, Макарыч! – весело поздоровался подошедший молодой человек! – Чего в одиночку трудишься?

– Здравия желаю, старший лейтенант, – улыбнулся мужчина. Этот парень был ему по душе. Если бы он сейчас куда-то не спешил, наверняка предложил помочь. – Так пока солдатиков приведут, я уже и сам управлюсь, – ответил он. – Ну и погодка ночью была! Никак месячную норму на нас вывалило, – поделился своими мыслями усач.

– Это да! – покачал головой тот. – Взлетно-посадочную полосу-то службы успели почистить?

– А то! – кивнул пожилой. – Там же техникой чистят.

– Хорошо, – оценил старлей, протискиваясь мимо собеседника. – Ну, бывай, Макарыч. Предложил бы тебе помочь, но у меня вылет через полчаса. Титаренко экзамен удумал.

– Ни пуха! – подбодрил его Макарыч, пропуская мимо.

– К черту! – кивнул тот и бодро зашагал по чистому асфальту.

Макарыч проводил взглядом молодого летчика, скуп улыбаясь. Про экзамен командира эскадрильи, или сокращённо комэска, Титаренко он был наслышан. Ну и достанется сейчас этому старлею...

Военный аэродром в подмосковной Кубинке только начал оживать, а два истребителя уже стояли готовые к вылету. Механикам пришлось встать ни свет, ни заря, чтобы начать работу по подготовке самолётов, и поначалу им казалось, что все их старания пройдут напрасно, ведь, как подметил Макарыч, снег валил всю ночь, и предпосылок к тому, что он закончится к утру, совершенно не было. Но чуйка командира второй эскадрильи тяжёлых истребителей майора Титаренко, как всегда, не подвела и к моменту вылета от плотной облачности не осталось и следа.

Заслушав доклад от главного механика, молодой лётчик не стал сразу занимать место пилота, а принялся медленно обходить грациозный истребитель, тщательно осматривая его. Сняв перчатку, он бережно погладил борт самолета, несмотря на лёгкий мороз, стоящий на улице. Это не было

похоже на предусмотренный инструкцией осмотр самолета пилотом перед вылетом, а скорее напоминало, как заботливый кавалерист подбадривает верного скакуна перед скачкой.

Спустя двадцать минут два тяжёлых истребителя поднялись в воздух для совместного пилотажа. Экзамен, который проводил комэск Титаренко, был придуман им лично несколько лет назад и себя уже многократно оправдал. Экзамен будет считаться пройденным, если экзаменуемый в течение десяти минут сможет удержаться за ведущим, пока тот будет пытаться «сбросить его с хвоста». Если экзаменуемый его пройдёт, то будет назначен командиром звена. Хотя, на самом деле это далеко, не первый их совместный вылет, и он больше для галочки. Назначить экзаменуемого командиром звена можно было ещё года два назад, но тот был ещё слишком молод. И дело не столько в самом возрасте, сколько в боязни, что Титаренко обвинят в продвижении по службе «любимчика». Ведь когда-то давно Титаренко служил вместе с отцом этого самого парня. Поэтому, как только юноша попал в полк Алексея, он сразу взял его «под своё крыло». Юноша оказался совершенно незаурядным летчиком и компанейским человеком. Поблажек или особого отношения к нему не было, скорее наоборот. Титаренко всегда гонял его до седьмого пота, стараясь воспитать достойного приемника. А недавно ему исполнилось двадцать семь лет, и Алексей наконец-то решил его повысить. Комэск Титаренко – человек

принципов, и если дело доходит до продвижения по службе его “Любимчика”, то ни у кого не должно возникнуть сомнений, что он этого достоин. С ученика будет спрос в три раза выше, чем с остальных! Знание тактики и стратегии боя уже проверены, теперь – пилотаж.

У молодого лётчика на уме было совершенно иное. Уже две недели старинный друг уговаривает его поехать с ним на какой-нибудь южный курорт и отжечь там, как следует. В отличие от друга, ему никогда не доводилось так отдыхать, и, возможно, это последний раз, когда ему это удастся. После недолгих раздумий он согласился, и оставалось только выбить отпуск, который Титаренко ему обещал за удачно пройденный экзамен. Таким образом, чтобы поехать отдохнуть, нужно повторить все, что будет выполнять в воздухе Титаренко.

Неожиданно самолёт ведущего заложил резкий вираж. Экзаменуемый улыбнулся. Титаренко начал экзамен без предупреждения, но он догадывался о таком «подлом» ходе и моментально повторил маневр. Перегрузка привычно навалилась, и тело вжало в кресло, норовя раздавить. «Терпимо. Титаренко может и покруче, значит, экзамен будет более долгим, чем он рассчитывал», – подумал экзаменуемый и поудобнее взялся за ручку управления самолётом. На стороне учителя был многолетний опыт, а на стороне ученика талант и молодость. За отведённые десять минут экзамена ученик так ни разу и не отстал. «Что ж, посмотрим, надолго

ли тебя хватит», – мелькнула мысль в голове Титаренко, и он продолжил умопомрачительную карусель. Двигатели грохотали на форсаже, самолеты то взмывали вертикально вверх, то пикировали до минимальной высоты, то замирали на месте с нулевой скоростью, срываясь в штопор. Сообщения об предельных перегрузках, о критически малой высоте и предельных углах атаки сыпались от бортового компьютера один за другим, а суставы трещали от напряжения, но ведомый всё никак не отставал. «Ладно, хватит с меня», – подумал ведущий, переводя самолет в горизонтальный полет и приказывая ведомому следовать к аэродрому для посадки. Бортовой хронометр показывал, что они взлетели уже полчаса назад.

А внизу на аэродроме любая деятельность будто бы остановилась. Все, кто мог, приложив ладонь ко лбу, чтобы прикрыть глаза от солнца, наблюдали за учебным поединком. «Во дают!» – шепотом проговорил пожилой усач, который даже забыл, что ему надо почистить дорожки от снега. Если бы в воздухе был не сам комэск, то за такие фокусы можно и выговор получить или, того хуже, на «губу» загреметь. «Увлёкся Титаренко, увлёкся», – подумал он и, вспомнив про лопату, вновь принялся чистить дорожки, пока самолеты тем временем уже заходили на посадку.

После приземления Титаренко отправился поздравить ученика с успешно сданным экзаменом. Тот уже стоял в плотном кругу сослуживцев, которые наблюдали учебный бой и уже высказывали свои восторженные комментарии, но

при виде начальства, притихли. Только его протеже стоял в насквозь промокшем от пота комбинезоне и довольно улыбался. «Ещё и улыбается! Мало ему? Да уж, мне бы после такого полёта подремать часок, а этому хоть бы хны!», – мелькнуло в голове у Титаренко. «Зря я тянул с повышением, он давно это заслужил. С таким усердием он далеко пойдёт! В коллективе он свой в доску, незаурядный тактик и отличный пилот! Ему бы ещё на личном фронте такие успехи иметь, ведь крепкая семья – это один из столпов, на которых держится успех в карьере», – размышлял про себя комэск. Его протеже несколько раз был замечен с девушками, но серьёзных отношений так ни разу и не завёл. Титаренко как-то решил узнать, в чем дело, а тот лишь пожал плечами и ответил «Не те!» Что тут можно ещё сказать? Парень ищет ту единственную. Это похвально, но уж слишком он задрал планку. Хорошую девушку ему надо, но, видимо, в наше время они в дефиците!

Часть 1

Глава 1.1. Долгожданный отпуск.

Лани

Некогда любимая мелодия будильника под жужжание телефона безжалостно выбрасывает меня из сна, не оставляя шансов насладиться сновидением. А ведь я только-только пришла на чудеснейший пляж из мелкого приятного песка и собиралась поиграть в волейбол. Все, больше не буду ставить на будильник любимые песни, ведь они уже через неделю перестают таковыми быть.

С трудом открываю глаза и, улыбаясь, тянусь к телефону, чтобы отключить его. Хоть этот негодник и разбудил меня в три часа ночи, но я больше на него не злюсь. Мой самолёт вылетает в семь часов утра и летит не куда-нибудь, а во Вьетнам. Забавная вещь эти ранние подъемы. Если приходится вставать в семь утра, чтобы идти на работу, то это целая каторга, а вот в три часа ночи, чтобы поехать в отпуск, то пожалуйста, и даже с улыбкой на лице.

По-быстрому умываюсь и одеваюсь. На всякий случай просматриваю, собранные ещё вчера вещи, проверяю документы и заглядываю в билет на самолёт. Тааак, вылет 05.01.14 в 7.03 из аэропорта Шереметьево, терминал D. Ива-

нова Лани Владимировна. Вроде, все верно. На всякий случай читаю по слогам имя Ла-ни. Все всегда путают. Имя очень редкое, и недоразумений было предостаточно. Но родителям, когда они его выбирали, показалось, что имя красивой, я с ними полностью согласна.

От раздумий меня отвлекает телефон. В ватсап пришло сообщение от Ленки: “Через десять минут будем. Выходи”. Ленка – моя лучшая подруга, вдвоём с которой мы и летим во Вьетнам. Подвезти нас взялся один из её бывших. Я была уверена, что он ей откажет, но умелая интриганка Ленка все же как-то сумела выбить нам водителя на личном транспорте. Надо будет узнать, как ей это удалось, ведь насколько я помню, расстались они не очень красиво.

По старому обычаю присаживаюсь “на дорожку”, беру вещи и выхожу во двор. Машина уже стоит у подъезда. Завидев меня, Ленка выскакивает из машины и целует в щеку. Её бывший даже не удосужился выйти и помочь мне с чемоданами, поэтому мы с подругой сами заталкиваем все в багажник. Затем она приглашает сесть внутрь и открывает мне заднюю дверь. Старенький хендай насквозь провонял табачным дымом. Я, с трудом сдерживая отвращение, насколько это возможно, приветливо здороваюсь с бывшим подруги. Он отвечает что-то неразборчивое и трогается.

Мне на заднем сидении плохо слышно, о чем они разговаривают, и я решаю воспользоваться тем, что меня не замечают, и пытаюсь подремать, но ничего не выходит. Предвку-

шение долгожданного отпуска не даёт мне расслабиться. Как долго я его ждала! И уж там-то я оттянусь на славу! Я обожаю загорать, плавать и танцевать. Мы обязательно ходим в какой-нибудь местный клуб, и там я смогу потанцевать от души. Клубы – одна из моих слабостей, но мне интересен в них лишь танцпол. Дело в том, что я не пью алкоголь и не знакомлюсь там с мужиками. Мой опыт общения с противоположным полом – сплошное разочарование. Я всегда была влюбчивой, и стоило парню мне улыбнуться, как я сразу таяла. Пока жила с родителями, то они уберегали меня от глупостей, но переехав для учебы в Москву, я стала сама себе хозяйка. Тут-то и начались проблемы. Ребята стали уделять мне много внимания, и я была на седьмом небе от счастья, но все они преследовали одну и ту же цель, о которой несложно догадаться. Но после череды неудач мне все же попался, как мне тогда казалось, нормальный молодой человек. Он за мной долго ухаживал, дарил цветы, водил в кино и на свидания в кафе. Больше года мы встречались, и я думала, что это любовь навек. Но не тут то было! Однажды я выяснила, что была у него не одна. Надо было сразу его бросить, но я устроила истерику и сказала ему, чтобы он выбирал. И он выбрал не меня. Дура! О чем я только думала? И ладно бы она была красивее меня, но нет. Единственное, чему у неё можно позавидовать, так это рост. Я им не вышла. Всего 163 сантиметра, но зато у меня красивая грудь почти третьего размера, а она, хоть и длинная, но совершенно плоская.

Вообще, я считаю себя довольно красивой и интересной девушкой, но после всего этого, чтобы не привлекать лишнего мужского внимания, научилась прятать свою сексуальность и вести себя соответственно. Так что, если в клубе ко мне подвалит какой-нибудь перебравший недоумок со словами типа: “у тебя отличная задница, поехали ко мне!”, лучшее, что его ожидает это не очень вежливый отказ, а если он будет настойчив или, как однажды это было, попытается ущипнуть за попу, то я и врезать могу!

Хотя надо признать, что иногда накатывает печаль, когда все вокруг гуляют парочками, держатся за руки и целуются. Иногда я даже захожу в соцсети на странички того самого парня, что бросил меня, и смотрю его новые фотки. Прошло три года с того момента, а он уже год как женат на разлучнице. Конечно, женились они по “залёту”, но это меня слабо утешает.

– Приехали, – громко объявляет водитель, отгоняя неприятные мысли.

На этот раз он нам помог с вещами и на прощание целует Ленку в щеку, а мне лишь кивает. Я благодарю его за помощь, но он не слушает, а садится за руль и уезжает. Да и пошёл он! Когда они с Ленкой были ещё вместе, она мне рассказывала, что он меня недолюбливает и считает “фригидной сукой”, извините за мой французский. А все из-за того, что я вылила чашку горячего кофе на брюки его друга, который пытался ко мне подкатить и начал распускать руки. Хи-

хи! Было прикольно!

Только когда мы прошли регистрацию и уже сели в самолёт, я начала выпытывать у подружки как ей удалось уговорить парня, которого она бросила, отвезти нас в аэропорт. Ленка не сразу отвечает. Она упорно меняет тему, пытается отшутиться или отвлечь меня чем-нибудь, но когда понимает, что это бесполезно, поворачивается ко мне и смотрит своим самым хитрющим взглядом.

– Не может быть! – вырывается у меня.

– А что тут такого? – отмахивается она. – Ну, подумаешь, разок с бывшим. Это, вообще, не считается.

В этом вся Ленка. Она не заморачивается на долгих отношениях и меняет парней чаще, чем перчатки. А ещё она умеет ими манипулировать. Воспринимает парней только как средство скрасить досуг и получить от них то, что ей нужно. Я так никогда не смогу. Мне лучше вообще их не подпускать, а то опять влюблюсь, не дай Бог.

Глава 1.2. Ночное приключение.

Лани

Это был мой первый полёт на самолёте и, честно сказать, я даже немного волновалась, но стоило пилоту вывести двигатели на полную мощность при взлёте, как я забыла обо всем. Ленка уже несколько раз летала и уступила место у иллюминатора мне. Стремительный разгон и тряска резко закончились, едва шасси оторвались от взлётной полосы. Прильнув к иллюминатору, я не могла оторвать глаз от подмосковных пейзажей, которые открывались, когда самолёт совершал вираж. Девять часов, которые должны были стать настоящим испытанием, прошли незаметно, и я даже доспала то, что не успела ночью.

Но вот час пути на автобусе от аэропорта до отеля с лихвой компенсировал приятный перелёт. После холодной Москвы погода во Вьетнаме показалась не просто жаркой, а чудовищной. И, как назло, кондиционер в автобусе работал еле-еле. Вымотанных и взмокших от жары нас высадили возле гостиницы и наконец-то заселили в номера. Обычно-му душу я была рада больше, чем самому элитному СПА-центру в любой другой день. Тёплые струи воды свершили настоящее чудо, вернув мне бодрость духа, и я, сама того не замечая, уже напеваю, пританцовываю и кривляюсь перед зеркалом, стараясь рассмешить своё отражение. Мои, доста-

ющие до лопаток темно-каштановые волосы, от воды стали еще более темными, почти черными, и я на секунду задумываюсь не сменить ли мне имидж. Покраситься в угольно черный, сделать каре и сбросить киллограмма три-четыре. Чтобы проверить последнюю мысль, щипаю себя за кожу на животе. Да не, совсем я не толстая, худеть не надо. Тем более если начать худеть, то первой исчезнет грудь, а её терять совсем не хочется. Вон даже у исполнительниц танца живота этот самый животик всегда есть, а их сложно упрекнуть в отсутствии изящества и сексуальности. Для наглядности я пытаюсь ритмично втягивать живот и в такт качать бедрами. На удивление получается совсем не плохо! Ох, сейчас бы в танцевальный клуб! Но Ленка точно не согласится идти туда сегодня, ведь на вечер у нас по плану бар или кафе. Кстати! Надо пойти посмотреть, как там она.

Ещё при покупке путевки она наотрез отказалась поселиться в одном номере и все мои аргументы об экономии средств отмела сразу. Ей, видите ли, соседи по номеру не нужны, ведь она собирается привести туда какого-нибудь парня, которого начнёт искать уже сегодня.

Особо не заморачиваясь с нарядом и макияжем, я быстро собралась к выходу в свет и отправилась к Ленке. Лишь зайдя к ней в номер, я обратила внимание, что за окном уже темно, а она ещё совершенно не готова.

– О! Лани, ты-то мне и поможешь подобрать, во что одеться, – протараторила она, бегая мимо меня в одном лишь бе-

лье.

Демонстративно закатив глаза, я поудобнее устроилась на кровати, понимая, что это может затянуться надолго. Ленка щеголяла мимо меня в ужасно откровенных нарядах, подбирая «то, что надо», и вызывающе красилась, пока я помирала со скуки. Когда она наконец-то была готова к вечернему съему, я уже практически уснула и никуда идти не хотела. Но раз уж мы договорились посидеть в кафе, то пришлось просыпаться и идти. К сожалению, осмотреться в городе мы не успели и кафе выбрали наобум. По-вьетнамски читать и говорить мы, конечно же, не умеем, но Ленка без труда отыскала в меню свой любимый ром-колу, а я лаконично объяснилась с официантом словами «но алкоголь». Ну, а что перекусить мы выбирали по картинкам. Когда заказанные напитки стояли у нас на столе, Ленка крепко приложилась к своему стакану и начала крутить головой, высматривая жертву на сегодня. Но, к ее несчастью, кафе было заполнено семейными парами с детьми.

– Может, сходим ещё куда-нибудь? – предложила она, допив первый стакан и заказав ещё порцию.

– Может, сегодня посидим вдвоём? Не хочу тратить отпуск на поиски мужика для тебя, – отпив из своего стакана, ответила я, пытаюсь понять, что же за напиток мне принесли.

– Что ж, твоя взяла! – немного погрузнев, сдалась она. – Но напиток ты мне сегодня не помешаешь!

– Другое дело! – обрадовалась я, понимая, что вечер не

загублен.

Настроение сразу поползло вверх, и мы, не обращая внимания на время, начали болтать обо все на свете, как это у нас часто бывает. Она, как обычно, начала объяснять мне, что все мои проблемы от того, что у меня нет мужика уже три года, а это недопустимо для молодой девушки. Я на все её пошлые намеки лишь отмахивалась и говорила, что не хочу, кого попало.

– Ну, заведи тогда кошку что ли! – сдалась она.

– А что, это идея! – подыграла я. – Кошки хотя бы всегда возвращаются.

– Ой, опять ты про этого недоумка! Сжался! – состроила недовольную рожицу она.

Но я и сама не хотела вспоминать своего бывшего, а про кошку Ленка попала в десятку. Я давно подумываю о домашнем питомце, но хозяйка квартиры, которую я снимаю, против животных, и мне ничего не остается, как только мечтать. Вообще, я очень люблю животных. И когда был выбор, на кого идти учиться, я выбирала из медицинского и ветеринарного. Но выбор пал на первый вариант, и я ни разу не жалею, ведь два года назад я закончила учёбу и работаю ассистентом хирурга в интернатуре.

Тем временем уже третий стакан у Ленки опустел, а значит, пора вести её гулять, пока она может ходить сама и относительно ровно.

– Куда пойдём? – вдохнув свежий ночной воздух, немного

пьяным голосом уточнила она.

– Вперёд на запад! – процитировав фразу из какого-то советского фильма я, достаю телефон и включая карты google. – Хотя, нет. На западе горы. Туда мы точно не пойдём.

– На восток! – решительно заявляет Ленка, указывая пальцем в произвольном направлении.

– А где у нас восток? – останавливаю её я. – В какую сторону идти? – Уткнувшись в телефон, пытаюсь сориентироваться на местности.

– На золотом крыльце сидели: царь, царевич... – в это время начинает детскую считалку Ленка, по очереди направляя пальцем в разные стороны, – ...выбирай поскорей, не задерживай добрых и честных людей! – заканчивает она и указывает пальцем вверх по улице. – Сюда!

– Да нет, туда, – наконец-то сориентировавшись, указываю нужное направление.

– Почему это? – искренне недоумевает она, но на своём не настаивает. – Обычно я всегда по этой считалке угадываю направление.

– Прямо всегда?

– Ну, где-то в половине случаев, – немного подумав, заявляет она, берет меня под руку, и мы отправляемся навстречу океану, который как раз расположен на востоке.

Как и следовало ожидать, сам пляж закрыт на ночь и толпы туристов сконцентрировались на верандах прибрежных

кафе. Подход к морю огорожен невысоким забором и с виду совершенно безлюден.

– Облом! Вон на табличке написано, что пляж открыт с 8 до 22 часов, – с сожалением констатирую я, – как строго у них тут с этим.

– Как ты знаешь, строгость законов нивелируется необязательностью их выполнения! – еле выговорив фразу, заявляет Ленка и в один мах перепрыгивает ограждение. – Я хочу купаться!

– Лен! Постой! – опасно следуя за ней! – Мы же без купальников...

– Не будь занудой! Когда ты ещё поплаваешь ночью в океане?

Уже спустя секунду жажда приключений овладевает мной, и я бегу вслед за Ленкой, которая уже сбросила с себя все, кроме трусиков, и направилась в воду. Немного подумав, начинаю повторять за ней, но решаю остаться ещё и в лифчике. Это Ленке хорошо с её небольшой грудью, а мне потом в мокрой майке как идти?

Свежий морской воздух щекотал кожу и находящийся в нескольких шагах океан казался прохладным, но стоило мне зайти в воду, как я поняла, что не зря пошла за Ленкой на маленькое преступление. Вода просто божественна, а из ниоткуда и с хохотом налетевшая на меня подруга невольно заставила от души смеяться.

Полностью обессилив, пока плескались в море, мы вы-

ползли на берег, улеглись на ещё хранящий тепло жаркого дня песок и замерли, глядя на небо.

– Так интересно, – нарушила молчание я, – несмотря на то, что мы находимся на другом конце света, звёзды такие же, как и у нас.

– Не совсем, – немного подумав, – отвечает Ленка. Малой медведицы не видно. А значит и полярной звезды.

– Пхах! – прыскаю со смеха я. – Чтобы найти север, у нас всегда есть твоя считалочка!

– Или твой мобильник! – поддерживает шутку она и тоже заливается смехом.

Вдоволь посмеявшись, мы решаем идти обратно в гостиницу. Завершать вечер нам совершенно не хочется, но делать нечего, и мы начинаем собираться. Никогда бы не подумала, что буду надевать одежду прямо вот так поверх мокрого белья, даже как следует не отряхнувшись от налипшего песка. Обратная дорога показалась нам вдвое дольше, чем путь на пляж, а ещё посередине пути мы замечаем, что у нас появился хвостик. Маленькая тень, сначала держащаяся на приличном расстоянии, постепенно осмелела и вот уже появляется вполне различимый силуэт щенка, который озорно семенит за нами своими маленькими ножками, периодически твякая на прохожих, пытаясь привлечь чьё-нибудь внимание.

– Ух ты какой славный! – останавливаюсь я, чтобы его погладить.

– Ты же не будешь трогать эту блохастую псину! – с от-

вращением заявляет Ленка. – Ещё лишай какой подцепишь.

– Но я только...

– Пошли скорее, пока он нас не догнал, – ничего не хочет слушать она, берет меня под руку и тащит в сторону гостиницы.

Но щенка наше отсутствие внимания к нему совершенно не волновало, и он продолжал бежать за нами, пока не увидел охранника, стоявшего на входе в гостиницу. Довольно полагав пару раз нам вслед, он развернулся и убежал восвояси.

Но про щенка я забыла, едва вошла в здание. Ноги подкашивались от усталости, и риск уснуть прямо на ходу не позволял мне думать ни о чем, кроме постели. Я даже почти не обратила внимания на двух молодых людей стоящих в вестибюле и провожающих нас любопытными взглядами. Ещё бы! Даже представить боюсь, как мы сейчас выглядим – мокрые волосы, просвечивающее белье, песок на коже и заплетающиеся то ли от усталости, то ли от алкоголя ноги.

Добравшись до номера, едва успеваю стянуть с себя одежду, прежде чем упасть на кровать. Последней мыслью, промелькнувшей в стремительно проваливающимся сознании, была – «это на меня не похоже!»

Глава 1.3. Звезда танцпола.

Лани

Наутро, когда зазвенел будильник, идея пропустить сегодняшний завтрак казалась не такой уж и плохой. Мышцы слегка побаливали после вчерашних приключений, голова была ватная, а не мытые и растрепанные после купания волосы так и вообще за ночь превратились в мочалку. Да, видок, наверное, тот ещё! Но желудок настойчиво урчал, и пришлось превозмочь себя и все-таки подниматься. Кажется, где-то в номере есть чудо-душ, который вчера серьезно выручил меня. Может и сегодня получится? Предусмотрительно прикрыв ладонью отражение в зеркале, я прошмыгнула в душ и включила воду. Волшебство моего душа сработало и сегодня, заставляя задуматься об установке такого же у себя в съемной квартире в Москве. Улыбаясь своим мыслям про то, как везу из Вьетнама душевую кабину в Москву, я закончила приготовления, оделась и под аккомпанемент звуков из голодного желудка отправилась искать, где в нашей гостинице кормят.

Воспользовавшись старинной мудростью «иди, куда и все», я с легкостью отыскала гостиничное кафе, в котором оказалось яблоку негде упасть. Немного покрутив головой и сориентировавшись, стало понятно, что тут самообслуживание и принцип шведского стола. Берёшь поднос, проходишь

мимо стеллажей с едой и выбираешь, что понравилось. А после еды, судя по всему, надо сложить подносы с грязной посудой на отдельный стеллаж. К счастью, разнообразие блюд оказалось на высшем уровне, и, помимо местной кухни, которую я пока что не рисковала пробовать, была и европейская. Омлеты, жареный бекон, тосты с сыром и соки. Это и стало моим выбором на сегодня. Но стоило мне закончить сбор своего завтрака и отправиться искать свободный столик, планируя как следует подкрепиться, как поняла, что все столы заняты. Точнее посетителями заняты лишь половина столов, а остальные просто завалены подносами с грязной посудой. Большинство посетителей, кто оказался в схожей со мной ситуации, держали поднос с едой и бродили между столиков в поисках тех, кто заканчивал завтрак. Хоть мое настроение и было подпорчено откровенным свинством части посетителей кафе, которые думали только о себе, повторять за ними я не стала. Выбрав один из таких столиков с небрежными подносами, я просто исправила это, относя их, как и полагается, к стеллажу под недоуменные взгляды присутствующих. Чтобы очистить все окончательно, мне пришлось это сделать целых три раза, но зато я оказалась одна за целым столиком.

Правда, совсем ненадолго. Едва я наколола кусочек омлета на вилку и поднесла ко рту, как кто-то с мужским голосом повис надо мной и с явным акцентом обратился ко мне по-английски, прося разрешения подсесть за мой стол. Омлет

срывается с вилки, падает на стол, а я щелкаю зубами в пустоте.

– Угу! – сконфуженно отвечаю я, поднимая взгляд на виновника происшествия.

Виновником оказался зеленоглазый молодой человек лет двадцати пяти-тридцати, который моментально сориентировался в обстановке, выхватил салфетку из стоящей на краю стола салфетницы и протянул мне.

Коротко поблагодарив по-английски, приняла салфетку и начала устранять последствия конфуза. Он, воспользовавшись паузой, сел напротив, позволяя мне как следует его рассмотреть. Явно не спортсмен, но в хорошей форме, глубоко посаженные глаза будто видят всех насквозь, но почему-то этого взгляда не хочется избегать. Да и одет он хоть и просто, но опрятно и не без вкуса. Когда я отложила использованную салфетку в сторону и обратила внимание на его поднос, то поняла, что на нем находится тот же набор блюд, что и у меня. Он тоже это заметил и слегка улыбнулся. «А он симпатичный», – пронеслось в голове. Но тут же я вспомнила про свой опыт общения с такими вот улыбчивыми симпатягами и решительно отбросила все мысли на его счёт. К счастью, и он с разговорами не лез и даже закончил с едой быстрее меня. Встав со своего места, кивнув мне на прощание, собрался было уходить. «Ещё один любитель намусорить и не убраться за собой», – пронеслось в голове, но, будто услышав мои мысли, он подхватил свой поднос и пру-

жинистым шагом отправился его уносить. «Ну, хоть кто-то воспитан как следует!» – успела подумать я, но тут же поняла, что снова за ним наблюдаю, да ещё и расхваливаю.

Чтобы отогнать мысль, я решила вспомнить, откуда у меня этот пунктик насчёт небубанных подносов. Наверное, это ещё с самого начала студенчества, когда я только переехала в Москву. Отправившись впервые в фастфуд с одноклассниками, я была до глубины души удивлена, что посуду за собой можно и не убирать. Мой жизненный опыт говорил об обратном, что и послужило твердому решению не уподобляться таким людям, а наперекор общественному давлению делать только так, как я привыкла.

Расправившись с завтраком, решаю сходить в номер Ленки. Она, конечно, мучается с похмелья, но если её не поднять, то она так и до вечера проваляться в постели может. Так что, прихватив с собой бутылочку минералки из автомата с водой и таблетку анальгина из своей походной аптечки, иду откачивать подругу.

Дверь мне она открывает совсем не торопясь, и по её внешнему виду сразу понятно почему. На неё даже смотреть больно. Вместо приветствия я показываю ей бутылку с водой и таблетку. Признаки жизни тут же появляются на её лице, и она отточенными движениями принимается за самолечение.

– Ты мой спаситель! – сделав несколько больших глотков, наконец-то признаётся она, и мы заходим к ней в номер.

Планов на день у нас не было, но вечером мы единоглас-

но проголосовали за танцевальный клуб. А ждать, пока этот вечер настанет, мы решили на пляже. Надо же там побывать для разнообразия ещё и днём. Ленка поплавать, поиграть в волейбол или ещё как-нибудь активно проводить время отказалась, так что мы занялись тюленьим отдыхом, чтобы приберечь силы на вечер.

Ровно в 21.00 мы договорились встретиться с подругой на первом этаже. Она, конечно же, опять оденется а-ля "заметь меня", а у меня на это мероприятие припасен козырь. Старое красное платье, которое подарил еще мой бывший, и которое я никак не решалась надеть эти три года, но сейчас оно пришлось как нельзя кстати. К счастью, оно до сих пор было мне по фигуре и эту самую фигуру отлично подчеркивало. Подол едва выше колена, обтягивающая талия и милый вырез на груди. Перебарщивать с косметикой я не люблю, поэтому ограничилась блеском для губ и тушью. Можно подумать, что я так наряжалась, чтобы кому-то понравиться, но реальность совсем иная. Понравиться я хотела лишь себе. Девушке иногда просто необходимо хорошо выглядеть для поддержания собственного я. А вот Ленка, как я и подозревала, была полной противоположностью мне. Супер-короткая юбка и полу-просвечивающий топ дополняла лишь крохотная сумочка и вызывающе красная помада. А вот про сумочку это она хорошо придумала, ведь у меня ничего подходящего под платье не было, и я взяла собой лишь мобильник, банковскую карту и ключи от номера.

– Вау! – восклицает Ленка, когда видит меня. – Да ты, подруга, сегодня просто супер! Мне придётся потрудиться, чтобы ты не затмила меня полностью.

– Хорошо, что я в него влезла, – отмахиваюсь я. – Но ты не бойся, меня интересуют лишь музыка! Мужиков забирай себе.

Весело смеясь, мы направились в клуб, который находится всего в десяти минутах ходьбы, что не может не радовать, ведь заморачиваться по поводу такси совершенно не хочется.

Клуб, хоть и немного необычный, но нам понравился. Музыка – супер, и я еле сдерживаюсь, чтобы сразу же не пойти танцевать, но Ленка предлагает сначала пропустить стаканчик-другой, осмотреться и только потом идти на танцпол. Мне, конечно, не терпится потанцевать, но я соглашаюсь с ней, и мы направляемся к барной стойке. Немного изучив ламинированное меню, в котором названия были предусмотрительно переведены на английский, нахожу свой любимый безалкогольный мохито и, получив его, почти сразу расправляюсь с ним. Ленка тоже не отстаёт и быстро выпивает свой ром-колу. Ну, теперь-то она точно не сможет отказаться от танцев, и я тащу ее в самый центр танцпола, на котором уже собралась приличная толпа. Она еле успевает за мной на своих каблучищах. Я же не очень люблю высокие каблуки, и поэтому даже в подобных ситуациях у меня не получается компенсировать свой рост.

Музыка немного отличается от той, к которой я привыкла, но я быстро подстраиваюсь и растворяюсь в ней. В такие моменты существую только я и музыка. Ничто и никто не может меня отвлечь. Хотя нет. Меня может отвлечь жажда. Я взглянула на часы, висящие на стене, и поняла, что прошло уже минут сорок. Для меня время пронеслось как одно мгновение.

– Ну что, звезда танцпола, может, передохнём? – пытаюсь перекричать музыку, кричит мне в ухо Ленка, увидев, что я остановилась.

Я оглядываюсь вокруг и ловлю на себе несколько взглядов. В основном – это парни, осматривающие меня с ног до головы. Ну, как всегда, даже удивляться не буду от этих животных. Но есть и несколько девушек, которые завистливо поглядывают в мою сторону. До этих мне вообще нет никакого дела. Пусть смотрят, если интересно.

– Хочу пить! – отвечаю я подруге. Она одобрительно кивает, и мы возвращаемся к бару.

Время близится к полуночи, и клуб медленно забивается до отказа. Возле бара уже собралась приличная толпа и, чтобы добраться до барной стойки, придётся сквозь нее протискиваться. Ленка в подобных ситуациях чувствует себя гораздо увереннее и поэтому она пускается вперёд расталкивать людей, а я иду следом, держась за её руку, чтобы не отставать. Уже у самой барной стойки она безапелляционно отталкивает в сторону какого-то мужика и протискива-

ется мимо. Мужик недовольно оглядывается и смотрит на нас. Он тут же расплывается в улыбке и обращается к нам на корявеньком английском. Представившись как Антуан, он предлагает нам выпить. Я сразу же отказываюсь и пытаюсь тоже добраться до бара, но тут замечаю знакомое лицо. Рядом с этим самым Антуаном, который, судя по шортам, гавайской рубашке и сандалиях поверх носков, скорее всего Антон из России, стоит тот самый молодой человек, с которым мы с утра вместе завтракали. Похоже “Антуан” – это аналог моей Ленки, который тоже опаздывал на завтрак. Мой “знакомый” тоже меня узнал, и улыбнувшись одними только глазами, слегка кивнул мне в знак приветствия. Это не ускользает от внимания Ленки и она с возгласом: “Вы знакомы?” тащит меня к себе.

– Так вы из России? – спрашивает Антон слыша знакомую речь. Его похотливая улыбка становится еще шире, и он начинает осматривать меня словно сканер.

От этого мне становится не по себе. Оценивает меня, словно кусок мяса или вещь какую-то. Я машинально одернула платье и поправила грудь, которая немного выбилась из лифчика и оголилась больше, чем надо.

– А меня зовут Лена, – подруга концентрирует внимание Антона на себе.

Он медленно переводит взгляд и принимается “сканировать” её. Я так ей благодарна за это, что мысленно говорю ей спасибо. Тут я замечаю, что она от этого его взгляда просто

млеет. Ей определённо нравится его нахальное поведение. Между ними тут же завязывается оживленный диалог, и я делаю шаг в сторону, натываясь на своего утреннего знакомого.

– Привет, – говорит он. – Я с утра и подумать не мог, что мы соотечественники, когда обращался к тебе.

– Привет, – отвечаю я. – Да, неловко получилось, – Я так не похожа на русскую?

– Нет, дело не в этом. Наши обычно не убирают столики за другими, когда хотят туда сесть, – поясняет он. – Меня зовут Кирилл, но для друзей можно просто Рил, – меняет тему он и протягивает мне руку для рукопожатия.

Это что, новый способ флирта – здороваться за руку с девушкой? Обычно в клубах парни пытаются сразу ущипнуть за попу. Но видимо этот Кирилл не такой. Я бросаю взгляд на него. Он одет гораздо лучше своего друга. Классические синие джинсы, белая футболка поло и кеды. Моя рука сама тянется в ответ. Он крепко, но не сильно её пожимает и улыбается одними кончиками губ. Рука у него сильная, тёплая и немного грубая.

– Лани, – представляюсь я.

– Не понял, – он в замешательстве.

– Это имя такое. Ла-ни, – медленно проговариваю я.

Повисает долгая пауза. Похоже, Кирилл не из тех, кто за словом в карман не лезет. Даже немного не хочется расстраивать его, ведь ему все равно ничего не светит.

– Можно тебя угостить? – вдруг опомнился он.

Блин, я только сейчас поняла в какую дурацкую ситуацию попала. У меня ведь нет денег. Я их отдала на хранение Ленке, а она сейчас разговаривает с этим Антоном. Если подойти к ним, то он опять может начать приставать. Но позволить Кириллу меня угостить – значит обнадежить его. А пить действительно хочется!

– Буду очень благодарна, – говорю я, выбирая из двух зол меньшее.

– Что ты пьёшь?

– Безалкогольный мохито.

Кирилл жестом просит бармена подойти. Он разворачивает ламинированное меню, валяющееся на барной стойке, к себе, находит там нужную строчку и указывает на неё.

– Чунг та ла хаи! – Кирилл обращается к бармену на вьетнамском.

Бармен кивает и принимается за дело. Но вместо одного коктейля он делает два и протягивает нам.

– Зачем ты заказал два? – спрашиваю я.

– Утром за завтраком наши вкусы совпали. Я подумал, что и сейчас мне понравится твой выбор.

Лучше бы я попросила у Ленки купить мне попить и потерпела наглые взгляды Антона. Ведь Кирилл действительно очень милый и отшивать его теперь мне ещё противнее. Я беру свой стакан и молча отправляюсь обратно на танцпол под недоумевающий взгляд Кирилла.

Но танец больше не идёт. Музыка не доставляет удовольствия, проникнуться ею я не могу, и даже потанцевать не удаётся. В голову все время лезет мысль о том, как я некрасиво поступила. А ещё Ленка куда-то пропала. Наверное, так и стоит возле бара с этим Антоном.

Я оглядываюсь на часы. Прошло уже полчаса с момента, как я вернулась на танцпол. Надо найти Ленку, чтобы забрать свои вещи и предупредить, что я хочу вернуться в гостиницу.

Я пробираюсь сквозь толпу и иду обратно к бару. К счастью народу здесь поубавилось, и я довольно легко добираюсь до места, где мы стояли тридцатью минутами ранее. Кирилла я замечаю издали, а вот Ленку я не вижу. Подхожу ближе, но результат тот же. Тут Кирилл оборачивается и замечает меня. Делать нечего придётся подойти. Он где-то разжился барным стулом и сейчас сидит за баром, а перед ним, кроме заказанного ранее мохито, стоит ещё один стакан.

– Привет, – зачем-то говорю я. Он в ответ кивает. – Что пьёшь? – спрашиваю я первое, что пришло в голову.

– Виски, – он для наглядности поднял стакан и покрутил в нем коричневатый напиток. – Надо признаться, самый дрянной из тех, что я пробовал, – говорит он и улыбается своим мыслям. – Так что мохито очень пригодился в качестве заправки.

– Ну, хоть не пропал даром, – я тоже начинаю улыбаться.

– Похоже, я первый, кто заказал его в чистом виде. Все

мешают его с колой, а в таком сочетании можно лить все, что угодно, – говорит он и залпом допивает содержимое стакана и тут же, морщась, запивает его мохито.

– Ты не видел, куда девалась моя подруга? – спрашиваю я то, для чего вернулась к бару.

– Видимо ушла куда-то вместе с моим другом, – он пожимает плечами. – Я пытался ему дозвониться, но он не берет трубку.

– Блин, мои вещи остались у неё, а я собиралась уходить.

– Что, натанцевалась? – немного ехидно спрашивает он.

– Типа того, – я прощаю ему лёгкое ехидство, он в праве на меня обижаться.

Опять повисает неловкая пауза, и я уже собиралась попрощаться и идти в гостиницу, но тут он снова заговорил:

– Если ты помнишь номер телефона Лены, можем попытаться дозвониться до неё.

– Помню, – отвечаю я, и он протягивает мне свой разблоченный телефон.

– Твоя подруга, ты и звони, – пожимает плечами он.

Я беру телефон и по памяти набираю номер. Через несколько гудков слышится озадаченный голос Ленки. Я ладонью прикрываю микрофон, чтобы не мешала доносящаяся музыка, и спрашиваю, куда она подевалась. Оказывается, у Антона из номера открывается прекрасный вид, на который они пошли полюбоваться. Все ясно, можно смело уходить. Я обрисовываю ситуацию Кириллу и прощаюсь с ним,

собираясь уходить.

– Можно тебя проводить? – неожиданно спрашивает он.

– А разве ты не остаёшься?

– Делать мне тут больше нечего. Антон ушел, а приличного виски у них нет. Так что меня здесь больше ничего не держит.

– Тогда пошли, – неохотно соглашаюсь я.

По дороге выяснилось, что мы остановились в одной гостинице, но они приехали на пару дней раньше. Он же спрашивает у меня, откуда я и чем занимаюсь.

– Два с половиной года назад закончила медицинский, – рассказываю я, – с тех пор работаю ассистентом хирурга в одной из московских больниц.

– Ты любишь ходить в подобные клубы? – он кивает в сторону клуба, из которого мы только что вышли.

– Я **ОЧЕНЬ** люблю танцевать! А с чего ты это взял? – спрашиваю я, почувствовав подвох.

– Я видел, как ты танцуешь. Это было здорово! Ты в своем красном платье двигалась так красиво и естественно, что я не мог отвести глаза.

Он такой милый! Как я могла быть настолько бесчувственной? Но лучше отшить его сейчас, чем нечаянно влюбиться и потом снова лечить разбитое сердце. Ведь даже сейчас он, хоть и по своему, пытается добиться меня. Но я помню все, что мне сделали мужчины, и не попадусь на эту удочку!

За разговором мы добираемся до гостиницы, и я начинаю подозревать, что он начнёт звать меня к себе в номер под вымышленным предлогом, но вот мы заходим в лифт и он спрашивает какой этаж.

– Четвёртый, – отвечаю я.

Он жмет кнопку четвёртого этажа, а затем сразу третьего.

– А мне третий, – поясняет он.

Я не успела опомниться, как он поднял ладонь на прощание, улыбнулся и сказал:

– До встречи!

– Постой! – кричу ему вслед я и выбегаю из лифта. – Поможешь мне забрать мой телефон, карточку и ключи из номера Антона? – говорю я, понимая какая я молодец, что вспомнила про свое барахло, оставшееся в сумочке у Ленки, пока Кирилл не ушёл.

– Конечно, – отвечает Кирилл, весело улыбнувшись, когда понял, что я имею в виду.

Мы молча дошли до нужной двери, затем Кирилл громко в нее постучал и аккуратно потянул за ручку. Дверь оказалась не закрыта.

– Подожди меня тут, – прошептал он и, странно улыбаясь, юркнул в открытую дверь.

Его не было меньше минуты, но вышел он с моим телефоном, ключами и банковской картой.

– Спасибо! – я начинаю соображать, как бы поскорее сбежать, ведь сейчас для него идеальный момент, чтобы попро-

сильно поцелуй или что-нибудь в этом роде.

– Не за что! – застенчиво улыбаясь, кивает Кирилл. – Спокойной ночи! – добавляет он, разворачивается и заходит в соседний номер, показав ладонь на прощание.

Дверь закрывается передо мной, оставив меня в совершенной растерянности. Этот парень сломал все мои стереотипы, и заснуть будет сложно.

Глава 1.4. Случайная встреча.

Лани

Сложно сказать, спала я в эту ночь или просто ворочалась, ожидая звонок будильника. В таком состоянии не всегда ясно снится сон, или же это были действительно мои мысли, из-за которых почему-то всю ночь пришлось мучиться от угрызений совести. Некогда добрые зелёные глаза теперь были полны презрения и злости, заставляя меня испытывать чувство вины. Я раз за разом пыталась понять, за что мне стыдно перед обладателем зелёных глаз, ведь ничего ужасного я не сделала. Подумаешь, отвергла его робкие ухаживания, ничего ужасного в этом нет. Тем более, мне вовсе не впервой отшивать парней в клубах. Но зелёные глаза раньше были такие добрые, что чувство вины возникало само собой, ведь если я смогла расстроить такого хорошего человека, значит, в этот раз натворила что-то действительно ужасное.

Мелодия звенящего будильника, которую я снова мысленно пообещала себе сменить, положила конец моим полу-осознанным терзаниям. Но в то же время звон будильника означал, что надо прекращать свои попытки уснуть, ведь пропускать завтрак не стоит. Лучше уже после кафе вернуться в норм и все-таки попытаться немного поспать.

Бросив взгляд на часы, понимаю, что времени приводить

себя в порядок почти нет, иначе рискую не успеть перекусить. Поэтому нехитрые манипуляции утренней гигиены, и я совершенно без настроения быстрым шагом иду в кафе, пытаюсь не вспоминать вчерашний день, но это мне не удаётся. То, что я больше не думаю о зелёных глазах – это уже достижение, но теперь на ум пришло то, как поступила Ленка. Накручивая себя не самыми приятными мыслями о ней, сметаю остатки того, что ещё пару часов называлось шведским, столом и без всякого удовольствия работаю вилкой, косясь на вход, будто чего-то или кого-то ожидая. Кого я могу ждать в кафе? Уж не Кирилла же... Ааа! Я жду Ленку, чтобы высказать ей все, что я о ней думаю. Но, видимо, я на сегодня последний посетитель и больше никто в кафе так и не зашёл. Но был и приятный момент. Подкрепившись, я поняла, что злость на Ленку сама собой начала проходить, и настроение поползло вверх, а предвкушение того, что я смогу нормально поспать, так и вообще добавляло сил. Поэтому выходила из кафе я уже совершенно в другом настроении, когда буквально чуть не налетела на одного из менеджеров, поставленная за годы работы в отеле улыбка которого, казалось, уже никогда не сходила с его лица. Но не успела я извиниться и идти дальше, как этот ушлый тип начал мне что-то впаривать, тряся перед лицом каким-то листком бумаги. Я уже было хотела его вежливо послать, но среди потока его слов я смогла различить «море» и «катер». Это совсем другое дело! Я же как раз хотела отправиться на морскую про-

гулку, а поехать без Ленки было бы отличной мезтью за вчерашнее. Вот только пошарив по карманам, понимаю, что денег у меня с собой почти нет, но и тут удача мне благоволила, ведь билет стоил сущие копейки. Наскрёбля нужную сумму, я протянула несколько мятых купюр менеджеру и взяла у него листок бумаги, являющийся билетом. На нем предсмотpительно была продублирована вся информация на английском языке. Номер маршрута и причала, название катера и время отправления – 12.00. Мои глаза расширяются от ужаса. До отправления остаётся чуть больше часа, а я совершенно к нему не готова. Сорвавшись с места, я, словно заправский спринтер, преодолела расстояние до своего номера и начала быстро приводить себя в порядок, надела подшорты и майку купальник вместо белья на тот случай если, нам разрешат искупаться, привела в порядок причёску, взяла пляжную сумку и побежала со всех ног в сторону порта.

К нужному причалу я добралась с опозданием в пару минут, но капитан катера и ухом не повёл на мою провинность. Кивнув ему в знак благодарности, я попыталась отдышаться, заходя на борт и осматривая сам катер. Лодка была совсем не новая, но в хорошем состоянии. Палуба чистая, свежая краска поблескивала на солнце, а мотор ровно и негромко урчал. Посреди палубы под тентом, защищающим от солнца, располагались несколько рядов сидений со спинками для пассажиров, которые сейчас были заполнены туристами. В первый момент мне даже показалось, что заняты абсолютно

все места, как вдруг чей-то голос позвал меня по имени:

– Лани! – мужская рука взметнулась вверх из самого центра сидящих людей.

Все еще красная и не в силах справиться с одышкой после бега, я присмотрелась к тому месту, откуда прозвучало мое имя, и тут же увидела поднимающегося Кирилла. Учитывая то, что он мне снился всю ночь, я сразу почувствовала себя неловко, заливаясь краской ещё сильнее, чем до этого. Сделав глубокий вдох, чтобы успокоить выпрыгивающее из груди сердце, робко направляюсь навстречу к нему.

– Привет! Вьетнам очень тесен, – метко подмечает он, когда до него остается несколько шагов. – Тебя тоже развёл на покупку билета менеджер отеля?

– Привет! Если бы ты не пришёл раньше меня, я бы подумала, что преследуешь меня ты! – стараясь выглядеть как можно непринуждённее, пошутила я. – Ага, подловил меня на выходе из кафе и предложил купить билет по очень низкой цене.

– Но выходит, что преследуешь меня ты, – Кирилл улыбнулся одними лишь глазами.

Я с опаской заглянула в эти глаза, что снились мне всю ночь, и мне сразу стало уютнее в его компании. Злости или презрения в них не было. Взгляд был сосредоточен, внимателен, но такой же спокойный и добрый, как раньше.

Двигатель катера начал набирать обороты, намекая на начало путешествия, и я поймала себя на мысли, что мы с Ки-

риллом до сих пор стоим на ногах. Я обвела взглядом палубу, ища свободное место, но оказалось, что единственное пустующее сиденье было как раз около Кирилла. Снова удивившись такому странному совпадению, я заняла его, и наше путешествие к пляжному острову началось.

Между нами тут же завязалась непринужденная беседа, в ходе которой я украдкой взглянула на него, рассматривая получше. И все-таки он симпатяга. Чёрные волосы, частично выцветшие на солнце, короткая стрижка, крепкие руки, загорелая, привыкшая к солнцу и ветру кожа, уверенные движения и, конечно же, безумно красивые глубоко посаженные зелёные глаза, в которые хочется смотреть и смотреть. Жизненный опыт подсказывает, что таким красавчикам доверять нельзя, и, будь моя воля, ради своей душевной безопасности, я бы опять постаралась от него сбежать на тот случай, если он начнёт флиртовать. Но сбежать с катера некуда. Как говорится: «куда ты денешься с подводной лодки?».

Но к счастью флиртовать он и не думал. Он вообще мало говорил, предпочитая расспрашивать меня. А что мне? Найдя благодарного слушателя, я с огромным удовольствием рассказываю про Ленку и её отвратительное поведение с самого начала отпуска, про свою работу в интернатуре, про студенчество и про то, как поступила в медицинский, и мне пришлось переехать из Нижегородской области в Москву.

– А ты где живешь? – вдруг мне приходит в голову спросить у него.

– Я из Подмосковья, – признаётся он. – В Одинцово снимаю квартиру.

– Так мы с тобой, получается, чуть ли не земляки! – удивляюсь я.

Дальше общих тем становится ещё больше, и полчаса пути до острова-пляжа прошли совершенно незаметно. Я даже забыла полюбоваться видом океана, полностью поглощенная беседой с Кириллом, успев насладиться лишь свежим морским воздухом, приятно развевающим волосы. Даже редкие брызги, долетающие до нас, не испортили впечатления от морской прогулки, а скорее наоборот, вносили изюминку.

На самом же острове нам разрешили побыть совсем чуть-чуть. Я едва успела окунуться в море на мелководье, когда капитан катера попросил всех снова занять свои места. Кирилл так и вообще в воду не заходил, сказав, что не брал с собой плавков. Он и ещё несколько таких же неподготовленных просто погуляли по пляжу, наблюдая за резвящимися на тёплом мелководье людьми с берега.

– Кирилл, ты очень многое упустил, забыв плавки! – накинув майку поверх ещё мокрого купальника, сказала я, когда мы заняли свои места на катере.

– Зови меня Рил. Мне так больше нравится, – ответил он. – Зато пару селфи на острове-пляже успел сделать.

– Ох! А можешь и меня сфоткать? – оживилась я, вспоминая, что в соцсети-то надо будет что-нибудь выложить.

– Давай! – с удовольствием согласился он.

Я дала ему свой телефон и встала у борта катера, но Рил не стал сразу фотографировать меня. Сначала он прикинул, где солнце, с какой стороны лучше вид, и попросил встать в другом месте. Никогда бы не подумала, что фотка на мобильник требует таких сложных манипуляций. А когда я встала, куда он попросил, оказалось, что я ещё и неправильно позирую.

– Повернись в четверть оборота, – командует он. – Вооот так. И смотри не прямо в камеру, а немного в сторону.

Нехотя я подчинилась и тут, про себя обзывая его «задавакой». Но когда он вернул телефон мне, все негодования на его счёт улетучились. Фотка получилась великолепной, и, будь в океане сотовая связь, я тут же поставила бы её на аватарки во всех соцсетях.

– Норм? – уточнил он.

– Да! Классно! Спасибо! – оторвавшись от телефона, я запоздало поблагодарила его. – Может вместе сфоткаемся? – прикидывая какое будет лицо у Ленки, когда я покажу ей такое селфи.

– А давай! – соглашается он и достаёт свой телефон. – Только теперь мой. Когда у меня ещё появится фотка с такой красавицей!

Я невольно улыбнулась его комплименту и посмотрела на него, пока он примерялся для селфи. Но в этот раз он мешкать не стал и сделал снимок как раз в этот самый момент. Когда я все-же перевела взгляд на телефон, Кирилл... точнее Рил уже разглядывал получившуюся фотографию. Кровь

тут же прилила к лицу, заставляя краснеть, ведь на снимке я смотрела на Рила глазами, полными любви и щенячьего восторга.

– Давай ещё раз! – проговорила я, и, пока он делал новый снимок, чувство тревоги лишь накапливалось во мне.

Ну что со мной не так? Почему я такая влюбчивая? Как бы это знакомство не обернулось вновь разбитым сердцем со всеми вытекающими. Страх снова влюбиться, а потом быть брошенной испортил остаток экскурсии, и на обратном пути я уже не щебетала с Рилом, который сразу заподозрил изменение в моем поведении, но с расспросами не лез. Даже появившаяся на горизонте стая дельфинов не смогла отвлечь меня от дурных мыслей. А может, я себя накручиваю? Может Рил другой и не станет делать мне больно? Я украдкой взглянула на него, пока он наблюдал за проплывающими вдалеке дельфинами. Сидит себе, как всегда, спокойный.

– Знала, – он неожиданно оборачивается ко мне, поймав мой взгляд, – что большинство дельфинов абсолютно моногамны и проводят всю жизнь со своим избранником?

От неожиданности я попыталась поскорее отвернуться, но он уже понял, что я смотрела на него, и это только добавляло неловкости.

– Нет, – замешкавшись, отвечаю я. – А к чему ты это?

– Просто вспомнил интересный факт, – пожимает плечами он.

Как он догадался о моих терзаниях? Уж не умеет ли он

мысли читать? Или по моему состоянию так легко понять, о чем я думаю?

– Нам есть чему у них поучиться! – глядя на него с подозрением, проговариваю я.

– Согласен! – он снова отвернулся к дельфинам, и я не имею возможности посмотреть ему в глаза. – Всегда ими восхищался!

Остаток пути я провела в раздумьях об этом коротком диалоге с ним. Случайно он вспомнил про то, что дельфины очень верные и проводят со своей парой всю жизнь, или действительно понял, о чем я волнуюсь? А может правда, и это случайное совпадение, а я зря себя накручиваю. Единственный вывод, к которому я пришла, выходя с катера – это то, что он в этом отношении согласен со мной, и нам есть чему поучиться у дельфинов. Как бы я не старалась, но он нравится мне все больше и больше.

– Лани, как насчёт того чтобы составить мне компанию этим вечером. Можем сходить в какое-нибудь кафе, – после затянувшегося молчания произнёс он, когда мы уже подходили к гостинице.

– Не знаю, – неуверенно отвечаю я. – Надо поговорить с Ленкой. Вдруг у неё были какие-нибудь планы на сегодня, – я по привычке на ходу придумываю повод отказаться так, чтобы не обидеть его. – Ты же хочешь пригласить меня на свидание? Знаешь, я не большой любитель свиданий, – тут же предупреждаю его я, чтобы у него не осталось аргумен-

тов, и он как можно скорее закончил свои попытки.

– Ну почему сразу же свидание? – морщится он. – Зачем эти лишние условности? Почему, если двое хотят провести время вместе, то это обязательно свидание? Само слово, будто к чему-то обязывает. Пусть это будет просто совместный поход в кафе или вечерняя прогулка – на твой выбор.

Как он все обернул! Мне такая формулировка тоже нравится больше. Но только... И как на зло никаких «НО» нет. Все сводится к тому, хочу я этого или нет.

– Соглашайся, Лани! Мы же в отпуске, и тут надо отдыхать. А Лена наверняка весь вечер проведёт с Антоном, – Рил выжидающе смотрит на меня.

– Ладно, – сделав вид, что долго не могла решиться, говорю я. С этими его зелеными глазами я не в силах справиться и противиться им я не могу. Хотя, на самом деле, я была согласна ещё в тот момент, когда он предложил.

Договорившись встретиться в фойе в восемь вечера, я уже было поплелась к себе в номер, чтобы немного отдохнуть, но тут вспомнила, что надо бы предупредить Ленку, что вечер у меня будет занят, и поэтому сначала иду к ней. Уже собираясь открыть дверь, ловлю себя на мысли, что надо бы сначала постучать. Вдруг она не одна, и вдруг я не вовремя.

– Войдите! – слышится из-за двери, едва я успела постучать.

– Привет! – я аккуратно заглядываю внутрь, но в номере только Ленка. – Что делаешь?

– Привет! – расплывается в улыбке она. – Ничего. На телеке каналы листаю.

– И что говорят? – я перевожу взгляд на телевизор, где сейчас включен новостной канал. Правда новости идут на вьетнамском, и понять что-то невозможно. Какая-то ракета куда-то летит.

– В Северной Корее опять совершили пуск баллистической ракеты, – со знанием дела отвечает она, – американцам это не понравилось. Как провела утро? – Ленка меняет тему и делает хитрющее лицо.

Я на мгновение растерялась от её пронизательности. Откуда она может знать, что я как-то необычно провела утро? Но мои недолгие размышления прервала открывающаяся дверь из ванной комнаты. Оттуда вышел Антон, обмотанный одним лишь полотенцем, и тут же уставился на меня своим раздевающим взглядом, от которого чувствуешь себя голой, и сразу хочется чем-то прикрыться. Как же они не похожи с Рилом! Вид волосатой груди и пивного живота, которых он совершенно не стеснялся, вынудили меня перевести взгляд в сторону.

– О, уже вернулись! Как остров? Как Рил? – будто чему-то, радуясь, провозглашает он.

Но Ленка тут же шикает на него и одаривает злым взглядом. Я прям чувствую какой-то заговор, в котором эти двое принимали участие, и сейчас Антон чуть не прокололся, но пока не могу понять, в чем его суть. Откуда они уже знают

про остров и Ри́ла?

– А что, ты куда-то плавала, да ещё и с Кириллом? – Ленка запоздало пытается исправить положение, но делает только хуже.

– Ри́лом. Он не любит когда друзья называют его полным именем, – я машинально поправляю подругу.

– Ах, вот оно что. Друзья, стало быть! – издевательски хихикает она.

– Ри́л мне смску только что прислал. Пишет, что катался на катере и встретил тебя, – на ходу придумывает Антон, поясняя его осведомленность.

Я почему-то не верю ни единому их слову, но расколоть мне их так и не удаётся. Поэтому в отместку решаю не рассказывать про запланированную на вечер прогулку с Ри́лом. А потом, сославшись на усталость, прощаюсь и иду к себе готовиться к вечернему рандеву. Точнее просто прогулке с новым другом... И больше ничего!

Глава 1.5. Настоящий ас.

Кирилл

Я спустился в фойе на пятнадцать минут раньше оговоренного срока и устроился на диван напротив лифта. Висящие на стене механические часы отбивали ритм, заставляя притопывать ногой, подстраиваясь под них. Когда нечем заняться, время течёт медленно, но если перед глазами есть ещё и часы, то пиши пропало. Каждая минута будет растягиваться в вечность. Обычно, чтобы сжать такие вечные минуты обратно, надо придумать, чем себя занять, и я решил прогнать в голове сегодняшнее утро. Первая мысль, после пробуждения, была о Лани. Мне до ужаса захотелось увидеться с ней снова. Но, как я вчера понял, она крайне категорично относится к любым ухаживаниям и попыткам знакомства. Поэтому, если я все же хочу с ней встретиться вновь, надо сделать так, чтобы это было больше похоже на случайность. Но проблема в том, что мне совершенно неизвестно, чем она собиралась заниматься на отдыхе и где с ней можно «случайно» пересечься. На ум приходило разве что гостиничное кафе, но этот вариант и так уже своё отработал.

И тут мне в голову пришла идея. В моём телефоне сохранился номер Лены, а она, скорее всего, сможет помочь мне и что-нибудь подсказать. Собравшись с мыслями, я решил ей позвонить.

– Алло, – после нескольких гудков послышался заспанный голос, в котором читалось все презрение к тому, кто посмел её разбудить.

– Привет! Это Кирилл, – представился я, непоколебимо перенеся утреннюю враждебность.

– Кто? – озадаченно спрашивает она.

– Друг Антона из клуба, – я делаю паузу, понимая, что она ещё пока медленно соображает. – Звоню насчёт Лани.

– Ааа... – доносится из динамика телефона. – А что с ней? – тут же спохватывается она. Сонливость как рукой сняло.

– С ней все в порядке, – я пытаюсь успокоить её. – Вчера я проводил её до гостиницы. Но звоню по другому поводу, – принимаюсь объяснять суть просьбы. – Она мне очень понравилась, и я хотел бы подстроить нашу встречу. Может, ты знаешь, куда она хотела сходить? Экскурсию или ещё что.

Ох уж эти девушки. Лене мой замысел нравится, и её окончательно проснувшийся мозг начинает генерировать десятки идей. Но все не то. Волейбол, пляж, клубы совершенно для этого не подходят. В конце она задумывается, пытается что-то вспомнить.

– Еще она хотела сплавать на какой-нибудь, – говорит она. – Лани и меня хотела туда затащить, но я не в восторге от морских прогулок. Так что если ты сможешь свозить её, я тоже буду тебе благодарна.

А вот это идея! Поблагодарив, вешаю трубку, беру план-

шетник и начинаю поиски информации об островах и ходящих туда экскурсиях. В голове уже потихоньку начинает формироваться план действий, когда мой телефон оживает. Звонит Антон и предлагает встретиться минут через пять «покурить» у входа в гостиницу.

Озадаченный его предложением, я спустился во дворик гостиницы, где уже меня ждал он. После бурной ночи выглядел он немного помято, но вёл себя довольно бодро. Как выяснилось, вызвал он меня, чтобы выказать свою обеспокоенность моим планом. Он находился рядом, когда я звонил Лене и понял, что я что-то задумал. По его словам я зря трачу на Лани время ведь, он с первого взгляда на неё понял, что с ней ничего не светит. Приведя в пример Лену, с которой у него уже все было и было просто прекрасно без всяких долгих ухаживаний, свиданий и других занятий, которые только зря тратят время. Лани не из тех, кто отдастся в первый же вечер, а скорее прежде чем это произойдет, будет месяц выносить мозги своей женской чушью. Привёз же он меня сюда вовсе не для этого. Он хотел, чтобы я расслабился, отвлекся от всех проблем и «проветрил хозяйство». Выслушав его с лёгкой улыбкой и поблагодарив за заботу, я сказал, что мне уже двадцать семь лет, и я прекрасно понимаю, что мне нужно. А нужна мне именно Лани. Но, чтобы не обижать друга, пообещал ему, что если с ней ничего не получится, то попробую его схему. Отчаявшись достучаться до меня, он помотал головой, улыбнулся, похлопал меня по

плечу и со словами: «Не исправим» отправился обратно в свой номер. А я побежал искать, где продаются билеты на катер до какого-нибудь острова.

Найти билеты было совсем несложно. Оказывается, это и вправду распространенная услуга для туристов. Да и стоили они относительно недорого. Так что, купив на 12.00 сразу два, я отправился обратно в гостиницу, обдумывая как их преподнести Лани. Решение нашлось само собой, когда я зашёл в фойе. Менеджер как раз предлагал какую-то экскурсию одному из постояльцев. Наверняка, он брал за эту работу комиссионные, но для моего плана это было не важно. Используя все свои знания английского, вьетнамского и языка жестов, я попросил продать этот билет той девушке, на которую укажу. Билет я отдал ему бесплатно, но он должен предложить его Лани за очень привлекательную цену, чтобы у неё не возникло подозрений, но в то же время не было шансов отказаться. Менеджер наконец-то меня понял, и я сел в углу поджидать, когда же вчерашняя повелительница танцпола пойдет завтракать.

Менеджер не подвёл. Харизма, необходимая в его профессии, отлично подходила для ещё одного умения – впаривать туристам различный товар или услуги. Лани купила билет, и радостный я отправился готовиться к экскурсии на катере. Дальше тоже все прошло относительно гладко. Разве что она чуть было не опоздала. А в остальном все было отлично, и я, познакомившись с ней поближе, понял, что не ошибся в

ней и она та, кто мне нужен.

И вот я сижу жду её, периодически поглядывая на часы, тикающие над головой. Она опоздала всего минут на пять, но появилась довольно эффектно. Все мужчины, находящиеся в фойе, разом обернулись на нее, и мне это даже польстило. Она не была одета в какое-нибудь роскошное платье или сверх откровенный наряд. На ней была обычная, хоть и довольно милая юбка до колена и белый топ, но выглядело это так по-естественному красиво, что не хотелось отрывать глаза. А еще, она успела сделать причёску, и теперь вьющиеся пряди спадали ей на плечи.

– Прекрасно выглядишь, – немного полюбовавшись и подойдя к ней, сказал я.

– Спасибо! – застенчиво ответила она, всем видом давая понять, что рада высокой оценке. – Куда пойдём?

– От менеджера я слышал об одном небольшом рыбном ресторанчике. Если не возражаешь, можем сходить туда.

Лани не возражала, и мы отправились в путь пешком. К счастью, она не надела туфли на слишком высоких каблуках, и пешая прогулка не доставила нам неудобств. Ресторанчик полностью оправдал мои ожидания, и для нас нашелся столик на двоих. Очень уютный зал, оформленный в стиле лачуги на берегу, смотрелся на редкость антуражно, а меню изобиловало различными блюдами из морских обитателей. Но я, как обычно, первым делом открываю страничку с алкоголем и спросил, что она будет пить. К моему удивлению она

качает головой и говорит, что не пьёт спиртного, ссылаясь на свой печальный студенческий опыт. Она даже какую-то аллергию придумала, мол, ей сразу становится плохо. Я начинаю расспрашивать про это, и она рассказывает про жизнь в общежитии медицинского вуза.

– Я узнала про свою непереносимость алкоголя через пару месяцев, как заселилась в общагу. Уже на первых вечеринках я поняла, что алкоголь мне противопоказан, – говорит она.

– Лани, – отвечаю я, немного смеясь, – то, что вы пили в общаге на первом курсе опасно для жизни! Здесь дело не в тебе, а в самом алкоголе.

– По правде говоря, ребята пили все что горит, а мы вместе с ними, – признаётся она.

– Поверь мне, бокал вина за ужином еще никому не повредил. Когда ты последний раз пила хорошее вино? – интересуюсь я.

– Вообще после тех случаев с отравлениями я практически ничего не пила, – говорит она и опускает глаза как провинившийся школьник.

– Предлагаю провести эксперимент! – провозглашаю я. – Один бокал вина, и, если тебе станет плохо, то я больше никогда не буду тебе предлагать спиртное! – но тут я вижу её подозрительное лицо и понимаю, что происходящее выглядит, как будто я пытаюсь её напоить.

Она смотрит на меня долгим, оценивающим взглядом,

словно пытаюсь вывести на чистую воду, однако я стоически выдерживаю её взгляд, и она сдаётся. Я заказываю ей бокал белого полусухого виноградного вина, а себе беру виски, который мне посоветовал бармен. Также Лани заказывает какой-то салат из морепродуктов, а я стейк из рыбы, название которой никогда в жизни не смогу повторить.

– За то, чтобы эксперимент прошёл удачно! – говорю тост, когда нам приносят напитки. Лани на это очаровательно улыбается, и мы чокаемся.

Я первым отпиваю содержимое своего стакана, показывая пример. Виски, охлаждённый льдом, привычно обжигает язык, оставляя приятное послевкусие. Я оценивающе разглядываю свой стакан и прихожу к выводу, что на этот раз мне налили действительно неплохой виски, а не тот непонятный напиток, пахнувший то ли клопами, то ли серой, что был в клубе. А вот Лани не торопится и слегка боязливо делает маленький глоток вина. Но спустя пару секунд её глаза расширяются от удивления и, она прикладывается к бокалу.

– Оно такое вкусное! – восхищенно говорит она, отпивая еще пару глотков. – А что пьешь ты?

– Виски, – отвечаю я и поднимаю стакан для наглядности.

– Вот просто так? – удивляется она. – Без колы?

– Если виски хороший, то его можно пить просто со льдом, – отвечаю я, доброжелательно улыбаясь. А она тем временем прикладывается к бокалу еще раз.

Я не успел и глазом моргнуть, как она справилась со

своим вином, и когда ей принесли салат, бокал был уже пуст. Но Лани не растерялась и попросила официанта налить еще. Что ж, раз ей понравилось, то пусть пьет еще. Просто надо за ней приглядывать и вовремя её остановить, если она будет пить больше необходимого.

– Ой, что-то голова кружится, – хихикая, говорит она.

– Эээ, так мы не договаривались. Раз уж ты решила начать пить вино, то запомни первое правило алкоголика! – шутливым тоном говорю я. – Никогда не пей на голодный желудок, – подняв вверх указательный палец для большего эффекта, провозглашаю я.

– Ой, точно! – хихикает Лани. – Я же с утра ничего не ела, – говорит она и принимается за салат. – Я только сейчас поняла, что не интересовалась, чем ты занимаешься в Москве?

– Я летчик, – коротко отвечаю я.

С её вилки срывается кусочек, и она открывает рот от изумления. Похоже она любитель ронять еду с вилки, про себя хихикнул я.

– Летчик? – переспрашивает она.

– Да.

– В смысле пассажирские самолеты водишь? – говорит она с озадаченным видом.

– Нет, – все так же легко отвечаю, делая маленький глоток. – Я военный. Летчик-истребитель.

– А на чем ты летаешь? – продолжает расспрашивать она,

позабыв про свой салат.

– Истребитель Су-27. Слышала про такой? На них еще "Русские витязи" летают.

Лани.

У меня отвисает челюсть. Такой скромный парень, а он же ас! Или как там у них говорят в авиации?

Дело в том, что года три назад, когда я еще встречалась со своим бывшим, мы ездили в Жуковский на МАКС. Это такое международное авиационное шоу. В тот раз там собрались пилоты из разных стран. Они летали быстро и не очень, крутили петли и бочки. Было очень красиво и интересно. Но в конце программы выступали "Русские витязи" и "Стрижи". Когда их объявляли, и они появлялись на горизонте, толпа встречала их грохотом аплодисментов, и через несколько секунд я поняла почему. Они пронеслись мимо нас на малой высоте, и я всем телом ощутила мощь двигателей их машин. А затем началась их программа. Это завораживало! Такая синхронность! Такие фигуры пилотажа! И все это на минимальной высоте и на огромной скорости при сохранении идеального строя. Тогда мне показалось, что я влюбилась в авиацию, а пилоты – это высшие создания, которым в воздухе под силу все. А теперь один из них сидит напротив. И выглядит как самый обычный человек.

– И ты можешь летать как "Русские витязи"? – спрашиваю

я первое, что приходит в голову.

– Нет, – смеётся он. – Так, как они, практически никто не может. Они специально тренируются для этого. Но кое-что из высшего пилотажа и мне по силам, – смущаясь, говорит Рил. Уверена, что он скромничает, и на самом деле он – первокласный истребитель.

– А в чем самая большая сложность при выполнении фигур высшего пилотажа? – не унимаюсь я.

– Ну, если отбросить мастерство, которое приходит только с годами, то самая большая проблема – это перегрузки, – немного подумав, отвечает он.

– Кстати, давно хотела узнать, что это за перегрузки такие?

– Видишь ли, когда самолет начинает делать маневр, например мертвую петлю, – он для наглядности показывает ладонью, как выполняется эта самая мертвая петля, – на самолет и на пилота начинает действовать центробежная сила. Она как бы вдавливает тебя в кресло. При равномерном горизонтальном полете, пилот не испытывает избыточную перегрузку и считается, что она равна одному G . Если пилот весом восемьдесят килограмм заложил вираж с перегрузкой, скажем, четыре G , то он будет ощущать свой вес в четыре раза больше, то есть триста двадцать килограмм. Максимально допустимая кратковременная перегрузка для тренированного пилота в противоперегрузочном костюме от девяти до двенадцати G , но лучше не доводить перегрузку до та-

кого уровня, ведь это очень опасно и вредно для здоровья. Поэтому большинство фигур высшего пилотажа ограничиваются перегрузкой в шесть G.

– Ничего себе! – искренне удивляюсь я. – То есть нагрузка на позвоночник и мышцы в девять раз больше? Это как будто тебе на плечи посадили еще восьмерых!

– Плюс отток крови от головы, – кивает он.

– Как при этом сознание сохранять? – с интересом ученого расспрашивает о близкой ей теме.

– Для этого мы и тренируемся ведь просто сохранить сознание – мало! Надо еще и самолетом управлять, – добавляет он.

Я не замечаю, как уже второй бокал оказывается пуст. Официант видит это и предлагает обновить. Я соглашаюсь, а вот Рил смотрит на это с сомнением. Но моей аллергии на алкоголь нет, и я этому радуюсь. По телу разлилось тепло, голова начала приятно кружиться, а язык слегка заплетаться.

– А у тебя есть девушка? – неожиданно, даже для себя, спрашиваю я.

– Нет, – отвечает он, застенчиво улыбнувшись, и заглядывает мне в глаза.

– А почему? – невпопад продолжаю расспрашивать я, залюбовавшись его улыбкой.

– Как-то не сложилось, – смутившись, говорит он. – Да я и не особо умею, – он запинается, – общаться с ними.

– Вот уж не верю! – я отмахиваюсь от его высказывания

и делаю большой глоток вина.

Рил понимает, в чем дело, и очень деликатно предлагает мне перейти на воду. Я, к своему стыду, понимаю, что он прав и мне на сегодня хватит вина. Отодвинув бокал в сторону, я слушаю его рассказ о себе и радуюсь, что могу украдкой на него полюбоваться. Ещё вчера вечером мне он казался очередным охотником за юбками, но сейчас он преобразился в совершенно иного человека. Он очень милый, интересный и симпатичный.

Спустя какое-то время мне становится душно, и Рил предлагает пойти погулять. Я только за, и мы выходим на свежий воздух, после того как он расплатился по счёту. Мне стало неудобно, что он заплатил за обоих, ведь изначально наша встреча не была свиданием. Но Рил сказал, что это он позвал, он выбрал место, он настоял на вине, и значит платить тоже ему. Логика немного странная, хоть и весьма убедительная.

Выйдя на улицу, мы пошли куда глядят глаза. Уже довольно за полночь, но людей очень много. А хочется найти какой-нибудь спокойный уголок, и я предлагаю пойти на пляж.

– Он уже закрыт в такое время, – он ставит под сомнение моё предложение.

– Ничего страшного. Там забор – одно название. Мы легко через него перелезем, – улыбаясь, говорю я, вспоминая наше с Ленкой приключение.

– А как же обувь? Ты же не будешь ходить в туфлях по песку? – продолжает сомневаться он.

– Хи-хи! А я их сниму!

Рил одобрительно кивает головой, оценивая предложенную мной авантюру, и мы идём в сторону пляжа. Он в один прыжок перемахивает через забор и подаёт руку мне. Я аккуратно, чтобы не зацепиться ни за что юбкой, перелажу вслед за ним, и вот я во второй раз за несколько дней оказываюсь на безлюдном побережье. Я беру Рила под руку и мы, сняв обувь, медленно идём по песку, который ещё хранит накопленное за день тепло от солнца. Настроение просто чудесное, и не хочется, чтобы этот вечер заканчивался. Неожиданно для самой себя, приходит осознание, что если вдруг он меня поцелует, то я не буду против. Интересно, это вино во мне говорит, или я и вправду этого хочу?

Тем временем Рил опять превратился в слушателя. А мне только это и надо. Я рассказываю ему все, что придёт на ум. Разные истории про общагу, про Ленку и работу. Зачем-то делюсь своим негодованием по поводу брошенных подносов в гостиничном кафе. Упоминаю про того бедного щеночка, которого мы видели с Ленкой. Даже рассказываю про своего бывшего и про моё отношение к мужчинам в целом. А он идёт, слушает и улыбается одними уголками губ. Мы прошли уже весь пляж, когда я поняла, что ужасно устала за день. А вечер такой приятный, что заканчивать его не хочется. Но Рил и сам понял, что я уже клюю носом, когда я начала зевать. Он сказал, что пора возвращаться в гостиницу, и сделал это из-за меня, но предлогом возвращения он назвал

то, что ему завтра рано вставать. Они с Антоном запланировали взять напрокат мопеды и поехать покататься. Меня это немного расстроило, ведь это значит, что завтра его не будет весь день.

– А давай искупаемся! – внезапно говорю я, чтобы продолжить вечер хотя бы чуть-чуть.

Рил на это лишь тихонько смеётся.

– Давай в следующий раз, – немного подумав, говорит он. – Тем более мы одеты не совсем подходящим образом.

Он опять прав. Это с Ленкой я могла позволить себе плавать в нижнем белье, а с Рилом я не готова заниматься такими откровенными вещами. В следующий раз надо как следует думать, прежде чем что-то предлагать.

– Тогда давай возвращаться в гостиницу, – сдаюсь я.

Глава 1.6. Бешеные табуретки.

Кирилл

Пара стареньких, но еще довольно бодрых японских мопедов замерли у стоп линии перед перекрёстком. За рулём первого – я, второго – Антон. Мы оба не сводим взгляда со светофора, ведь когда загорится зелёный, начнётся гонка. Импровизированный заезд, кто вырвется вперёд. У Антона нервы на пределе. Для него выиграть – это лишний шанс показать себя перед Леной, которая сидит позади него.

О том, что с нами едет Лена, я узнал сегодня с утра. В целом, я не против. Они с Антоном друг друга стоят. Оба тусовщики и любители как следует отдохнуть. Не удивительно, что они сразу нашли общий язык. Единственное, из-за чего я переживаю – это то, что я не додумался позвать Лани. Теперь мне только и остаётся смотреть, как они обнимаются, целуются и хихикают.

А вообще, Лани мне нравится все больше и больше. Она весёлая, остроумная и... Как бы это сказать? Ну, не знаю. Правильная что ли? Она не лицемерит, ценит мнение других и вообще просто очень добрая. Малейшая несправедливость, происходящая вокруг, рождает в ней целую бурю негодования. Все это я узнал из её вчерашнего поведения. Правильно говорят: “Что у трезвого на уме, у пьяного на языке”. Вот я вчера и послушал её. И мне это показалось очень

интересным. Нет, я не пытался её напоить. Даже наоборот. В какой-то момент отобрал у неё бокал. Ведь она оказалась совершенно неопытной в плане алкоголя. За ней нужен глаз да глаз! Вот она вчера и перебрала. Я уверен, что на пляже она даже хотела, чтобы я её поцеловал. Я бы тоже этого хотел, но она была пьяна, и я решил, что это будет неправильно. Будь она хотя бы чуть-чуть трезвее, то, я уверен, держала бы себя в руках и уж точно не предлагала бы идти купаться ночью в море.

Антон, не моргая, уставился на светофор, боясь упустить мгновение, когда загорится зелёный. Но на самом деле он может расслабиться, ведь я вижу, что для него это важно, и собираюсь немного подыграть ему и поддаться, ведь заезд изначально нечестный. Я сижу на мопеде один, а их двое. На вид Лена весит всего-навсего килограммов пятьдесят пять, но для шестисильного моторчика, установленного на скутер – это довольно существенно.

Я ещё раз бросаю на них короткий взгляд и не удерживаюсь от улыбки. Антон такой серьёзный, готовится показать все на что способен, а Лена тем временем щебечет у него над ухом, давая, как ей кажется, ценные советы и подбадривая своего новоиспеченного гонщика. Да какие тут могут быть советы? Управление проще некуда. Крутанул ручку, мопед поехал. Хочешь остановиться, нажимаешь тормоз. Ребёнок справится.

Антон поворачивается к ней, чтобы сказать, что она ему

только мешает и в этот самый момент загорается зелёный. Я с трудом заставляю себя тут же не дать газу. Проходит целая секунда, пока Антон замечает, что заезд начался. Я в это время делаю вид, что тоже отвлёкся, но вот он поддает газку, и я следую за ними, пытаюсь не вырваться вперед и не отстать слишком сильно.

Антон пересекает условную финишную черту, о которой мы договорились заранее, первым, и мы останавливаемся на парковке возле какого-то магазинчика.

– Мой чемпион! – провозглашает Лена и тянется к Антону для поцелуя, забыв снять шлем.

Происходит глухой удар шлема о шлем, и они, весело смеясь, снимают их, чтобы исправить недоразумение. Лена крепко целует моего друга, но их прерывает звонок телефона.

– Блин, совсем про неё забыла! – говорит она, скорчив виноватую гримасу, и берет трубку.

Антон, воспользовавшись моментом, поворачивается ко мне, расплываясь в улыбке и показывая “класс”. Он понял, что я ему поддался. Я отмахиваюсь, мол, для друга не жалко. Но тут слышу имя Лани.

– Прости, я совсем забыла тебе сказать, что поехала с ребятами кататься на мопедах, – извиняющимся тоном говорит Лена. – Да, позвонить тоже забыла, – она даже покраснела от стыда, что не предупредила подругу, которая уже вся перереволновалась. – Хочешь, мы за тобой заедем и возьмём с

собой? – неожиданно предлагает она, и я сразу оживляюсь. – Ребята, вы не против, если Лани присоединится к нам? – теперь она обращается уже ко мне и Антону с умоляющим выражением лица.

Мы с другом синхронно переглянулись. Он кивком предложил решать мне.

– Конечно, не против! – отвечаю я.

Через двадцать минут мы остановились у входа в нашу гостиницу. Лани была уже на улице. На этот раз она оделась по-простому. Балетки, шорты и майка, но я невольно отметил, что даже так она выглядит очень привлекательно. Заметив нас, Лани с самым строгим выражением лица начинает двигаться в нашу сторону.

– Лани, извини, у меня совсем из головы вылетело позвонить тебе! – первым делом говорит Лена.

Но Лани не достаивает её ответом. Она щурится и бросает на неё чересчур наигранный взгляд, полный презрения. Лена даже немного оторопела. Но тут Лани, довольная полученным эффектом, не выдерживает комичной ситуации, и уголки её губ ползут кверху. Все понимают, что никакой обиды нет, и расслабляются.

Молча пройдя мимо Лены, махнув Антону рукой в знак приветствия, она останавливается возле меня.

– Привет! – первым говорю я.

– Привет, – немного замешкавшись, говорит она. Тут я замечаю, что она не смотрит мне в глаза, а наклонила голову,

как будто ей за что-то стыдно. – Хотела спросить. Я вчера себя прилично вела? – она еле заметно краснеет, поднимает взгляд на меня и начинает застенчиво улыбаться.

– Сносно, – очень серьёзным тоном отвечаю я, поморщившись. Ее глаза расширяются от удивления, но она тут же понимает, что я её разыгрываю. – Ну, а на самом деле, все было просто замечательно! – подвожу итог я и вижу, как она начинает сиять от радости, что мне вчера все понравилось.

– Ну, вы, голубки, так и будете здесь ворковать, или мы уже наконец-то поедem, – не выдерживает Антон.

В прокате нам предусмотрительно положили по второму шлему в багажники скутеров, расположенные под сидущкой. Тогда я даже не подозревал, как они нам пригодятся.

– Сможешь сама надеть? – спрашиваю я, протягивая ей шлем.

– Угу, – кивает она.

Лани берет у меня шлем и, поправив волосы, без проблем нахлобучивает себе на голову. Я проверяю, что он ей по размеру, и помогаю с застежками, сажусь на скутер и предлагаю ей занять второе место, похлопав позади себя. Лани немного неуклюже садится и ставит ноги на подножки, готовая к выезду.

– Едем? – спрашивает Антон.

– Едем! – в один голос отвечаем мы.

Антон с Леной стартуют, и мы за ними. Но я забыл, что теперь у меня есть пассажир, и по привычке кручу ручку газа

очень резко. Лани от неожиданного ускорения обхватывает меня руками и прижимается изо всех сил. Оказаться в её объятиях ужасно приятно, и я мысленно обещаю себе теперь стартовать только таким образом.

Мы с Антоном за этот час, что за рулём, неплохо приновились к управлению и теперь уже совершенно без страха ездим по узким улочкам вьетнамского города, легко маневрируем между редко едущих машин и разгоняемся на прямых. Баловство, конечно, но приятно, когда ветер свистит в ушах, пятидесятикубовый двигатель, надрываясь, жужжит под твоей пятой точкой, а движения руля чётко и вовремя направляют скутер точно куда ты и хотел. Очень радостное ощущение. Может купить себе такой в Москве? И пробки будут не страшны. Ну и что с того, что у него слабенький движок? Куда много мощности в городе? Тем более мощных машин мне и на службе хватает! Любые обладатели огромных внедорожников или спорткаров покажутся просто черепахами по сравнению со мной, когда я лечу на своей Сушке. Сравнить тяжёлый истребитель и даже самый мощный внедорожник – это как сравнивать вот этот скутер с болидом формулы один. Летать я люблю, и, не дай Бог, когда-нибудь мне потерять небо. Вот не сиделся в кресло пилота всего около двух недель и реально по нему соскучился. Плавные, но хищные обводы наших истребителей всегда меня восхищали и вдохновляли. Вот бывает, стоишь рядом со своим самолётом и, вроде бы, самолёт как самолёт, но подсознанием чув-

ствуешь, как от него, буквально, исходит опасность и угроза. Не для меня конкретно, ведь моя Сушка для меня – это друг и защитник, а для всех окружающих. Хотя надо признать у Лани обводы ничуть не хуже. И от неё исходит не угроза, а скорее наоборот нежность и ласка. Вот и сейчас, сидит она позади меня, но я и так чувствую, какая она тёплая, приятная и моя. Нет, я, конечно, пока не могу назвать её своей, но она – то, что мне нужно, и поэтому она моя!

Во время очередного виража я решил перестроиться на соседнюю полосу и бросил короткий взгляд в зеркало заднего вида, чтобы удостовериться, что там никого нет, когда краем глаза увидел, что Лани сидит с закрытыми глазами. Я решил за ней понаблюдать и заметил, что при каждом резком повороте, ускорении или торможении она закрывает глаза и крепче прижимается ко мне. Похоже, она боится.

– Лани, как ты? – перекрикивая ветер и шум мотора, спрашиваю я.

– Нормально, только страшно немного, – отвечает она. – Мы быстро едем?

Я бросаю взгляд на спидометр. Стрелка зависла возле отметки сорок пять.

– Сорок пять километров в час, – кричу я.

– Да? А я думала, что все сто!

И вправду. Когда едешь в машине с такой скоростью, то кажется, что ползешь, как улитка, а тут ощущение, что мы просто несемся. Я сигналию Антону, он оборачивается, и я

жестом прошу притормозить. Он кивает, и мы останавливаемся.

– Предлагаю сделать передышку, – говорю я.

– А что такое? – не понимает Антон.

Я обращаюсь к Лани, она сидит немного заторможенная, и не помешает немного отдохнуть. Это мы с Антоном – мужики, и нам хоть бы хны, а Лена тоже сначала боялась.

– Предлагаю пофоткаться! – говорю я первое, что приходит в голову.

– Отличная идея! – подхватывает Лена.

Идея и вправду оказалась отличная. Фотографии на мопедах получились очень интересными и необычными. Фотосессия продолжалась минут пятнадцать. Лена сделала фоток сто! Каждого отдельно, парами и всех вместе. Подключала прохожих и запечатлела нас со всех ракурсов. Лани была менее активной и лишь пару раз сфоткала меня, сидящего на мопеде.

– Ну что, нафоткались? – спрашивает Антон. – Предлагаю где-нибудь перекусить.

Все одобрительно закивали, и девчонки тут же уткнулись в свои телефоны для поиска подходящего места. Через пару минут была выбрана какая-то кафешка в паре километров от нас. Мы сели на мопеды и собирались ехать, но тут Лена вдруг повернулась к нам и весело сказала:

– Смотрите не отставайте!

Непонятно почему, но Лани это задело.

– Да вы сами не отстаньте! – отвечает она.

– Гонку, подруга, ты пропустила, – самодовольно говорит Лена. – И победителя мы определили! – она обнимает Антона, показывая, что её кавалер – лучший гонщик.

Лани в недоумении поворачивается ко мне и вопросительно на меня смотрит. Я лишь растерянно пожимаю плечами. А что тут ещё скажешь?

– Предлагаю устроить реванш! – провозглашает Лани. От перепуганной девушки, что закрывала глаза на поворотах, ни осталось и следа. Она всем своим видом показывает, что уверена во мне лично и в нашей с ней победе.

Антон грустно вздыхает и отворачивается, а вот Лена вызов принимает. Между девчонками тут же завязывается оживленный, но довольно веселый спор, в который мы с Антоном были втянуты против нашей воли. Лена рассказывает, как они с Антоном уже «сделали» меня, а Лани парирует это тем, что её при этом не было, значит, не считается!

– Кто первый доедет до кафе, тот и победил! – подводит итог спора Лани.

– Тогда, кто проиграет, тот оплачивает счет! – соглашается Лена и, уверенная в своей победе, ставит новые условия.

– Девчонки, может не надо? – Антон пытается спасти ситуацию. – Это довольно опасно!

– Ничего опасного, – отмахивается Лена. – Легкие деньги! – добавляет она ему на ухо и поворачивается к нам. – Я закажу себе самое дорогое блюдо!

– Идет! – соглашается Лани. – Ребята?

– Я не против погонять, – спокойно отвечаю я.

– Ладно, я согласен, – поникшим голосом говорит Антон.

Маршрут до кафе довольно простой – надо проехать всего пару километров и повернуть три раза. Подробно изучив, как и куда ехать, мы надели шлемы и направились к ближайшему светофору, чтобы начать второй за сегодня заезд. Теперь волнение вдвойне, ведь на кону не только бесплатный обед, но еще и шанс показать себя перед девчонками. Антон не на шутку волнуется, а вот я почти спокоен. Летчику-истребителю не подобает отказываться от соревнования и уж тем более волноваться. В самолете нельзя паниковать и нервничать, от этого будет только хуже. Вот и сейчас я сконцентрирован. В голове проносится мысль: «Извини, Антон, тут каждый сам за себя!». И только я это подумал, как загорается желтый. Еще пара мгновений и загорится зеленый.

– У тебя все получится! Я в тебя верю! – шепчет она мне на ухо и кладёт руку на плечо, подбадривая меня.

– Держись! – громко командую я и киваю в знак согласия с ней.

Переведя взгляд на зеркало заднего вида, обращаю внимание, что глаза в это раз она не закрывает. Хорошо! Значит готова. Я сильнеежимаю тормоз и даю газу. Для трансмиссии – это не очень хорошо, но так я раскрутил движок. Когда загорается зеленый, я отпускаю тормоз и выкручиваю газ на полную. Мопед резко трогается с места, и мы впервые же

секунды вырываемся вперед.

Гонка продолжалась около двух минут. Поначалу я выкладывался, как мог, выжимая из мопеда все, на что он был способен. Закладывая крутые виражи, обгоняя попадающиеся на пути автомобили и скутеры, проскакивая пешеходные светофоры на красный, я периодически поглядывал назад. Где-то на середине пути Антон понял, что им нас не догнать и немного сбавил темп. Увидев, что они с Леной отстали уже метров на пятьдесят, я перестал выкладываться и относительно спокойно доехал до кафе первым.

Как только я остановился, Лани неуверенно меня отпустила и начала слезать с мопеда.

– Больше так не делай, пожалуйста, – шёпотом говорит она, стягивая шлем.

Когда шлем оказался у неё в руках, я понял, что она даже немного позеленела от страха.

– Извини, я думал, ты хотела победить, – оправдываюсь я.

– Хотела, – она позволяет себе лёгкую улыбку, которая даётся ей с трудом. – Мы победили и ты молодец, но давай больше так не будем. Я очень испугалась! – говорит она, опираясь на меня, чтобы было легче стоять на трясущихся ногах.

Дело в том, что я не любитель полихачить на дорогах. Этот случай – исключение. В Москве у меня, к примеру, самый обычный автомобиль – подержанный Volkswagen Golf со ста двадцати двух сильным движком. Поэтому я лишь киваю ей в ответ, и в этот момент подъезжают ребята. У Антона вид

не очень довольный, а вот Лена, похоже, не унывает.

– Лани, кто бы мог подумать, что ты будешь таким стимулом для Рила! – говорит она. Я перевожу взгляд на Лани. Зеленый цвет лица пропал, уступив место румянцу. Она быстро пришла в норму.

– Да куда мне с ним гоняться? – начинает оправдываться Антон. – Ещё бы! Он же истребитель и привык к скоростям!

– Ну, ничего страшного, – утешает его Лена. – Второе место тоже неплохо. Знаешь, какой тебя ждёт приз? – она наклоняется к его уху и что-то шепчет, во всю улыбаясь. Антон от этого тоже расплывается в улыбке.

– Так, Лани, – Лена, вдруг, опомнилась. – А какой приз будет за первое место?

Лани немного растерялась. Но я решил её выручить и помог с неловким положением. Я указательным пальцем постучал себя по щеке, мол, хочу поцелуй. Лани облегченно вздохнула и с радостью поцеловала. Её мягкие губы коснулись моей щеки, и на секунду мы оба замерли. Я с трудом подавил в себе желание повернуть голову и подставить для поцелуя свои губы. Лани медленно отстранилась от меня, дав посмотреть на неё. Наши взгляды пересеклись и я понял, что её желание совпадает с моим.

– Ну, так не интересно! – заявляет Антон. – Хорошо, что я не победил!

Его шутка пришлась как нельзя кстати. Мы все вместе посмеялись, но я заметил, что Лани ещё раз бросила на меня

точно такой же взгляд, что и несколько секунд назад.

– Так, я хочу есть! Пойдёмте уже внутрь! – говорит Лена, и мы все вместе отправляемся в кафе, возле которого припарковали свои мопеды.

Глава 1.7. Ночное свидание.

Кирилл

Аккумуляторы наших мобильных не выдержали непрерывающегося использования навигаторов в совокупности с фотосессиями и разрядились, оставляя нас в полном неведении, где мы находимся, и сколько сейчас времени. К счастью, за этот день мы проехали очень солидное расстояние, и некоторые ориентиры отложились в памяти среди одинаковых улочек вьетнамского города. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая нависшие над морем облака в красный свет, когда мы наконец-то добрались до проката и смогли сдать мопеды. Хоть наше путешествие и было очень увлекательным и полным впечатлений, но по дороге до отеля все сошлись на мысли, что целый день на мопедах очень изматывает. Каждому из нас хотелось только одного – принять душ и упасть в свою кровать. Но мне почему-то вспомнилось вчерашнее предложение Лани искупаться ночью. И, наблюдая, как солнце стремительно приближается к горизонту, идея освежиться, искупавшись в океане, вдруг показалась мне очень заманчивой. Но ещё более заманчиво было пригласить на эту авантюру Лани. С одной стороны, это могло бы выглядеть как хамский намёк на непристойность, но с другой стороны это же была её идея.

Дорога до отеля пошла в гору и Лани, устало перебирая

ногами, неожиданно взяла меня под руку, чтобы было проще идти. А раз уж она оказалась рядом, то я решил поделиться с ней своими намерениями.

– Не хочешь присоединиться? – шепотом спросил я, когда рассказал, что хочу искупаться в море.

Глаза Лани округлились от восторга, и она быстро мне закивала, не осмеливаясь сказать что-то вслух, чтобы Лена, на которую она до сих пор немного обижалась, не могла ничего услышать о наших намерениях.

Пока мы добрались до гостиницы, переоделись во что-то более подходящее для купания в море и встретились в фойе, солнце окончательно зашло за горизонт, но нас это не могло остановить. Короткая дорога до пляжа, и мы привычным движением с ходу перемахнули через ограду закрытого на ночь пляжа, оказавшись в полной темноте. В отличие от вчерашнего вечера, свет от Луны не пробивался сквозь низко висящие облака, что добавляло таинственности.

Молча скинув с себя одежду и оставшись в одних плавках, я посмотрел на силуэт Лани, которая как раз избавлялась от шорт. Размытые в ночи обводы будоражили сознание, и я даже успел пожалеть, что ночь настолько темная.

– Как мы потом наши вещи найдём в такой темноте? – озадаченно нарушила тишину она.

– Как-нибудь найдём! – успокоил её я, взял за руку и потянул за собой, забегая в воду.

Издав приглушённый крик, она вслед за мной нырнула в

прохладное море и полностью пропала из виду. Я мог понять, где она находится только по плеску воды и её дыханию. Собственно говоря, все её плавание и сводилось к плеску. Я сразу понял, что пловец из неё так себе, но говорить ничего не стал.

– А чего это мы все на мелководье? – вдруг говорит она, немного запыхавшись. – Ты что боишься?

– За тебя разве что, – я решил пошутить над ней в ответ.

– Ах, так! А ну, догоняй! – провокационно заявляет она, и по плеску мне стало понятно, что она начала удаляться от меня в сторону океана.

Ну что ж, хоть мне и не очень по душе её задумка, но догонять придётся, если я не хочу, чтобы она, в конце концов, утонула. Делая размеренные гребки, я отправился за ней, параллельно их считая. Огни города остались уже где-то далеко позади, а она все никак не останавливается. Сорок пять, сорок шесть...

– Лани, достаточно! – произношу я и ловлю её за руку.

– Что, устал? – ехидно спрашивает она, тяжело дыша, но довольная своей победой.

– Просто мы отплыли уже где-то на пятьдесят метров. Если заплывать дальше, я не смогу тебя спасти.

– А отсюда сможешь? – она оказалась совсем рядом, и её губы, по ощущениям, находятся всего в нескольких сантиметрах от моих.

– Думаю, смогу, – проговариваю я, продолжая держать её

за руку.

– Тогда спасай! – нежно шепчет она, подаваясь всем телом ко мне.

Я больше не могу сдерживать соблазн, и целую её, прижимая свободной рукой.

Лани

Время будто перестаёт существовать, пропадает понимание, где верх, а где низ, и я забываю все на свете, в том числе, где нахожусь. Стой я сейчас на земле, она ушла бы у меня из-под ног. Есть только я и он, и это прекрасно, больше от этой жизни для меня ничего не надо. Но реальность беспринципно и очень скоро напоминает о себе, когда, забыв оставаться на плаву, мы уходим под воду, и становится нечем дышать. Ещё не полностью осознав, что мы в море, случайно делаю вдох, и вода попадает в нос. Порция адреналина прочищает одурманенный поцелуем мозг в одно мгновение, и я начинаю усиленно грести руками. Вынырнув на поверхность, я жадно глотаю воздух, но брызги, которые сама же и подняла, снова попадают в рот, и я начинаю судорожно кашлять, от чего брызг вокруг становится ещё больше, и положение дел только ухудшается.

Кто-то крепко хватается меня за собранные в пучок на затылке волосы, и приподнимает из воды. Тут же чья-то ладонь с силой бьет меня по спине, выбивая воду, попавшую в ды-

хательные пути.

– Дышать можешь? – слышится голос Рила.

Паника медленно отступает, и я начинаю соображать что произошло.

– Угу, – откашливая остатки морской воды, отвечаю я.

– Постарайся не размахивать руками. Просто держись на плаву, – будто ничего не было говорит он, перехватывает меня под руку и начинает плыть в сторону берега.

Рил совершает мощные гребки, придерживая меня над водой, и довольно скоро под ногами появляется песчаное дно. Мой спаситель ведёт себя так спокойно, будто ничего и не произошло. Точнее я слышу, как он тяжело дышит, чувствую, что путь до берега ему дался не легко, но он при этом совершенно не паниковал, в отличии от меня. Даже сейчас, когда мы уже идём пешком по дну, мне не хочется чтобы он меня отпускал, и он будто бы понимает это и держит под руку, пока мы окончательно не выходим из воды.

– Мой лучший поцелуй чуть не стал последним, – я выдавливаю из себя смешок, когда мы смогли немного отдышаться.

– А напоследок ты хотела ещё и мне оплеух надавать? – улыбаясь, говорит он. – Извини, что схватил тебя за волосы, но ты очень сильно размахивала руками.

– Да? Прости, пожалуйста! И спасибо, что вытащил! Я до этого раза ещё никогда не тонула.

– Без проблем! – все так же улыбаясь, говорит он. – Наде-

юсь, ты мне ещё понадобишься.

Неожиданно Луна пробивается сквозь облака и освещает нас, позволяя посмотреть друг на друга. Мокрый и разгоряченный от физических нагрузок Рил выглядит чертовски сексуально, и я, не сдерживая себя, падаю ему в объятия.

– Может сделать тебе искусственное дыхание? – шутит он.

Наши улыбающиеся губы соприкасаются, чтобы закончить тот поцелуй, который был оборван моим неумением плавать. К счастью, в этот раз крепкие руки Рила удерживают меня от падения или любого другого несчастья, которое могло бы со мной произойти, ведь голова снова начинает кружиться, а где-то глубоко в груди появляется тёплый комочек, который с каждой секундой растёт, согревая меня изнутри. Прерывает наш поцелуй появившийся неподалёку свет фонарика, приближающегося к нам.

– Охрана пляжа? – делает предположение Рил.

– Похоже да, – оглянувшись на свет, испуганно соглашаюсь я.

– Валим? – игриво предлагает он. Похоже у него перспектива попасться охране не вызывает страха.

– А как же одежда?

– Давай я налево, ты направо. Встречаемся здесь! – предлагает он. – Далеко ходить не надо, делаем шагов по сорок, и если ничего не найдем, возвращаемся сюда.

– Хорошо, – не теряя времени, отвечаю я и убегаю в ту сторону, которую он показал, тщательно глядя под ноги в

поисках нашей одежды.

Но возвращаться мне не приходится, ведь Рил догоняет меня, держа в руках одежду.

– Прямо под нашими ногами лежала, – поясняет он, и мы в ускоренном темпе уходим прочь с пляжа.

Когда мы слета перемахнули ограждение пляжа, до охранника с фонариком оставалось метров пятьдесят. Не выдержав и засмеявшись, мы начали одеваться прямо поверх мокрых плавок и купальников под удивленные взгляды немногочисленных прохожих.

– Пора возвращаться, – посмеявшись, предлагает Рил. Мы, взявшись под руку медленно побрели в сторону гостиницы.

На полпути я притормозила, услышав знакомое “тяв-тяв!”. Что это? Мы одновременно оборачиваемся и видим того самого щенка, что выходил к нам с Ленкой несколько дней назад. У бедной животины на шее появилась кровоточащая рана, которую он постоянно пытался чесать лапой.

– Жалко бедолагу, – нарушает молчание Рил. – Помрет!

– Да уж! Вот бы кто-нибудь помог ему! – я киваю в знак согласия.

– Так, подожди! – оживляется он. – Ты же хирург! Может, справишься с перевязкой?

– Ты серьезно? – ищу подвоха я.

– Да! Давай поможем ему, – искренне удивляется он. – Я тут неподалеку видел аптеку. Говори мне, что надо купить,

я быстро схожу. А ты пока смотри, чтобы он не убежал.

Я перечисляю ему, что необходимо купить для перевязки и обеззараживания, он кивает мне и уходит. А я остаюсь со щенком, который очень рад вниманию и легко дается в руки. Я этим пользуюсь и осматриваю рану. Похоже, на него кто-то напал и оставил добротный укус, который начал гноиться, а щенок его постоянно расчесывал, усугубляя ситуацию. Ну, ничего, серьёзных последствий пока что нет, и мы это легко поправим. Он и сам бы поправился, если постоянно не чесал рану.

Рил появился через пятнадцать минут. Кроме заказанного мною, он купил еды для собак и какое-то средство против блох. Щенок, которого мы с легкой руки Рила назвали Райан в честь героя фильма “Спасти рядового Райана”, очень обрадовался еде, принявшись усердно ее поглощать, и его почти не пришлось держать при обработке раны. Повязка из бинтов вышла на славу, и вот перед нами стоит и весело машет хвостом сытый и довольный Райан. Нам все равно нельзя его взять с собой в гостиницу, и мы решили просто навещать его на улице, когда сможем. В благодарность за еду Райан бежал и охранял нас до самой гостиницы, но увидев охранника у входа, как и в прошлый раз, его смелость тут же куда-то делась и, полаяв нам на прощание, он помчался прочь. По дороге он пару раз останавливался, попробовав почесать рану, но его лапа натыкалась на плотную повязку и он, недовольный результатом, побежал дальше.

Я взглянула на улыбающегося Рила, который провожал взглядом убегающего щенка. Какой же он молодец! Не то, что я! Вместо того, чтобы несколько дней назад, настоять на своем и покормить беднягу, я, проявив малодушие, послушавшись Ленку, бросила щенка помирать с голоду. Рил не такой. Он добрый и не стесняется делать добро.

Только когда мы ждали лифт, я поняла, как я устала и хочу спать, но если бы Рил мне предложил снова идти купаться, то я, не раздумывая, согласилась бы. Так не хочется с ним прощаться.

– Рил, может, зайдёшь ко мне в гости? – предлагаю я, когда лифт останавливается на его этаже. – Попью чаю, – говорю я и понимаю, что опять сморозила глупость. Теперь он подумает, что я зову его для секса. – Только у меня нет чая, – пытаюсь исправить ситуацию я, но тут же осознаю, что сделала только хуже.

– Может, тогда лучше ко мне? У меня есть бутылочка красного полусухого. – Исправляет ситуацию он.

– Хорошо, – облегченно киваю я. – Только надо переодеться во что-нибудь менее пляжное.

Мы оба вышли на моем этаже, и я побежала в номер переодеться, а его попросила подождать в коридоре. Быстро снимаю с себя шорты, майку, купальник и надеваю пижаму. Тут же выскакиваю к Рилу, чтобы он не успел соскучиться, и мы спускаемся к нему.

Его номер оказался точь-в-точь, как и мой, поэтому я

быстро сориентировалась и устроилась на краю постели, пока он открывал бутылку. Весь оставшийся вечер мы провели сидя рядом и попивали отличное вино. Рил рассказывал пилотские байки, подкреплённые чёрным юмором, а я искренне смеялась. Он оказался очень хорошим рассказчиком, и я не могла отвести от него взгляда и жадно слушала, казалось бы, нелепые и выдуманные, но как он утверждает, правдивые истории. Кто бы мог подумать, что служба в авиации может быть такой весёлой? Как уснула, не помню, но отключилась я прямо у него на кровати с пустым бокалом вина в руке.

Глава 1.8. Богиня.

Лани

Будильник будь он неладен! Как я не забываю его поставить? Стоп! Это же не моя мелодия, а стандартный звонок будильника.

– Извини, я привык вставать рано, – слышу знакомый голос.

Я открываю глаза и вижу, как Рил тянется к телефону и выключает его. Воспоминания о вчерашнем вечере приятно наваливаются на меня. Было здорово! Но как я позволила себе уснуть у него в постели? Это на меня не похоже. Хотя надо признать, что пробуждение, хотя оно и было чересчур раннее, мне понравилось. Так, надо вставать и идти к себе в номер ополоснуться и привести себя в порядок, а то так и уснула после вчерашних купаний.

– Можем ещё поспать. Сейчас только семь утра по местному, – говорит он, ложась обратно на подушку.

– Я, наверное, пойду к себе. Надо в душ сходить, – проморгавшись, говорю я и начинаю подниматься.

– Можешь сходить у меня. Я тебе дам свежее полотенце, – предлагает он и, не дождавшись ответа, встаёт, чтобы собрать для меня вещи.

Я запоздало соглашаюсь. Не хочется сейчас идти до своего номера. Рил складывает в аккуратную стопочку свежее

полотенце, свою чистую футболку и объясняет, что и где у него лежит из банных принадлежностей, а мне, лишь, остаётся растерянно поблагодарить его и идти в душ.

Странное дело, душевая кабинка в номере Рила обладает не меньшим чудотворным действием, чем та, что установлена в моем. Чего же тогда Ленка этим волшебством не пользуется? Я вспомнила, в каком состоянии она открыла мне дверь, после первой ночи в гостинице. Или у нее какой-то другой душ? Выйдя из ванной комнаты, одетая в футболку, которую дал Рил, оглядываюсь по сторонам и понимаю, что нахожусь в номере одна. Ломая голову, куда он мог отлучиться, решаю осмотреться как следует. Судя по всему, приехал сюда он совсем с небольшим багажом – одна небольшая спортивная сумка и рюкзак. На столе лежит планшет. Постояв перед ним несколько секунд и подумав, имею ли я право брать чужие вещи или нет, решаю, что вполне могу включить его, чтобы посмотреть, сколько сейчас времени, а заодно, совершенно случайно заглянуть в него одним глазком. Я нажимаю кнопку включения, но планшет запаролен. Единственное, что бросилось мне в глаза – это то, что на заставке стоит фото какой-то девушки со странной стрижкой, похожей на инопланетянку. Несмотря на чудной вид, она довольно симпатичная. Внизу подписано "Yolandi Visser". Какая-нибудь модель или певица, наверное. Ребячество, короче. Хотя у меня на заставке телефона стоит фотография Джаредда Лето, так что о чем это я? Выключаю планшет и иду

дальше. На кресле лежит старенькая книга с ветхим переплетом, развёрнутая обложкой вниз. Я поднимаю её и читаю название. Николай Островский "Как закалялась сталь". Где-то я слышала это название. Вроде бы это что-то из школьной программы. Надо будет спросить, о чем книга и попробовать почитать, вдруг понравится. И вообще, странно, что имея планшет, он взял с собой бумажную книгу. Я вот уже давно все читаю прямо на телефоне.

Позади слышу щелчок открывающейся двери и я, положив книгу обратно, быстро оборачиваюсь на звук. В номер заходит Рил, держа одной рукой поднос с двумя стаканчиками чая и какими-то вкусностями. Он осматривает меня и его взгляд на долю секунды задерживается на моих бедрах, оценивая их. Но он тут же одергивает себя. Мелочь, а приятно, когда твои ноги оценивает по достоинству человек, который тебе очень симпатичен.

– Ты уже вышла? Быстро ты! – говорит он, отвлекая меня от мысли, что он понял неловкость своего оценивающего взгляда. Но я не против. Он сделал это совсем не так отвратительно, как его друг несколько дней назад. А скорее даже мило.

– Не хотела заставлять себя ждать. А куда это ты ходил? – спрашиваю я, заглядывая на поднос, от которого просто убийственно вкусно пахнет блинчиками.

– Я решил сходить за завтраком, – он ставит поднос на столик. – Пришлось повоевать с менеджером, который за-

прещал мне выносить еду и поднос из кафе, – смеётся он.

– И как ты его уговорил? – я улыбаюсь в ответ.

– Иногда я бываю очень убедителен! – он делает важное выражение лица.

– Ты дал ей денег? – догадываюсь я.

– Ага, – сознается он и начинает смеяться.

– Ладно, ты пока подкрепись, а я тоже схожу ополоснусь.

Рил берет полотенце и отправляется в душ, а я принимаюсь за еду. Съев ровно половину, я вспоминаю, что надо бы позвонить Ленке. Нахожу свой телефон, но он разряжен еще со вчерашнего дня. Так, у Рила, вроде, почти такой же телефон, как и у меня, а значит такая же зарядка. Оглядываюсь по сторонам и нахожу то, что искала, втыкаю в свой телефон провод и нажимаю кнопку включения.

Почти сразу приходит оповещение о трёх пропущенных от Ленки и смс: “Позвони, волнуюсь”. Тут же набираю подругу.

– Ты чего так рано поднялась? – вместо приветствия, зашпанным голосом, говорит она.

– Просто Рил так рано встаёт, – отвечаю я. Пару мгновений Ленка переваривает услышанное, и её сонливость как рукой снимает.

– Ты ночевала у него? У вас было? И как он тебе? – заваливает вопросами она.

– Не все сразу! Пока что могу сказать лишь то, что ничего не было, – шёпотом успокаиваю я подругу.

– Это ты зря! С интимом слишком долго тянуть нельзя, а то потеряет к тебе интерес и все, – поучительным тоном говорит она.

– Предлагаю, для разнообразия, встретиться в кафе вместе и все обсудить. И надеюсь, ты не забыла, что мы хотели походить по магазинам сегодня? – меняю тему я, слыша как отключилась вода в ванной. Рил скоро выйдет, а ему не следует слышать, о чем мы секретничаем.

– Конечно, помню! А ты не будь дуручкой и последуй моему совету! Пойди и сделай с Кириллом такое, что Кристиан Грей обзавидовался бы!

– Ты долго ещё будешь подкалывать меня тем, что я читала “Пятьдесят оттенков серого”? – громко говорю я. Она смеется в ответ.

– Уж пошутить нельзя, – веселым тоном продолжает она. – Ладно, давай встретимся в десять часов в нашем кафе.

– Угу, – быстро отвечаю я и вешаю трубку.

Возможно, она права. Чего это я тяну с сексом? Уже давно пора. Мы же с ним взрослые люди и понимаем, что все к этому и идёт. А вдруг он, правда, посчитает меня недотрогой и потеряет интерес?

Мои мысли нарушает открывающаяся дверь и из ванной выходит Рил. Он не стал одеваться, а лишь обернулся полотенцем. После душа он выглядит очень возбуждающе. Ну, уж нет, я его не потеряю! Он мой! Тем более, я давно готова к сексу.

Я, затаив дыхание, встаю с кровати и подхожу к нему. Ещё немного влажный после душа он чертовски сексуален! Рил с первого взгляда понимает, что я что-то задумала и решает подыграть. Он кладёт руки мне на талию, а я ему на плечи и уже привычно встаю на носочки, чтобы поцеловать его. Он нагибается ко мне и наши губы соприкасаются. В груди, как и вчера, начинает теплеть и вскоре тепло доходит и до низа живота. От этого я невольно прижимаюсь к нему ещё сильнее. Я растворяюсь в этом поцелуе, а спокойствие и уверенность Рила заполняют меня целиком. Сомнений не остаётся, я его хочу прямо сейчас. Он, как будто, читает мои мысли. Его руки тянутся вниз и обхватывают мои бедра, постепенно скользя до ягодиц и сжимают их. Несколько секунд он держит меня так, и я начинаю чувствовать животом его твердость и возбуждение. Он медленно поднимает меня, продолжая держать за ягодицы, и относит на кровать, аккуратно укладывая головой на подушки, а сам устраивается рядом.

– Лани, – говорит он очень серьёзным тоном, – я должен тебя предупредить! – он делает театральную паузу для достижения максимального эффекта. – Я не занимаюсь ванильным сексом! Я ТРАХАЮСЬ! – огорошивает он меня, все с тем же серьёзным лицом. Лишь глаза выдают его с потрохами. Они у него блестят и как будто улыбаются. Да он надо мной издевается!

– Ты слышал, о чем я говорила с Ленкой? – догадываюсь я.
– Только одну фразу! – он начинает смеяться. – Прости,

ты очень громко говорила.

Я не злюсь на него, а лишь смеюсь над шуткой и отмечаю про себя широту его кругозора. “Пятьдесят оттенков серого” он как минимум начинал читать. Тем временем он снова меня целует и проводит ладонью мне по животу, засунув руку под футболку. Я не против, и он понимает это, двигая ладонью выше и выше, пока не доходит до груди. Продолжая меня целовать, он сжимает ее и я, невольная над собой, издаю короткий вздох. Теплота внутри волнообразно захлёстывает меня полностью, я сбрасываю с него полотенце и тяну к себе. Второй рукой он начинает снимать с меня трусики, а я приподнимаюсь, помогая ему в этом.

Когда трусики отправились куда-то в сторону, он немного отстранился и осмотрел меня, похотливо улыбаясь, и медленно двинулся на меня.

– Ты богиня! – шепчет он.

Рукой я нащупываю пульт от телевизора, лежащий на тумбочке, и нажимаю первый попавшийся канал. Диктор экстренного выпуска новостей начинает громко говорить на вьетнамском языке, заглушая мой вздох удовольствия. Похоже на встречу к Ленке я опоздаю.

Глава 1.9. Американский империализм.

Кирилл

Кто бы мог подумать, что, чтобы встретить ту самую, придётся улететь на другой конец света? Не то, чтобы я раньше планомерно искал себе девушку. Скорее я надеялся на случай. А с Лани нас свёл как раз счастливый случай. То, что мы созданы друг для друга, не вызывает никаких сомнений. И дело не в каких-то там гороскопах и подобной чуши. К примеру, до сих пор я не любил целоваться и всячески избегал этого. Длинные поцелуи вызывали у меня чуть ли не панику. Ну, не умею я и все! Как, вообще, можно этим заниматься долго?

Какой же я был глупый! Ведь, все дело в девушке. С Лани целоваться было легко и приятно. Не надо было думать, что и как делать, все выходило само собой! А еще этот сегодняшней спонтанный секс. Он был просто замечателен! Но стоило нам закончить, как она заявляет, что жутко опаздывает, говорит, чтобы я её не терял, ведь они с Леной идут по магазинам, целует меня на прощание и убегает. Вот это номер! Мне ничего не оставалось, как развалиться на кровати и, улыбаясь сам себе, прокрутить в голове вчерашний день, который останется в моей памяти навсегда.

Но долго валяться мне не пришлось, ведь уже через пят-

надцать минут ко мне в номер, улыбаясь во все тридцать два, завалился Антон, держа в руках две запотевших бутылки пива. Увидев меня, прикрытого одной только простыней в районе паха, он на мгновение растерялся. Несколько секунд в полном молчании он рассматривал помятую после секса постель и, засияв ещё сильнее, чем когда пришёл, провозгласил:

– Поздравляю, дружище!

Мы хором заржали, я поднялся, обвязав простынь вокруг пояса. Тем временем Антон открыл пиво и протянул мне одну из бутылок.

– За удавшийся отпуск! – говорю я тост, и мы делаем по несколько глотков холодного пива, которое пришлось как нельзя кстати, чтобы освежиться. – Присаживайся, – предлагаю я, жестом указывая на диван, стоящий позади меня, но ловлю озадаченный взгляд Антона и поворачиваюсь, чтобы проследить за ним. На диване лежит мое мокрое полотенце и пара блестящих упаковок от презервативов. Времени убраться за собой не было, но это меня совершенно не оправдывает. Хотя я не сильно из-за этого расстраиваюсь, в гостях у Антона я видел и не такое. – Может, сходим в бассейн, – улыбаясь, говорю я.

Антон одобритительно кивает, и мы, допив пиво, идём в бассейн. Там он собирается, пока нет девчонок, как следует напиться. Можно подумать их присутствие его бы остановило. Я поддерживаю его скорее ради компании, чем от большо-

го желаяния. В итоге Антон до воды так и не добрался, засея возле бара и выпив штук шесть бутылок пива. Я вёл себя более скромно, выпив всего три, и даже один раз сходил окунуться в бассейн.

По своим номерам мы расползлись, когда было уже давно за полдень. Девчонки должны уже скоро вернуться, и я хотел немного подремать. Все это время мы им не звонили, дав время побыть вдвоём и насладиться шопингом. Но поспать мне не удалось. Мой телефон зазвонил, и это была не Лани. На экране лаконично высветилась фамилия Титаренко. Алексей Титаренко – наш командир эскадрильи или сокращенно, комэск. Беспокоить просто так или по пустякам он бы не стал. Лёгкое опьянение исчезло без следа, а настрой сразу стал серьёзным.

– Алло, – заранее прочистив горло, говорю я, стараясь сделать как можно, более трезвый голос.

– Утро доброе, Кирилл, – отвечает он.

– Доброе, – соглашаюсь я, вспоминая своё, действительно, доброе утро. – Но у нас уже давно день.

– Ах, ну да. Совсем из головы вылетело, что у вас на четыре часа больше, – поправляется Титаренко. – Я звоню, как ты, наверное, догадался, не просто так, – он переходит на деловой тон. – У меня плохие новости. Тебе немедленно надо прервать отпуск и возвращаться в Москву. Причины по телефону рассказать не могу, но это очень серьёзно. На твоё имя уже куплен электронный билет. Сейчас я отправлю его

тебе на мейл. Вылет через пять часов. Так что поторопись, – он делает паузу, обдумывая, что ещё можно сказать. – Как только прилетишь, бери такси и сразу дуй на аэродром. Вопросы?

Вопросов не было. Все предельно понятно. И раз уж меня выдергивают из отпуска, не говоря причину, то задавать лишних вопросов не надо.

После звонка первым делом проверяю почту, на ней уже висит письмо с вложенным билетом. Проверяю данные и понимаю, что времени у меня, и правда, совсем нет. Нужно срочно собираться и ехать в аэропорт. Хорошо, что вещей у меня немного, и я управился со сборами довольно быстро. Теперь надо выселиться из гостиницы и поймать такси. Лани позвоню как раз по дороге в аэропорт и попытаюсь все объяснить. А пока надо подумать, что ей сказать, подобрав правильные слова. Я определённо не хочу рвать с ней отношения, а скорее наоборот. Её отпуск закончится через несколько дней, и как только она прилетит обратно в Москву, я позову её на свидание. Теперь это будет именно свидание, ведь просто погулять с ней мне уже не так уж и интересно. Хочется повторить наш утренний марафон, да и вообще узнать её получше.

За этими мыслями я прошёл все необходимые процедуры, чтобы выселиться из гостиницы и довольно легко поймал такси. Теперь надо позвонить ей. Достая свой телефон, набираю нужный номер и ещё раз прокручиваю в голове подго-

товленную речь. Но её телефон выключен. Пробую ещё раза три – результат тот же. Может позвонить Лене? У меня сохранился её номер, пробую, но вместо неё берет трубку Антон и озадаченным голосом спрашивает, чего это я звоню на этот номер. Оказалось, что Лена забыла телефон в номере Антона. Вот невезуха! А ведь день так хорошо начинался! Ну ладно, нечего роптать на судьбу, ведь я её хозяин. Я закрываю глаза, сосредотачиваюсь и решаю, что пока будет достаточно все рассказать Антону. Он передаст Лани мои слова.

Антон слушает молча и все сразу понимает. Он обещает все рассказать Лани, как только они с Леной вернутся. Его слова меня успокаивают, и я стараюсь больше не думать об этом.

Перелет в Москву проходит хорошо. Недавно Лани меня спрашивала, нравится ли мне летать на пассажирских самолётах. Я ответил, что ни разу об этом не задумывался, а теперь понял, что это даже полетом-то не назовешь. То, что происходит с человеком во время полёта на истребителе никак не вяжется с коммерческими авиаперелетами. Это больше похоже на поездку на автобусе, чем на настоящий полет!

Но вот после приземления меня ждал сюрприз. Во Вьетнаме, когда я уезжал, было плюс двадцать восемь градусов. Москва меня встречала почти такой же температурой, только со знаком минус. Рождественские морозы показали себя во всей красе. Без подштанников и свитера на улице делать

нечего. К счастью такси, которое я вызвал, приехало довольно быстро, и я себе ничего не отморозил. Таксист – немолодой мужик с избытком лишнего веса не был тихоней и рулил довольно бодро. Тем более новогодние праздники еще в самом разгаре, и дороги совершенно пусты, так что на нашем аэродроме в Подмосковье я должен быть довольно скоро. Жаль придётся таскаться с сумками, которые везу из отпуска. Как назло тёплых вещей в них нет и спастись от мороза нечем. Но времени заезжать домой нет, да и Титаренко приказал сразу ехать на аэродром.

Так, надо не забыть позвонить родным и близким. В моем случае этот список не велик. Из близких родственников у меня только мама, а из близких, которых я хотел бы сейчас услышать, только Лани. Надеюсь, Антон сможет ей все как следует объяснить причину моего исчезновения.

Пока мы ехали, я попросил водителя включить какое-нибудь новостное радио. Он не против и начинает что-то переключать. Сейчас в Москве утро, а значит можно послушать новости без лишних глупостей. На частоте РСН как раз начинается программа “Подъем” с Сергеем Доренко и я прошу оставить это. Я не прогадал. Речь шла о том, что Северная Корея опробовала ядерное оружие. Её соседу – Южной Корее это не понравилось, и это переросло в небольшой военный конфликт. Теперь неудивительно, что меня вызвали в Москву. Наверняка из-за этого инцидента наши войска хотят привести в боеготовность или провести какие-нибудь

учения. Ведь Россия имеет сухопутную границу с Северной Кореей и все, что происходит там, может отразиться на нас. Поэтому надо побряцать оружием, чтобы американцы, традиционно поддерживающие Южную Корею, не вздумали направить в район боевых действий свою армию и флот.

От своих умозаключений мне серьёзно полегчало. Значит ничего слишком серьёзного. А к учениям мне не привыкать. Поэтому я расслабился и развалился в кресле.

Расплачиваясь с таксистом трижды пожалел, что не воспользовался общественным транспортом. Полторы тысячи рублей долой. Хотя надо признать, что в общественном транспорте я имел все шансы получить обморожения. Как же эти учения не вовремя!

Зайдя на территорию аэродрома, сразу понимаю, что тут стоит настоящая суматоха. Даже издали слышен вой прогреваемых турбин и взлетающих самолётов, но представ перед Титаренко, по одним его красным от недосыпа глазам, понимаю, что дела обстоят серьёзнее, чем я мог предположить. Комэск тут же вводит меня в курс дела. За последние двое суток мелкий военный конфликт между Северной Кореей и Южной Кореей перерос в полномасштабные боевые действия. Председатель Государственного совета КНДР официально попросил помощи у Китая и России для борьбы с распространением Американского империализма. А так как КНДР имеет общую границу с Россией, и от нее до Владивостока чуть более ста километров по прямой, то захват

Северной Кореи силами США и Южной Кореи, ставит под угрозу территорию России. Для сдерживания агрессии Президент России подписал указ о военной помощи новому союзнику. Титаренко говорит, что будут боевые вылеты, но, как ему кажется, до стрельбы дело дойти не должно.

Он отправляет меня готовить своё звено к вылету, который будет уже через шесть часов. Я ещё не свыкся с мыслью, что я командир звена. Что ж, надо привыкать, что теперь я не просто лётчик, а командир. И как оказалось, дел у командира гораздо больше, чем я думал. Весь день проходит в беготне и волнениях. Позвонить Лани или маме нет ни минутки. Радует лишь одна мысль, что летим мы в более или менее тёплые края, а вещи в сумках, которые у меня с собой, были предназначены как раз на этот климат.

Беготня продолжается до самого вылета. Но вот я в кабине своей Сушки, и мы летим. Летим на войну. Путь до Кореи не близкий и проходит через Монголию и Китай, но они наши союзники и выделили нам воздушный коридор, хоть без дозаправок не обошлось и пришлось несколько раз приземляться.

В Корею мы были ранним утром. Сил оставалось ровно настолько, чтобы доползти до своей кровати, в выделенной для нас общаге, которая находится неподалёку от аэродрома. Надо как следует выспаться, ведь завтра начнутся полёты для ознакомления с местностью.

Глава 1.10. Женская солидарность.

Лани

Магазины одежды – это моя слабость! И, как мне кажется, не только моя. Любая девушка любит присмотреть, а затем и купить, себе какую-нибудь обновку. Одежды много не бывает! Вот главный девиз любой уважающей себя девушки. И я не исключение. Я просто обожаю полазить по торговым центрам, подбирая себе идеальную юбку или блузку, или джинсы... Да что угодно! Но я совершенно точно не шопоголик!

Но сегодня мое основное внимание привлекли магазины нижнего белья. Обычно я не покупаю себе ничего сверх откровенного или сексуального, хотя пара кружевных трусиков у меня в гардеробе имеются. А сегодня мне хотелось купить что-нибудь такое, от чего у Рила отвиснет челюсть, от чего он тут же меня захочет! Но практики в подобных покупках у меня нет.

Как хорошо, что со мной была Ленка! Она мне насоветовала, а затем заставила купить такое... Раньше я бы сторела со стыда, если просто посмотрела на что-то подобное, не то чтобы бы купила! Но вот я примеряю очередную интимную комбинацию нижнего белья и прихожу к выводу, что мне это нравится. И более того, мне это действительно идет!

В итоге я накупила целую гору различных вещичек, а наш шопинг затянулся на целый день. Как назло, до конца теле-

фон я зарядить не успела, а Ленка забыла свой в номере Антона. Из-за этого предупредить ребят, что мы задерживаемся, у меня не получилось. Каково же мне было, когда я узнала, что Рил улетел! Вот мы с Ленкой радостные и с целой копной пакетов заваливаемся в номер к Антону, ожидая увидеть там обоих наших мужчин, а там лишь Антон. И он тут же огорошивает меня новостью. Он очень подробно рассказал, что случилось и передал извинения Рила по поводу его отъезда. От хорошего настроения не осталось и следа. Я кивнула Антону в знак того, что все поняла и, забыв попрощаться, пошла в сторону своего номера. И вот тут до меня начал полностью доходить смысл произошедшего. Он уехал! Совсем. И у меня даже не получилось с ним поговорить на прощание.

Войдя в свой номер, пакеты с, теперь уже бесполезными, покупками выпали у меня из рук. Голова немного кружилась от шока, и единственное, на что у меня хватило сил – это дойти до кровати, плюхнуться лицом в подушку и заплакать. Чувство небывалой пустоты заполнило меня изнутри. Грудь стиснула боль от обиды. “Брошена и никому не нужна” – крутилось в голове. А все из-за этого дурацкого телефона!

Стоп! Телефон! Я суматошно подсказываю, нахожу свой телефон в сумочке и трясущимися руками вставляю в него зарядку. Нажимаю на кнопку включения. Телефон начинает загружаться, но как назло ужасно медленно, как будто издеваясь надо мной. Ну же! Быстрее! Загорается экран домашней страницы и почти тут же приходит сообщение о том, что

мне трижды пытался дозвониться такой-то номер. Я быстро нажимаю на вызов этого самого номера, на экране появляется надпись “Рил”. Спустя несколько секунд девушка-робот говорит мне, что телефон абонента выключен. Наверное, он уже в самолёте. Руки опускаются, и я иду обратно на кровать плакать в подушку.

Весь вечер я провела у себя в номере, не отвечая на звонки Ленки и не открывая дверь на стук. Мысли лезли одна хуже другой. Не раз я начинала сомневаться в правдивости слов Антона. Может Рила вовсе и не вызывали по службе? Может он просто от меня сбежал? Что ему могло не понравиться? Ведь, по-моему, утренний секс был великолепен. А может он из тех, кто пользуется девушкой и бросает? Но зачем тогда он мне трижды звонил? Да нет, Рил не такой! Он просто замечательный! Он не мог так поступить со мной. Ему правда надо было уехать из-за служебных дел. У них в армии, наверное, так часто бывает.

И вроде бы все, пришла к логичному выводу, но нет! В голову снова лезут сомнения, ведь слишком много всего совпало, и я снова начинаю на него злиться. Чтобы хоть как-то справиться с нахлынувшими чувствами, решаю спуститься до бара и купить бутылочку. В вине я пока что не очень разбираюсь, тем более на этикетке все на вьетнамском языке, поэтому я выбрала наугад. Вернувшись в номер и налив себе полный бокал, я медленно направилась к дивану, но дойти до него не получилось. На ум пришла очередная “гени-

альная” догадка. Может он, вообще, женат или встречается с кем-нибудь, а сейчас нагулялся и возвращается к ней. Опять история повторяется! Очередной парень, который променял меня на другую! Слезы снова хлынули из глаз, и я села на пол прямо посреди комнаты, уткнувшись лицом в свои колени. Как он мог? Нам же было так хорошо! В голове всплыли воспоминания о том, как мы весело проводили время вместе, и как это было здорово. Я вспоминала, как мы катались на мопедах и я чуть не померла со страху, как мы неловко познакомились в кафе, не зная что мы оба из России, как весь вечер ходили по безлюдному пляжу, когда я без умолку болтала, а он меня слушал и... как он меня первый раз поцеловал, а я начала тонуть. Он тогда меня спас. Я всхлипнула, вытерла слезы рукавом и хорошенько приложилась к бокалу. Вино было не таким приятным, как то, что выбирал Рил, но я заставила себя сделать глоток, а затем ещё и ещё.

Бокал медленно пустел, но вместе с вином уходили дурные мысли. “А ведь помогает!” – мелькнуло в голове, и я пошла налить себе второй бокал. К моему изумлению бутылка на этом и закончилась. “Видимо какая-то маленькая бутылка” – подумала я и глотнула ещё вина.

– *In vino veritas* – истина в вине! – вслух проговорила я. А эти итальянцы знали толк в поговорках!

Когда с бутылкой было покончено, и я, наслаждаясь лёгким головокружением и приятным щекощущим чувством в груди, которое, как бы, подсказывает, что все будет хорошо,

встала и хотела идти за второй, то поняла, что ноги заплетаются. Похоже, я уже наклюкалась. Блин, я же сегодня ничего не ела! И тут Рил оказался прав, когда говорил, что нельзя пить на голодный желудок. Но дойдя до двери, понимаю, что пить я больше не хочу, а скорее наоборот. Тошнота подступила к горлу очень неожиданно, и я со всех своих заплетающихся ног бегу в туалет. Похоже, моя аллергия к алкоголю вернулась.

Половину следующего дня я провела в номере. После вчерашнего перепоя есть особо не хотелось, и я провалялась в кровати до обеда. Рил мне так и не позвонил, что только усугубляло мои догадки на его счёт.

Часа в три, когда похмелье окончательно прошло, ко мне зашла Ленка. Она предлагала пойти вместе с ней на пляж позагорать и поиграть в волейбол. В любой другой день я бы с удовольствием согласилась, но сегодня настроения совершенно не было. Хотелось просто заказать мороженое, запереться в комнате, включить какую-нибудь романтическую комедию и весь вечер жалеть себя.

– Что-то нет настроения, – отвечаю я подруге. – А вы с Антоном идите! Зачем отпуску пропадать из-за меня.

– В том-то и дело, что я с ним поругалась, – говорит она, садясь ко мне на угол кровати.

– Из-за чего? – спрашиваю я скорее ради приличия. Зная Ленку, это не удивительно. Уже давно подошёл тот срок, когда ей должен был надоест нынешний кавалер, и настала

пора искать ему замену.

– Из-за Рила... – неожиданно отвечает она.

– Как? – от удивления я даже немного подскакиваю на месте.

– Я сказала Антону, что его друг – негодяй, который попользовался тобой и бросил, не найдя в себе смелости и чести сказать тебе это в лицо. А он сам не лучше, если намерен прикрывать его.

Слезы опять подступили. Дышать от нахлынувших чувств стало сложно, а говорить ещё сложнее. Вместо ответа я обняла подругу и поняла, что плачу больше не из-за того, что сделал Рил, а от признательности к Ленке.

– А что ответил Антон? – сквозь слезы спрашиваю я.

– Да что-то про то, что в Риле чести и смелости больше, чем я могу себе представить, и он не позволит так о нем говорить, – отмахивается она. – В целом голимые отмазки... Ну, а дальше слово за слово и понеслось, – печально улыбаясь, говорит подруга, и я понимаю, что она, вопреки моим ожиданиям, не хотела ругаться, а, тем более, расставаться с Антоном.

– Нафиг пляж и волейбол! Пошли в бар! – решительно предлагаю я, наблюдая удивленное лицо Ленки.

– Пошли! – кивает она.

На этот раз я решила учесть свои вчерашние ошибки и, прежде чем заказывать и пить алкоголь, как следует, подкрепилась. А вот Ленка меня ждать не стала и сразу начала с

куба либре. Зачем-то я положила свой телефон перед собой экраном вниз. Раз в пару минут я, непонятно для чего, поднимала его и смотрела на пустой экран домашней страницы. Я уговаривала себя, что смотрю сколько время, а вовсе не жду смс или еще чего.

Разговор у нас не клеился. Каждая из нас думала о своем, и мы лишь частично поделились своими догадками насчет ребят и их заговора. Все остальное время мы пялились в телек, где передавали новости. Мы ничего не понимали, что там говорят, да нам было и не интересно. Какие-то военные действия непонятно где, разгневанные азиаты, колонна военной техники, американский авианосец, взлетающие истребители... Но вино мне все же принесли, и я как раз начала его пить, когда в очередной раз подняла телефон чтобы “посмотреть время”. Прошло уже больше суток с того момента, как Рил улетел. За это время он уже десять раз нашел бы время позвонить мне. А сама я этого делать не буду. Надо же иметь хоть какую-то гордость.

На улице уже вечерело, а телефон показывал время 21:06, когда он неожиданно завибрировал у меня прямо в руке. В эту же секунду на экране появилась фотка симпатичного молодого человека, сидящего на мопеде и весело улыбающегося в камеру. А над фотографией короткая надпись: Рил.

- Кто еще там? – отрываясь от бокала, спрашивает Ленка.
- Он, – после недолгого оцепенения говорю я.
- Так ответь! – оживляется Ленка. – Посмотрим, что он

скажет!

Я киваю и неуверенным движением нажимаю на экране зеленую кнопку принятия вызова. Сердце начинает бешено колотиться, отдаваясь пульсом в ушах.

– Алло, – отвечаю я.

– Лани, привет, – слышу нетерпеливый голос Рила. – Я уж боялся, что ты обиделась на меня и не возьмешь трубку! Как я рад тебя слышать!

Улыбка сама собой появляется у меня на лице. Он рад меня слышать! Все сомнения на его счет тут же улечиваются, а я как будто обрела крылья и могу взлететь!

– Привет, Рил! И я очень рада тебя слышать! – скороговоркой отвечаю я.

– Извини, что не смог позвонить раньше. Меня срочно вызвали из отпуска. В Корее началась война. Лидер КНДР попросил у нашего Президента военной помощи, и наш полк частично отправили к новым союзникам. Раньше я не мог этого сообщить, но теперь уже скрывать не имеет смысла – весь мир это знает.

Чувство радости и безмятежности резко сменилась страхом. Я тут же вспомнила, что последние несколько дней по телевизору, куда не включи, передавали новости. Он сказал – война! А на войне люди умирают!

– Как война? – переспрашиваю я. – Но ты же сказал, что воюет Северная Корея! Причем тут Россия и вы?

– Все очень просто! – беззаботным голосом отвечает он. –

США, как обычно, не могут пропустить такое и хотят вмешаться. Поэтому нас сюда и отправили. Мы здесь, чтобы америкосов отпугивать!

– То есть вы будете драться с американцами? – еще больше испугалась я.

– Начальство говорит, что до стрельбы не дойдет, – успокаивает он меня. – Полетаем вдоль границы, побряцаем оружием и все успокоятся.

– Пообещай мне, что ты не будешь лезть в драку! Пообещай, что вернешься живым и невредимым! – говорю я первое, что приходит на ум, но тут же осознаю, что на этот раз ляпнула не глупость, а что-то действительно правильное.

– Лани, как я могу такое пообещать? Ведь, если я что-то пообещаю, то мне придется это выполнять. А вдруг на нас нападут? – пытается увильнуть от ответа он.

– Вот если нападут, то защищайся, а сам не лезь! – отвечаю. – Пообещай!

– Обещаю, – неохотно говорит он.

Мы болтали, наверное, еще полчаса. Он рассказал, почему у него не получалось мне позвонить, и я его окончательно простила. Сейчас они приземлились в Китае для дозаправки, и это последняя возможность позвонить мне, ведь в КНДР телефоны у них отберут, но обещают выдать местные. Так что мне просто надо ждать звонка с его нового номера, и мы сможем созваниваться и списываться, хоть каждый день. Пока я во Вьетнаме – это будет просто. Тут разница во време-

ни всего полтора часа, а по приезде в Москву придется что-нибудь придумывать.

Повесив трубку, я встречаю улыбающийся и ужасно пьяный взгляд Ленки. Она слышала разговор и за это время успела напиться. Я, сияя от счастья, вкратце рассказываю ей о произошедшем, и она сказала, что рада за меня.

– Вот вы где! – слышится из-за спины. Мы оборачиваемся и видим запыхавшегося Антона. – Я уже все вокруг оббегал, пока вас искал! Видели новости! В Корее война! Наверняка Рила вызвали из-за этого! – говорит он свою догадку, но видя наши счастливые лица, немного теряется.

– Антон, прости меня! – пьяным голосом отвечает Ленка. Она встает и, шатаясь, лезет к нему обниматься. – Я была такой глупой! Я знаю, что ты меня не обманывал!

Последние дни отпуска мы втроем провели на пляже. Я вдоволь наигралась в волейбол, наплавалась и назагоралась. А еще насмотрелась на целующихся Ленку и Антона. Но на самом деле я только и ждала вечера, когда можно будет поболтать с Рилом. Он мне звонил сразу, как у них заканчивались полеты, и мы часами разговаривали по телефону. Антон с Ленкой окончательно помирились и все время проводили вместе. Мне все было интересно, продолжатся ли их отношения после возвращения в Москву, и однажды я у нее это спросила. Она, хоть это на нее и не похоже, покраснела и засмушалась, но ответила, что это курортный роман и продлевать его в Москве она не будет. Но что-то мне подсказыва-

вало, что это не так. Что ж, поживем, увидим...

Часть 2

Глава 2.1. Акт милосердия.

Кирилл

На мониторе РЛС моей Сушки появилось изображение групповой цели, движущейся встречным курсом. Четырнадцать отметок. Я невольно поежился в кресле, ведь нас всего три звена – шесть машин. Комэск перед вылетом предупредил, что американцы будут делать ставку на массовость, но я не подозревал, что перевес будет настолько большой. Наверняка у всех наших парней в головах примерно те же мысли, что и у меня, но наш командир эскадрильи – Алексей Титаренко молчаливо продолжает сближение. У комэска есть стратегия! Одно это уже придает уверенности. И вот до целей остается около ста километров – максимальная дистанция пуска ракет средней дальности, которыми чаще всего вооружены истребители. Громкий писк, которого я так ждал и боялся, сообщает о том, что меня захватила на сопровождение чужая РЛС и почти сразу противник совершает массовый пуск ракет. Самоуверенный в своем численном превосходстве, противник совершает атаку с максимально возможной дистанции, торопясь уничтожить хотя бы кого-то из нас. Их командир, наверное, рассудил, что мы не примем бой и

дадим деру, поэтому атакует пока это возможно. Но он переоценивает возможности своих ракет, ведь на таком расстоянии они будут на излете и уклониться от них относительно не сложно.

– Эскадрилья, разомкнуть строй! – приказывает Титаренко. Очень разумно. При уклонении от ракет нужно пространство для маневра. – Не торопимся и не суетимся, – он подбадривает нас спокойным голосом, – делаем все как на тренировке.

Подлет ракет на такой дистанции составляет несколько десятков секунд. Я успеваю развернуть самолет под прямым углом к направленным в меня ракетам и в нужный момент закладываю резкий маневр. На тело привычно наваливается тяжесть перегрузки, и ремни, удерживающие меня в кресле, туго натягиваются, уберегая от выпадения из кресла и последующего удара головой о бронестекло кокпита. Вообще, эти ремни вызывают смешанные чувства. В подобных ситуациях они сильно выручают, но эти же ремни не дают развернуться назад, и пилоту только остается – вертеть головой, что снижает угол обзора, а заднюю полусферу можно наблюдать лишь в зеркала. Но сейчас думать об этом некогда. Я строю вираж очень аккуратно, не допуская чересчур больших перегрузок, хоть подсознание и кричит мне, чтобы я взял ручку управления резко на себя. Но слушать свое подсознание не надо. Большие перегрузки ведут к быстрой усталости, а бой еще только впереди.

Оглушительный писк прекратился так же неожиданно, как и начался. Я делаю пару глубоких вдохов, успокаивая нервы. Угроза миновала, и первым делом надо осмотреться. Вроде, никто не дымит.

– Доложить о повреждениях! – командует Титаренко.

– Полсотни второй, – не теряя времени, выхожу в эфир, – без повреждений!

– Полсотни третий, – подхватывает Ваню, торопясь отпартовать...

Парни по очереди сообщают, что все целы, на ходу строясь в боевой порядок.

– Теперь наш ход! – едва заслушав доклад, скороговоркой произносит комэск. – Ваню и Саня идут слева и сверху, огибая по широкой дуге. Заставьте их разделить силы. Я, Рил, Влад идем внаглую по центру. Собьем их с толку! Серега, ты делаешь вид, что сбит! Понял? Со снижением поднырнешь под них и ударишь с тыла! Кроме Сереги, атаковать по своему усмотрению. Начали!

Нам два раза повторять не надо. Подобные маневры на учениях проводятся постоянно, и мы в точности выполняем приказ комэска. Дав полный газ своим Сушкам, начинаем сближение. Ваню со своим ведомым сейчас, коптя небо движками, работающими на форсаже, на наших глазах набирают высоту и уходят влево, как и было приказано, а мне вдруг становится не по себе. Это мой третий реальный воздушный бой, и я прекрасно понимаю риски и перспективы. В

первом бою было не до раздумий – все началось неожиданно и закончилось быстро. Испугаться даже не успел. А сейчас есть несколько секунд подумать. И мне вдруг становится страшно. Страшно не столько умереть, сколько подвести всех. Если я не справлюсь, и меня собьют – это значительно ослабит и без того наши небольшие силы. Страшно своей гибелью расстроить маму, у которой авиация когда-то отняла мужа, а теперь может отнять еще и единственного сына. И страшно... больше никогда не увидеть Лани. И дернул же меня черт ей пообещать не лезть в драку. Тьфу ты! Ну уж нет! Списывать себя со счетов рано! Еще повоюем! Впереди один из лучших летчиков в мире – комэск Титаренко, позади дружище и мой новый ведомый Влад. Да мы же их на тряпки порвем!

Как и предполагал Титаренко, американцы разделили свои силы. Четыре точки отделились от основной группы и двинулись наперерез паре Ваню-Саня. Нам троим в лоб идут остальные десять отметок. Сейчас надо действовать быстро. Как только расстояние окажется достаточным для эффективного пуска ракет, нужно это сделать быстрее противника. Иначе рискуем снова оказаться в качестве мишени. Сейчас на наших Сушках находятся четыре ракеты средней дальности и четыре малой. И как только дистанция позволила совершить пуск с наибольшей эффективностью, я совершаю захват одной цели и отравляю в нее пару ракет для надежности. Сразу после этого переключаюсь на следующую цель и

отрабатываю по ней остальные две ракеты средней дальности. Параллельно со мной то же самое совершают Титаренко и Влад, окрашивая небо дымными следами, оставленными двигателями наших ракет. Последнюю выпущенную ракету провожаю взглядом. Смертоносная птичка полетела выполнять своё кровавое дело. Интересно кто сидит в кабине того самого самолета, в который она направлена. Может у него тоже есть мама и девушка, а возможно даже жена и дети. И прилетел этот парень сюда не из-за своей корысти или чувства долга перед Родиной. Ему приказали, и он не виноват, что он здесь. Так заслуживает ли он смерть?

– Рил, Влад, форсажное ускорение! – отвлекая меня от раздумий, командует Титаренко.

Тройка истребителей срывается вперёд на форсаже, в несколько мгновений разгоняясь до скорости почти вдвое превосходящую скорость звука. Тем временем мы наблюдаем за радарам и ожидаем результатов нашей стрельбы. Могу поспорить на свой годовой оклад, что среди противников сейчас стоит адская паника и неразбериха. И вот наши ракеты достигают цели, почти вдвое прорежая их строй! Из десяти отметок, доставшихся нам троим, остается всего шесть. Вот сейчас повоюем! Лишь бы в ближнем бою не оплошать, но пилотаж – мой конёк!

– Идем в лобовую! Напугаем их! – приказывает Титаренко.

Понесший серьезные потери противник атаку в лоб не

принимает, и пытается использовать маневр "ножниц" продолжая надеяться на численное превосходство, но Титаренко таким маневром не удивить. Мы выбираем одну из групп противника и совершаем пуски ракет малой дальности, затем стремительно разворачиваемся на вторую группу и врезаемся в их строй, навязывая ближний бой. Помимо ракет на наших самолетах стоят тридцати миллиметровые пушки с боезапасом в сто пятьдесят патронов. При скорострельности тысяча пятьсот выстрелов в минуту этого боезапаса хватит на шесть секунд непрерывной стрельбы. Может показаться, что это очень мало, но если бить короткими очередями – то это около пятнадцати атак, а это уже совсем не мало.

Уже несколько секунд спустя враги и союзники смешались в одну немислимую и смертельную карусель. Для начала американцы атакуют нас своими ракетами средней дальности, но они практически бесполезны на такой малой дистанции. Их ракеты весят немало и находятся на внешней подвеске, что сильно ухудшает пилотажные качества их самолетов. У нас же их нет, и мы дерёмся "налегке".

Резкий вираж максимальный по тяге, семикратная перегрузка, глубокие тяжелые вдохи и выдохи, глаза направленные на цель. Оптическая система наведения стрельбы из пушки учитывает поправки за скорость и упреждение. Даю короткую очередь. Самолет сильно затрясся и замедлился из-за отдачи, но моей цели повезло еще меньше. F/A-18, который только что маячил в прицеле, буквально разваливает-

ся на куски. Его пилот тут же катапультируется. “Не пушка, а зверюга”, – проносится мысль. Раньше мне, конечно, доводилось стрелять из нее, но по настоящему самолету – никогда. Я засмотрелся на горящего противника, которого только что сбил, и не заметил, как пара истребителей из первой группы зашла мне в хвост и открыла огонь. Снаряды прошли в паре метров надо мной. Я тут же со всей силой наваливаюсь на ручку управления, уходя с линии огня, и выпускаю тепловые ловушки на тот случай, если по мне пустят ракету с инфракрасной головкой самонаведения.

Но тут же вижу другую очередь, которая прошла сильно в стороне. Нет сомнений – это Влад отогнал огнём своей пушки одного из преследователей. Отлично! Как я и ожидал, Влад не подвёл!

Но есть ещё один, и он отставать не собирается. Больше инстинктивно, чем осознанно, снова выпускаю тепловые ловушки и закладываю очередной вираж. И не зря, ведь в эту самую секунду висящий на хвосте противник выпускает ракету, которая уходит в ловушки. Но противник сдаваться не собирается, и я разминулся с новой очередью, пущенной преследователем на считанные сантиметры. Ситуация складывается опасная. После столь интенсивного маневрирования силы на исходе, а отдышаться времени совсем нет, и от следующей ракеты я могу не увернуться. Бум! Слышу взрыв. Перевожу взгляд на зеркало заднего вида и вижу, как через облако дыма, оставшегося от истребителя, атаковавшего

меня, проносится Титаренко. Он его и уничтожил. Скорее всего, попал в подвеску с ракетами, фактически спасая мне жизнь.

– Аккуратнее, Кирилл! Будь внимательнее! – передаёт по радиации комэск и маневром уходит в сторону.

Делаю пару глубоких вдохов и замечаю выше и левее противника, которого от меня отогнал Влад. Даю полный газ, закладываю вираж, и его хвост уже маячит у меня в прицеле. Кладу палец на гашетку, даю очередь. Мимо. Противник в панике взмывает вверх, пытаюсь уйти от меня на вертикали, но не тут-то было! Я же говорил, что пилотаж – мой конёк! “Зря он меня не слушал”, – мелькнула ироничная мысль в голове. С легкостью повторяю его маневр, и он снова оказывается у меня в прицеле. Атака! Снаряды ложатся на плоскость крыла противника, и его будто срезает огромным ножом.

Трясущейся от напряжения рукой выравниваю самолет и осматриваюсь. Двое оставшихся противников со снижением выходят из боя, но тем самым попадают точно на Серегу, который обошел их снизу. Он своим боезапасом еще не пользовался и сейчас начнет отстреливать их, словно в тире. Нахожу взглядом машину комэска. Его самолет оставляет еле заметный белый след, что, скорее всего, означает проблемы с двигателем, но раз он не катапультировался, значит, машина еще управляема, и он намерен довести её до аэродрома. А вот в дали, там, где дерутся Ваню и Саня появляется черный

след от горящего самолета.

– Санчо, катапультируйся! – с едва уловимым грузинским акцентом кричит Ваню. Значит, их звену повезло меньше, и одолеть четверых противников вдвоем не удалось.

Оглядываюсь назад. Влад уже занял место ведомого и повторял за мной разворот самолета в сторону дерущегося Ваню, который все-таки смог сбить одного американца, а сейчас остался один против троих. Грохот движков, работающих на форсаже, заглушает звук бешено колотящегося сердца, отдающегося в ушах. В баках осталось едва треть горючего, а на подвесках всего по паре легких ракет малой дальности. Наши облегченные Сушки очень быстро набирают нужную высоту, и мы вовремя приходим на помощь к Ваню. Пусками своих ракет мы сбиваем одного и отгоняем еще двоих противников, но просто так отпускать их не хочется, и я, пользуясь набранной скоростью, догоняю одного из них. Противник понял, что ему не уйти, и покачал крыльями, прося пощады. Даю очередь немного выше него. Американец все понимает и катапультируется. Это был акт милосердия, если хотите. Неписанный кодекс. Я не испытываю ненависти к нему. Он сражается не за свою страну, а прилетел сюда по приказу, как и я. Не мне решать жить ему или умереть, ведь при стрельбе из пушки можно случайно попасть в пилота. А начальству всегда можно соврать, что промахнулся.

Оставшиеся после напряженного боя два американских истребителя драпают на юго-восток в сторону океана, а ра-

дар показывает новые отметки,двигающиеся с материка. Южнокорейцы спешат на помощь своим союзникам. Но поздно, от них почти ничего не осталось. Драться с ними не имеет смысла, а горючее на исходе, и мы возвращаемся на свой аэродром. Наше место в воздухе занимают соседи – лёгкая истребительная авиация, летающая на МиГах.

Только приземлившись, понимаю, насколько я устал. Сил едва хватает, чтобы снять с себя ремни и вылезти из кабины, где меня встречает главный механик, который уже успел мельком осмотреть самолет. Я бросаю взгляд на свою боевую машину. Разводы копоти вокруг пушки, несколько царапин и мелких вмятин, оставленных поражающими элементами ракет и, возможно, даже, снарядами противника, прошедшими по касательной.

– Вас, старший лейтенант, сам Архангел Михаил в бою охраняет! – говорит механик, с недоумевающим выражением лица. – Ну, ничего, завтра с утра самолет будет в порядке!

– Меня в бою мой ведомый охраняет. Хотя, и ангел хранитель у меня точно есть, – задумчиво отвечаю я, рассматривая солидную борозду на краске фюзеляжа самолета.

После короткого разбора полетов Титаренко отправляет нас отдыхать, и я, чтобы не уснуть прямо по дороге до офицерского общежития, обдумываю сегодняшний бой. Такими темпами везения надолго не хватит. Весь сегодняшний бой мог закончиться гораздо печальнее, если бы Влад и Титаренко не сняли бы у меня с хвоста тех двоих американцев. А

все из-за того, что я решил полюбоваться зрелищем подбитого мною горящего самолета и потерял концентрацию на каких-нибудь десять секунд. Впредь, как и сказал Титаренко, надо быть внимательнее. Кроме того, ни одной новости по поводу сбитого сегодня Сани нет, хоть Ваню и видел раскрывшийся купол парашюта.

Сражение за господство в воздухе над Южной и Северной Кореями идет пятые сутки, и ни одна из сторон не может добиться успеха. Наземные части союзников отчаянно просят поддержки с воздуха, а наши командиры не могут поднять штурмовую и бомбардировочную авиацию, пока в воздухе есть силы неприятеля. Одно утешение – серьезной ПВО у корейцев нет. Максимум – это переносные ПЗРК, а они не страшны, пока мы летаем на больших высотах. Хотя, надо сказать, что устаревшие комплексы ПВО были и у тех, и у других, но боекомплект для них израсходовали ещё в первые дни конфликта. Это было чуть больше недели назад, и тогда в воздухе разыгралось нешуточное сражение. От авиации с обеих сторон осталось не более, чем по тридцать процентов с каждой из сторон, а многие комплексы ПВО были и вовсе уничтожены. Когда в войну были втянуты США и Россия, воздушные сражения возобновились с удвоенной силой, но мировое сообщество в лице ООН пригрозило России крупными санкциями и запретило привозить в зону конфликта свои комплексы ПВО средней и большой дальности типа С-300 и С-400. В ответ Китай и Индия запретили США

привозить свои. С тех пор, не желая вмешательства третьих сторон, условия соблюдаются, и в воздушных боях участвует только авиация, а наш аэродром охраняют ЗПК С-1 “Панцирь”, который вооружён зенитными пушками и ракетами малой дальности. У американцев, работающих с авианосцев, все ещё проще. Их прикрывают корабли охранения.

Добравшись до своей комнаты в общежитии, на трясущихся ногах встаю на весы. Ого! Три с половиной килограмма долгой! Сейчас бы поесть. Желательно шоколада. Плиток пять! Или пачку пельменей. А то местная еда – это, прямо скажем, издевательство! Хорошо, что у нас свой повар. Как корейцы могут питаться одним рисом? Но силы на этом заканчиваются и я, упав на кровать, сразу засыпаю.

Глава 2.2. Как умирает русский офицер!

Кирилл

– Да что ты такое говоришь?! В новостях все, как всегда, преувеличивают. Мы иногда видим американцев на радарях и все! До стрельбы еще не доходило! – я пытаюсь сделать как можно более непринуждённый голос.

– А откуда берутся боевые потери? В новостях говорили! – не унимается Лани.

– Раз или два кто-то не справился с управлением и разбился. Тут тебе не Москва. Летать сложно.

Этот аргумент ей парировать, нечем и Лани наконец-то успокаивается. Она просит меня быть поаккуратнее и беречь себя. Я в сотый раз обещаю, что вернусь живым, а пока идут боевые действия, не буду лезть на рожон. Мы болтаем по телефону ещё несколько минут, и она, засыпав меня целой кучей воздушных и словесных поцелуев, отключается, чтобы бежать на работу. Да уж! К такому жизнь меня не готовила. Вместо спокойных полетов вдоль границы мы попали в настоящую мясорубку. Бои случаются каждый день, и наши пилоты гибнут. Многим после смерти товарищей в большей или меньшей степени требуется психологическая помощь. Мне её заменяет моя Лани. Она является той самой ниточкой, связывающей меня с обычной жизнью без смертельных

воздушных поединков и гибели друзей. Она мой личный психолог. Так зачем же ей знать все? Вот я и берегу её от ужасов войны.

Пару дней назад ситуация с ней усложнилась. Главврач её больницы предложил ей поучаствовать в государственной программе по привлечению гражданских медработников для помощи корейским врачам. По сути, они должны отправиться сюда в Северную Корею и заниматься ранениями российских военных. Лани уцепилась за эту идею обеими руками, и мне пришлось задействовать всю свою силу убеждения, чтобы отговорить её от этого. Я говорил, что перелёт будет ужасно утомительный, что в Корее сейчас зима и делать совершенно нечего. Но главным аргументом было то, что даже если она прилетит, это ещё не факт, что мы увидимся. Так что пусть сидит в Москве и занимается своими переломами и аппендицитами.

После разговора с ней я развалился на кровати и попытался снова уснуть. Сейчас у нас уже поздний вечер, но из головы не выходили события сегодняшнего дня, и сон не шёл. Я решил немного прогуляться и, одевшись, пошёл на улицу подышать воздухом.

Мы находимся в КНДР уже седьмые сутки, и, надо признаться, я ничего не знал об этой стране, пока не попал сюда. Первое, что нас удивило – это то, что у нас сразу забрали наши смартфоны и телефоны, но взамен выдали новые. Дело в том, что в Северной Корее запрещено пользоваться мобиль-

ными, произведёнными не в Северной Корее. От этой новости мы с мужиками сразу погрустнели, но, как оказалось, напрасно. Интернет в КНДР запрещён, но у них есть свой аналог интернета, действующий только на территории их страны. Надо сказать, что этого им вполне достаточно. А телефоны, которые нам выдали, оказались не допотопным хламом, как мы ожидали, а вполне нормальными смартфонами бюджетного сегмента. С них легко можно было звонить, как на местные номера, так и на номера российских операторов. Также нас приятно удивили сами корейцы. В России о них сложилось мнение, что это запуганные, несчастные и угнетенные люди, под страхом смерти поддерживающие своего верховного лидера. На деле это оказалось совершенно не так. Прямо скажем, живут они здесь очень бедно. Но, несмотря на это, корейцы оказались очень приветливыми и улыбочивыми людьми, которые искренне любят свою страну. Они прекрасно понимают, из-за чего им приходится экономить на всём, и по чьей вине это произошло.

За размышлениями о местных жителях ноги сами привели меня на аэродром. Скорее всего, наших тут никого нет, и я решил посмотреть, как там мой самолёт. Когда я появился, механики трудились во всю, исправляя повреждения, и, чтобы им не мешать, я пошёл дальше. Проходя мимо самолета комэска, обращаю внимание, что с него сняли один двигатель.

– Кирилл, ты что тут делаешь так поздно? – слышу знако-

мый голос из-за спины. Это Титаренко.

– Не спится, товарищ майор, – отвечаю я и разворачиваюсь.

– Да, и мне тоже, – на выдохе говорит он. – Слышал про Саню? – спрашивает он про нашего товарища, которого сегодня сбили.

– Нет. Есть информация? – оживляюсь я.

– Да, есть, – доброжелательным тоном говорит Титаренко. – Катапульта отработала штатно. Немного повредил ногу при приземлении, но через пару недель, когда подлечится и пройдет медкомиссию, вернется в строй.

– Отличная новость! – на душе стало немного легче.

Комэск кивает в знак согласия и жестом предлагает пройтись. Хочет поговорить.

– Сегодня вы с ребятами хорошо показали себя. Когда я приказал идти на врага почти без ракет, с одними только пушками, никто не дрогнул, – говорит Титаренко и ждет моей реакции. Но какая тут может быть реакция? Мне и в голову не могло прийти, что кто-то из наших может струсить. – Тебе не было страшно? – не дождавшись от меня реакции, напрямую спрашивает командир.

– Эээ. Конечно, страшно. Но чтобы струсить и не выполнить приказ? Нет, такого не было, – я в замешательстве от его слов.

– Это хорошо, что страшно. Не боится только дурак. Страх это нормально, – бубнит себе под нос он и делает

длинную паузу, что-то обдумывая. – Во время сегодняшнего боя мне что-то попало в двигатель, – меняет тему он, указывая на свой самолёт, – это что-то разрушило несколько лопаток компрессора турбины, но с этим механики до утра должны разобраться. Гораздо хуже то, что от перегрузок некоторые несущие части планера начали частично разрушаться. А это уже капремонт. Так что я остался без самолета. Поэтому завтра, если объявят полеты, эскадрилью поведёшь ты, – он останавливается и разворачивается ко мне, чтобы посмотреть в глаза.

– Я? Почему я? Возьмёте мой самолёт! Или чей-нибудь ещё.

– Я благодарен тебе за доверие, но медики после сегодняшнего боя порекомендовали мне пару дней не воздержаться от полетов. Старость не радость, знаешь ли! – улыбается он.

– Ничего себе старость, – я ставлю под сомнение его крайнюю фразу. – Вон самолеты гнете!

– И теперь на земле два дня сидеть. Так что ты официально назначаешься моим замом.

– Но есть же более опытные. Ваню, например!

– Янтбелидзе Иван отличный пилот, но уж больно вспыльчивый. Может броситься в атаку очертя голову, да и по части стратегии он не очень. А ты сегодня только пушечным огнём сбил троих. На завтрашний день в нашей второй эскадрильи пять готовых к вылету экипажей. Всего пять! И это из десяти

ти, что сюда прилетели. Двоих сбили, один на капремонте, и два будут в строю через пару дней. У первой эскадрильи дела немногим лучше. Со дня на день должно поступить пополнение, но пока будем обходиться, чем есть. Так что твоя второстепенная задача, кроме выполнения основного боевого задания, это – сохранить людей и машины. Это – моя личная просьба.

Мы разговаривали с ним ещё где-то полчаса и обсудили многое. Удачно применённую сегодня стратегию ближнего боя, то, как повезло Сане, что он приземлился на территорию союзников, возможную причину поломки двигателей из-за попадания туда обломков, когда Титаренко пролетал сквозь взрывающийся самолет противника, и ещё зачем-то я рассказал ему про Лани. Он встретил новость про неё очень положительно и начал расспрашивать. Вот уж не думал, что он интересуется моей личной жизнью.

Боевая тревога в пять утра бодрит лучше любого кофе. Нас подняли неожиданно, и мы со всех ног бежим на аэродром. Там выясняется, что противники зашевелились. Неожиданно высокая активность в воздухе и послужила сигналом к боевой тревоге.

Прямо сейчас наземные войска Северной Кореи захватывают плацдарм на территории, потерянной в начале конфликта. Первая эскадрилья, которая дежурила на аэродроме, уже прикрывает союзников с воздуха. Наша задача, в случае

необходимости, обеспечить им подкрепление. Как и обещал Титареко, я назначен его заместителем, и сейчас исполняю его обязанности, пока его самолёт не починят, а его не допустят до боевых полетов. Над моей же машиной механики потрудились на славу, и она готова к вылету.

И вот пятеро летчиков сидят в кабинах своих истребителей и слушают радиообмен, готовые в любой момент прийти на помощь товарищам. Время течёт медленно, и пока что ничего не происходит. Но вдруг Архипцев – комэск первой эскадрильи, сообщает о большой группе самолётов, движущихся с юга. Вскоре звучит цифра – двенадцать машин. Скорее всего, многоцелевые истребители. В первой эскадрильи осталось шесть машин, и сейчас они все в воздухе. Перевес не в пользу наших в два раза. Но Архипцев устремляется на врага, а нам срочно командуют взлёт.

Пока мы взлетали, первая эскадрилья вступила в бой. Мы, как можем, спешим им на помощь, а, тем временем, Архипцев сообщает, что все противники вступили в бой и среди них не было тех, кто собирался атаковать союзников на земле. Раз американцы подняли такие крупные силы истребителей, то в след за ней должна последовать атака бомбардировщиков. Тут же, подтверждая мои мысли, оживает рация.

– Пятьсот второй, – ко мне обращаются с земли, – с юга идут штурмовики. Твоё задание меняется. Ты должен сорвать штурмовку плацдарма.

– Принял, – коротко отвечаю я.

– Архипцев, ты должен связать боем истребителей противника, пока пятьсот второй занимается штурмовиками, – земля приказывает комэску первой эскадрильи.

Положение дел меняется. Американцы решились на штурмовку до того, как достигнут господства в воздухе. Похоже, что на земле идёт большое наступление, раз им так необходима поддержка авиации.

– Архипцев, – я вызываю комэска первой, – как у вас обстановка?

– Держимся, – после небольшой паузы говорит он. Их самолеты уже ведут ближний бой и отвлекать его лишний раз я не хочу.

– Мы вам поможем. Отстреляемся по истребителям, так что будь готов разорвать дистанцию, чтобы не зацепило, но потом ты должен вцепиться в них как следует, чтобы мы могли проскочить.

– Сделаем, – коротко отвечает он. – Только поспешите, боезапас на исходе, а я уже потерял одного, – после недолгих раздумий скрипящим от перегрузок голосом добавляет он.

Теперь все зависит от меня. Титаренко доверил мне ответственное дело, и надо постараться его не подвести. У нас сейчас имеются по шесть ракет ближнего радиуса действия и по две среднего. Когда до места, где первая ведёт бой, оставалось около сорока километров, я скомандовал отстреляться всеми ракетами среднего радиуса действия. Пилоты первой эскадрильи по моей команде разорвали дистанцию, и наши

ракеты пошли в американцев. Не дожидаясь результатов, мы даём полный газ и несёмся в сторону подходящих штурмовиков. Наши ракеты достигают цели, и Архипцев со своими подчиненными, как и обещал, атакует противника со всей яростью. Мы проносимся мимо отчаянно дерущихся товарищей, не вступая в бой. У парней из первой получилось выкроить для нас несколько минут, и мы ими воспользуемся.

Штурмовики уже на подходе, и мы производим захват целей. Пятнадцать А-10 идут на малой высоте и несут ракеты и бомбы, чтобы обрушить их на головы наших союзников. Мы им этого не позволим, и я командую открыть огонь. Ракеты по очереди сходят с подвесок и устремляются на врага, а нам лишь остаётся ждать результатов нашей стрельбы. Секунды растягиваются в вечность, но наконец-то ракеты достигают цель, и от пятнадцати штурмовиков остаётся всего шесть. Противник понёс серьёзные потери и разворачивается обратно, не желая больше связываться с нами. Хорошо бы их преследовать, но сильный писк выбрасывает из головы все мысли, не связанные с инстинктом самосохранения и навыками выживания в бою. По нам пустили ракеты. Американцы поняли свою оплошность и запоздало сменили свои приоритеты на нас.

– Рил, – обращается ко мне Архипцев, – всё, мы пустые. Я увожу своих.

– Понял, спасибо за прикрытие! – отвечаю я.

От двенадцати истребителей противника осталось девять,

и сейчас они все устремляются на нас в бессильной ярости и желании отомстить хоть кому-то за сорванные планы по штурмовке плацдарма. Архипцев со своей эскадрильей, израсходовав боезапас, пользуются удачным моментом, и выходят из боя.

Я приказываю разомкнуть строй и приготовиться к уклонению. Ракетный залп настигает нас, но все наши целы. Похоже, ракеты заканчиваются и у американцев, ведь их залп был разрозненный и не плотный, а сейчас они развернулись к нам и идут наперерез. Будет манёвренный бой. Ну что ж, пусть будет.

Пять наших Су-27 и девять F/A-18 сошлись на пересекающихся курсах, и тут же закрутился бой на короткой дистанции. Пятеро против девяти – это очень неприятный расклад, и с первых секунд нам приходится не сладко. То один, то другой из нас просит о помощи, и те, кто находится рядом, бросаются на выручку. Для меня все слилось в одну немислимую карусель с запредельными перегрузками, непрерывным отстрелом тепловых ловушек и постоянной стрельбой из пушки. Я сбил уже двоих, Ваню и Влад – ещё по одному, но наш боезапас заканчивается и скоро нам будет нечем стрелять, а противник все никак не отступает. Эх, сейчас бы каждому из нас хотя бы по паре ракет ближнего радиуса действия! Исход боя был бы предрешён в нашу пользу, но у нас их нет и положение складывается критическое. Так можно потерять здесь всю эскадрилью.

– Ваню, я отвлеку их на себя, а ты уводи всех, – отдаю приказ я.

– Рил, ты что сдурел? – отвечает тот с едва уловимым грузинским акцентом. – Тебя ж собьют!

– Если не уведёшь эскадрилью, то собьют всех! – поясняю я.

– Рил, я твой ведомый и остаюсь с тобой! – вмешивается в разговор Влад.

– Всем уходить, вашу мать! Это прямой приказ! – кричу я, и закладываю противоракетный маневр от очередной, пущенной по мне, ракеты. Я редко повышаю голос, и сейчас это действует на моих товарищей. Они подчиняются.

– До встречи, Рил! – поникшим голосом говорит Ваню. Все понимают, что мне не удастся уйти в одиночку, и по сути я размениваю себя на них. Зато эскадрилью сохранил. Ну, ничего, Титаренко за меня отомстит многократно, я уверен. А так и погибать не страшно.

Я ловлю в прицеле ведущую пару противников и даю по ним длинную очередь, расходуя боеприпас до конца. Я даже особо не целюсь, мне надо, чтобы на меня обратили внимание. Затем стремительно разворачиваюсь и покидаю бой. Сейчас мой не маневрирующий борт – чертовски заманчивая мишень для американцев. Противники как по команде разворачиваются на меня и пытаются атаковать.

Ваню не медлит ни секунды. Он собирает всех и уходит на форсаже со снижением. Там со стороны наших уже подня-

ли МИГи, спешащие на помощь. Моих преследовать никто не будет. Кто хочет встретиться со свежими силами? Вместо этого они отыграются на мне. Меня атакуют целой гроздью ракет. Вымотанный боем, я совершаю противоракетный маневр, на усталое тело привычно наваливаются перегрузки, уши закладывает, но тут моя Сушка сильно вздрагивает. Самолет тут же перестает слушаться ручки управления, что-то больно жалит в грудь, кто-то что-то кричит мне по рации, но слов я не разбираю. Борт начинает произвольно вращаться и неконтролируемо падать. Я тут же тяну рукоять катапульты. Автоматика туго стягивает на мне ремни, чтобы ещё сильнее приковать меня к креслу катапульты, и в то же мгновение с периодичностью в долю секунды срабатывают патроны, отстреливающие фонарь кабины и кресло катапульты. Словно огромная нога даёт мне хорошего пинка и я пулей вылетаю куда-то вверх. Но парашют сразу не открывается. Автоматика кресла ждёт, пока скорость не уменьшится до безопасной для раскрытия парашюта, и только после этого надо мной появляется купол. Я нахожу взглядом падающие обломки, которые совсем недавно были моим самолетом. Жалко его, хорошая была машина. Не просто самолёт, а настоящий боевой товарищ. Я слежу за ним пока он не разбивается о землю, не в силах отвести глаз.

Сейчас надо попытаться понять, на чью территорию я опускаюсь. Оглядевшись вокруг, понимаю, что скорее всего к южнокорейцам. Это плохо! С раной мне далеко не уйти, а в

плен я сдаваться не собираюсь, ведь пилот, попавший в плен – большая ценность для врага. Это не просто осведомленный офицер, но и хороший рычаг политического давления. Я тянусь рукой к контейнеру НАЗ, укрепленному в кресле катапульты, чтобы убедиться, что он на месте. Он там, где и должен быть, что придаёт уверенности, ведь в нем помимо сухпайка, ножа, спичек и всего остального есть пистолет с тремя обоймами и пара осколочных гранат. Иными словами, есть чем дать последний бой. Вот странно, у меня в ближайшей перспективе смерть, а мне совершенно за себя не страшно. Страшно за маму, когда ей скажут, что я не уцелел. Все бы на свете отдал, чтобы попрощаться с ней как следует и попытаться успокоить. В голове сразу нарисовалась картина: закрытый гроб и мама, плачущая на нем. А позади стоит Лани вся в черном и беззвучно всхлипывает. Нет уж, я не хочу, чтобы они познакомились таким образом! Я ещё столько всего не сделал в своей жизни, и умирать рано. Тем более я обещал Лани, что со мной ничего не случится, а обещания надо выполнять. Но уж если встанет выбор дать последний бой или позорно сдаться, то я выберу первое.

После довольно удачного приземления, что уже большая удача в гористой местности, отстегиваю ремни, удерживающие меня, и осматриваюсь вокруг. Где-то вдалеке шумит бой, и поэтому первым делом нахожу в контейнере НАЗ две гранаты, которые я рассовываю по карманам, и пистолет, который беру в левую руку. Правой рукой я, как могу, зажи-

маю кровоточащую рану и лёгким бегом направляюсь туда, где по моим прикидкам находится север. Из-за раны в груди быстро бежать сложно, и часто приходится делать короткие остановки чтобы отдышаться, но неожиданно стрельба начинается совсем близко. Хоть я и старался быть как можно менее заметным, но фонтанчики земли, поднятые пулями совсем близко от меня, красноречиво говорят, что стреляют именно по мне. Я делаю ускорение, но тут мою ногу обжигает болью, и я падаю. Остекленелыми глазами осматриваю прострелянную голень, и с ужасом для себя понимаю, что вся штанина уже пропиталась кровью. Времени накладывать жгут у меня нет, ведь преследователи совсем близко. Я направляю пистолет в сторону откуда по мне вели огонь, и несколько раз нажимаю спусковой крючок, разряжая обойму Стечкина. После стрельбы из авиационной пушки пистолет кажется детской игрушкой. Надо бы перезарядить его, но сначала решаю сменить позицию. Идти теперь я не могу, но могу ползти, и я ползу, ползу из последних сил, которые стремительно утекают. Позади уже слышатся голоса неприятеля. Надо срочно что-то решать, и я решаю пустить в ход гранату, когда они подойдут ближе. Силы совсем на исходе и далеко кинуть её не получится, поэтому я взорву её прямо в руках когда они подойдут ближе, надеясь зацепить взрывом побольше врагов. “Они еще узнают, как умирает русский офицер!” – проносится злобная мысль в голове, пока я непослушными пальцами разгибаю усики от чеки, чтобы можно

было легко её выдернуть. Уже на грани потери сознания совсем рядом слышу стрельбу с севера. Звук стрельбы калаша ни с чем не перепутаешь, а ими вооружены КНДРовцы. “Союзники не далеко”, – мелькнула мысль в замутненном сознании, и я делаю ещё несколько движений в сторону севера, пока сознание не уплывает из измученного тела.

Глава 2.3. Взятся за гуж, не говори, что не дюж.

Лани

Прошло уже три дня, как я вернулась в Москву и вышла на работу. После тропического климата и полуторанедельного безделья организм и сознание категорически протестуют против холода и рабочей деятельности. Но делать нечего, и приходится заставлять себя вставать в семь утра и плестись от дома до метро и от метро до работы по мокрым и грязным тротуарам под шум проезжающих мимо машин.

Сегодняшний день – не исключение. Я опять бреду на работу, пытаюсь поглубже закутаться в пуховик, спасаясь от холода. Под ногами неприятно хрустит соль, которую недавно разбросали дворники. От этой соли даже в минус двадцать будут стоять лужи! Тоже мне зима... По-моему, зима – это самое ужасное время года в Москве. Нет, в целом я зиму люблю, но только настоящую зиму, как та, что была в моем детстве, там, откуда я родом. Чтобы никакой грязи, соли под ногами и брызг от проезжающих машин. Я привыкла, что зима – это волшебное время года, когда все вокруг становится белым, когда лёгкий мороз пощипывает щеки, когда снег приятно поскрипывает под ногами. Ну и, конечно же, зимние веселья. Коньки, лыжи, катание на санках. В Москве этим тоже можно заняться, но гораздо проблематичнее. По-

кататься на санках или тюбингах можно далеко не везде. Таких мест по Москве очень-очень мало. Побегать на лыжах – ещё сложнее, ведь для этого надо сначала проехать на метро через пол Москвы с лыжами в руках, а туда где есть прокат либо не добраться, либо придется стоять в очереди пол дня. Вот с коньками все гораздо проще – катков заливают сколько угодно и в метро коньки совершенно не мешают. Но и здесь есть НО. Все эти катки платные и цена, обычно, заоблачная, а там, где бесплатно, лёд настолько убитый, что никакого удовольствия от катания не получишь.

От нахлынувшей зимней депрессии меня спасает только одно. В пять часов вечера мы созваниваемся с Рилом. В это время у них чаще всего полёты уже заканчиваются. И ради этого я делаю все, чтобы день прошёл как можно скорее. Мы можем разговаривать часами. И тем для этого – целое множество. Иногда он мне рассказывает про их полёты. Ничего конкретного, что могло бы нарушить государственную или военную тайну, он, конечно, не говорит. Скорее он рассказывает про свои ощущения в целом, про красоту, которую видит из самолёта, про обычаи и причуды корейцев, про выходы сослуживцев и так далее. Вопреки новостям из телевизора, Рил говорит, что у них в КДНР относительно безопасно, и воздушных сражений практически не происходит. Довольно странно. Ведь если верить ему, то они просто летают вдоль границы и “пугают” своим видом американцев. Почему же тогда он каждый вечер так сильно вымотан как

физически, так и психологически? Я вижу, что ему нужна моя поддержка, и я даю ему её. Иногда он хочет просто поговорить о московской погоде, о моих “успехах” на работе или про Ленку и Антона. Этим самым он отвлекается от своих будней.

Вот и сегодня я ушла в работу полностью, чтобы день пролетел побыстрее. В пятом часу вечера я, как обычно, начала ждать его звонка. Но время идёт, а он не звонит. Наверное, очень занят, поэтому переживать не надо. Тем более у них уже вечер, а, как говорит Рил, по ночам они стараются не летать.

В восемнадцать ноль-ноль, когда я уже собиралась уходить домой, на всякий случай, набираю его номер. Гудки идут, но трубку никто не берет. В течение часа пробую ещё дважды, но тот же результат. Что-то точно случилось.

На следующий день, когда я была уже на работе, мне позвонили с незнакомого номера.

– Алло, – отвечаю я, ожидая услышать голос Рила.

– Доброе утро, – ответил немного смущенный и печальный незнакомый мужской голос. – Говорит майор Титаренко. Вы Лани?

– Да, – аккуратно подтверждаю я.

– Кем Вам приходится старший лейтенант Машков Кирилл? На его телефоне подавляющее большинство вызовов на Ваш номер.

– Я... – осекаюсь я, понимая, что сердце ускоряет темп. –

Я его девушка.

– Значит, я не ошибся, – подводит итог он. – Мне полагается уведомить родных, что старший лейтенант со вчерашнего дня считается пропавшим без вести, – огорошивает меня он. – Но номер его матери из телефона старшего лейтенанта Машкова не обслуживается. Вы, случайно, не знаете работающий номер?

– Как? Что случилось? – спрашиваю я, игнорируя вопрос про номер телефона мамы Рила.

– Кхм, – он прочищает горло, собираясь с мыслями. – Его сбили в неравном бою. Он катапультировался над территорией, занятой врагом. Больше нам ничего не известно.

– Как сбили? Почему над территорией противника? Разве вы ведёте воздушные бои? – отказываюсь верить я, надеясь, что это какой-то дурацкий прикол. – И Рил очень хороший лётчик! Его не могли сбить, – добавляю я.

– Он наш лучший лётчик! – не без гордости отвечает Титаренко. – Он остался прикрывать отступление своих товарищей, чем спас четыре жизни.

Это похоже на Рила. Опять он кого-то спасает. Так, сейчас для меня самое главное, что он пропал без вести, а не погиб. Раз он катапультировался, то он, скорее всего, ещё жив. Я озвучиваю свою догадку этому Титаренко, и он подтверждает мои умозаключения. Тогда я признаюсь, что номера телефона его мамы у меня нет, и прошу его держать меня в курсе событий. Он соглашается и вешает трубку, вежливо попро-

щавшись.

Рабочий день – коту под хвост. Заниматься чем-то полезным я сейчас не могу. Перебирая в голове варианты, как можно узнать подробности или помочь Рилу, прихожу к выводу, что мне, как ни странно, остаётся только молиться. Отправившись с работы, и сославшись на плохое самочувствие, собираюсь идти в церковь. С работы меня отпустили легко, видимо у меня на лице написано, что мне сейчас очень плохо. А вот с церковью было сложнее. Я не очень часто сюда хожу, а одета я сегодня и подавно не так, как следует, но меня это не останавливает. Нахожу на карте ближайший храм и бегу к нему. Именно бегу. У меня ощущение, что я опаздываю к Рилу на помощь.

Тяжело дыша, вваливаюсь в богато украшенный главный предел храма, запоздало вспоминая, что надо перекреститься перед входом. Так, надо взять себя в руки! Осматриваюсь. Вокруг никого, только одна бабушка сидит за прилавком, продавая свечи. Я делаю глубокий вдох. Запах ладана действует успокаивающе и приводит нервную систему в порядок.

Повязав на голову шарф наподобие платка, иду к бабушке и покупаю свечек. Я плохо знаю, как надо правильно молиться. Надеюсь, Бог не сильно на меня разозлится, если я буду делать не все верно. Но мои переживания на этот счёт исчезают, как только я подхожу к иконе. Слова и просьбы шёпотом срываются с губ, а выученная ещё в детстве молит-

ва “Отче наш” сама всплывает в голове.

– Помоги ему добраться до своих и спаси его жизнь, – прошу я у Бога.

Мне казалось, что я находилась в церкви не более пятнадцати минут, но выйдя, понимаю, что прошёл уже час! Возвращаться на работу не имеет никакого смысла, и я собираюсь идти домой, когда мне снова звонит этот самый Титаренко. Я немедленно отвечаю, но, вопреки моим ожиданиям, голос у него весёлый.

– Добрый день! Это майор Титаренко, – так же, как и в прошлый раз, представляется он. – Рила доставили в госпиталь, что находится неподалёку от нашего аэродрома. Я только что ходил туда, и мне сказали, что личность подтверждена и это несомненно он.

– В госпиталь? Он ранен? – пугаюсь я.

Титаренко рассказывает мне подробности. Рилу осколком от корпуса самолёта повредило лёгкое, и он получил пулевое ранение в ногу. Также он потерял много крови и сейчас находится без сознания. Титаренко несколько раз повторил, что он спасся ЧУДОМ! Корейские врачи уже им занимаются. Так что все в их руках. Я спрашиваю о его состоянии, и в каком именно госпитале он находится. Титаренко рассказывает, что знает и, ссылаясь на неотложные дела, прощается со мной и вешает трубку. Похоже, мои молитвы были услышаны, но только наполовину – он добрался до своих. Тут мне в голову приходит мысль, что моя просьба была исполнена

на половину для того чтобы я могла вторую часть исполнить сама! Видимо, Титаренко ошибался, когда говорил, что все в руках корейских врачей. Не медля ни секунды, отправляюсь обратно в свою больницу и иду напрямиком к главврачу.

Главврач нашей больницы – мужчина средних лет, занял эту должность совсем недавно, но уже вызывал впечатление умелого руководителя.

– Здравствуйте! Государственная программа по привлечению гражданских врачей для помощи нашим военным, сражающимся в Корее, ещё не закрыта? – прямо с порога спрашиваю я.

– Нет, но завтра последний день вербовки, – озадаченно говорит он, поглядывая на календарь.

– Отлично! – провозглашаю я. – Запишите меня – я доброволец!

Мое предложение и настойчивость радуют его, и он принимается объяснять суть нашего пребывания там, опасности и риски, а также финансовые бонусы, которые мы получим. Я со всем соглашаюсь и спрашиваю про документы, которые необходимо подготовить. На это он лишь отмахивается.

– Обычно для подобной работы необходимо собрать целый ворох бумаг, но для вас все сделают по упрощённой и ускоренной программе, – говорит он. – Все, что вам нужно – это паспорт, загранник и мои рекомендации.

Я выхожу из его кабинета в приподнятом настроении. Конечно, я не сказала, что меня подтолкнуло на эту поездку,

пусть думает, что это просто моя инициатива. Поэтому он мне на прощание говорит, что эта поездка – отличная возможность поднабраться опыта для молодого хирурга, и я большая молодец, что вызвалась.

Вылет уже завтра вечером, а мне надо ещё столько всего сделать. Узнать где можно поменять рубли на местную валюту, собрать вещи, сообщить хозяйке съёмной квартиры, что улетаю, возможно, на несколько месяцев и деньги буду перечислять переводом, рассказать всем близким, что улетаю и куда улетаю, а самое главное – объяснить родителям: что я забыла в Корее на чужой войне. С первыми тремя пунктами я разобралась без проблем, а вот с мамой было сложнее. Я решила пока что не говорить ей про Рила. Поэтому, когда я позвонила и рассказала о своём решении, она в ужасе спросила: “Зачем мне это нужно?”, я потерялась, хоть и репетировала свою речь весь вечер. Единственное, что мне тогда пришло в голову это: “Я там нужна”. Это было правдой, но она, не знающая про Рила, думает, что я имею в виду наших военных, а я имела в виду только его. В самом конце разговора мне пришло в голову упомянуть про повышенную зарплату, про то, что там год за три идёт, про настоящую практику и так далее. В итоге она сдалась и, не без сожаления, благословила на поездку. Папа же молча выслушал меня и сказал, что гордится мной и разрешает ехать.

После разговора я с облегчением выдохнула и попыталась улыбнуться, но мне вдруг стало противно от самой себя. Все

вокруг, кроме Ленки, думают, что я самоотверженный молодой хирург, горящий инициативой помочь нашим воинам, бороться и спасти их жизни, что я еду туда, потому что не могу оставаться в стороне, когда кто-то страдает и нуждается во мне! А на самом деле я еду всего лишь из-за одного человека, который мне очень дорог. Уже через несколько минут терзаний на свой счёт я решила, что должна и буду соответствовать той себе, про которую только что говорила маме, папе и главврачу. А то, что я смогу помочь Рилу, это лишь бонус, хоть и приятный.

С Ленкой я решила попрощаться лично. Мы договорились встретиться на полчаса в каком-нибудь кафе, ведь вечером у неё были какие-то дела. Встретившись, я рассказала, что лечу к Рилу, и она сначала тоже попыталась отговорить, но, видя мой настрой, лишь закатила глаза, сказала, что я в край отмороженная, и передала привет Рилу.

В тот момент, когда я собиралась спросить, что за неотложные дела у неё запланированы на вечер, в кафе зашёл Антон. Он сказал, что им пора ехать, а то не успеют перевезти вещи.

– Какие вещи? – оживляюсь я.

– Ты не сказала ей? – удивляется Антон.

– Не успела ещё, – огрызается Ленка.

– Мы решили съехаться и пожить вместе, – сказал вместо

Ленки Антон.

– Серьёзно? – я начинаю улыбаться, переводя взгляд на

Ленку.

– Да! – вызывающе отвечает она.

Похоже, это был все же не курортный романчик, в чем пыталась убедить меня Ленка. Ну что ж, я только рада за подругу.

– Рилу будет приятно узнать, что вы съезжаетесь! – говорю я, понимая, что они же не в курсе, что его сбили и он в госпитале.

Я рассказываю им. Их лица исказила гримаса ужаса, когда я говорила про ранения и госпиталь. Антон сразу забыл про то, что они торопятся, заставил меня дважды рассказать все, что мне рассказал Титаренко, и взял с меня слово, что как только я что-нибудь узнаю, то сразу ему сообщу, даже если будет ночь! На прощание они крепко меня обняли.

– Езжай и спаси нашего героя! – говорит Антон. – И помни, для него остаться калекой и больше не видеть небо – хуже смерти. Так что ты уж постарайся там.

Последние его слова запали мне в душу. А если он, правда, останется калекой, ненавидящим себя и тоскующим по небу. Насколько я знаю Рила, он сам расстанется со мной, чтобы я не мучилась с ним. Сама же я затрудняюсь ответить, что буду делать в таком случае. С одной стороны, бросать такого хорошего человека, когда ему больше всего нужна помощь, просто ужасно, но, с другой стороны, если вдуматься, мы знакомы всего-навсего две недели! О чем может быть речь? То, что я лечу к нему – это уже странно!

Я думала над сложившейся ситуацией весь следующий день, и только выйдя из самолёта в КНДР, с уверенностью сказала себе, что поступаю верно! И как в детстве говорил мне папа: “Взялся за гуж, не говори, что не дюж!”, так что думать поздно, пора действовать.

После приземления нас начали распределять по будущим местам работы. Есть всего три основных госпиталя, в которых будут работать российские гражданские врачи. Один из госпиталей – тот самый, в котором лежит Рил. Я, первым делом, не дожидаясь объявления о распределении, подошла к военному медику в звании майора и рассказала о своей ситуации с одной оговоркой. Я сказала, что Рил – мой двоюродный брат. Военный врач осмотрел меня пронзительным взглядом и глубоко вздохнул, мол “как вы меня задолбали”!

– Брат, говоришь? – саркастическим тоном спрашивает он.

– Да! Двоюродный! – подтверждаю я. Похоже, он догадался, из-за чего я здесь, и сейчас проверяет меня “на вшивость”.

– Лётчик? – спрашивает он.

– Да! Старший лейтенант Кирилл Машков! – отчеканила я на военный манер, вытянувшись по стойке смирно перед этим высоченным и строгим дядькой.

– Это не тот, что уже тринадцать янки завалил? А в последнем бою оказался впятером против девяти и без ракет? – прищурившись спрашивает он.

– Эээ... – только и вырывается у меня. – Нет, это точно не он. Рил до этого в воздушных боях не участвовал.

– Да он-он, – отмахиваясь, говорит военврач. – Я сам вчера подписывал документы на его счёт. Везунчик этот твой старлей! Из такой передряги выбрался и относительно целым. А ещё такая заботливая “сестра” к нему приехала. Знаешь, что с пленными лётчиками южнокорейцы делают? – он повышает голос.

– Нет, – отвечаю я, вжимая голову в плечи. Этот страшный майор буквально повис надо мной.

– Лучше тебе и не знать! – немного подумав, отвечает он. – Да уж, везунчик! – вслух думает он. – И что, ты, правда, врач? – неожиданно спрашивает он.

– Да!

Майор уставился на меня подозрительным взглядом и неожиданно начал задавать вопросы по медицине. Я сначала растерялась, но уже через пару секунд сориентировалась и начала отвечать как на экзамене.

– Значит, правда врач! – оценивает майор. – Как фамилия?

– Иванова! – радостно отвечаю я.

– Ну, что ж, будь по-твоему! Отправляйся к своему летуну! – говорит он, разворачивается и начинает медленно удаляться. – Надо же! Такая кнопка, а туда же! – опять размышляя вслух, он уходит из вида.

В госпиталь, где лежит Рил, отправили четверых. Пожи-

лого, но вызывающего уважение хирурга Василия Петровича и трёх ассистентов – меня, долговязого молодого парня в смешных очках и очень приветливую рыжеволосую девушку моих лет. Мы с Василием Петровичем тут же нашли общий язык, и прямо с первого дня он начал меня называть “дочкой”. Я была не против этого, ведь он мне тоже очень понравился. Я даже решила и рассказала ему про Рила. Он тогда улыбнулся и похвалил меня за мужество и волевой характер, ведь далеко не каждая так поступит.

По прибытии в госпиталь Василий Петрович первым делом устроил обход и осмотр раненых. Когда я увидела Рила, лежащего без сознания, всего перебинтованного, у меня невольно затряслись колени. Василий Петрович тут же назначил операцию. Он сказал, что нога может начать гноиться, и надо немедленно её спасать, пока зараза не распространилась дальше.

Ассистировала ему я и, через два часа, когда мы закончили, Василий Петрович подмигнул мне и шёпотом сказал: “Летать будет! Месяца три провалается тут и снова сможет петли в небе крутить!”

Глава 2.4. Алиса

Кирилл

Сквозь белую пелену перед глазами изредка видно силуэты людей. Я иногда слышу, что они говорят, но не могу разобрать ни слова. Обезболивающие, будь они неладны. Из-за них не ясно в плену я или нет. Стоит только мне немного прийти в сознание, как мне опять что-то колют, и я проваливаюсь в беспокойный сон. Мне снятся отчаянные воздушные бои, где я совершенно беспомощен. Ни одна из моих атак не увенчивается успехом, как бы я не старался. А друзей, в свою очередь, одного за другим сбивают, и я слышу их неистовые крики о помощи. В конце мы остаёмся с комэском вдвоём против полчищ врагов. Я занимаю место ведомого, но тут же наглый и самоуверенный враг расстреливает его прямо на моих глазах, а я опять ничего не могу с этим поделать. Отчаяние бессилия наваливается на меня волна за волной, пока действие морфия не проходит, и я не просыпаюсь весь в поту. Но с некоторых пор мне начала сниться Лани. Эти сны гораздо приятнее. Мы часами гуляем с ней по безлюдным пляжам. Вокруг только море, вечернее небо и пляж из мельчайшего пушистого песка. Кожу щекочет приятный тёплый ветерок, дующий со стороны моря, и мы без усталости идем вдоль берега, наслаждаясь размеренной беседой.

Когда наркотический туман снова рассеивается, и у меня

получается собрать разбегающиеся мысли в кучу, я пытаюсь проанализировать ситуацию. Целой картины событий я не знаю, видимо, я часто терял сознание. Итак, первое, что я помню после приземления – это то, что началась стрельба, и меня ранили. Далее вокруг завязался бой. Повсюду слышались выстрелы, и пули свистели прямо над головой. Наверное, это союзники пришли мне на помощь. Очень любезно с их стороны, ведь я сюда тоже не отдыхать приехал. Далее, после потери сознания, я прихожу в чувства от того, что круглолицый кореец даёт понюхать мне нашатырь, спрятав от огня в неглубокой ложбинке. Сейчас я понимаю, что надо было попытаться рассмотреть форму этого солдата, чтобы понять, к кому я попал, но тогда я сконцентрировал внимание лишь на его лице. Передо мной был молодой кореец, который очень обрадовался, когда я открыл глаза. Он весело что-то заорал окружающим его солдатам, ведущим бой. Я ничего не понял, кроме трёх слов: “... руски соколь...лаибей...” – последнее, если мне не изменяет память, переводится как “Живой”. Итак, он сказал всем, что я жив. Почему он назвал меня русским соколом? Ах, да! Помнится, ещё в детстве отец рассказывал мне что-то такое. Он служил в полку, старослужащие которого ещё в 50-е годы воевали здесь, в Корее, на стороне все тех же северокорейцев. Противостояли им опять же американцы. В те давние годы они не на жизнь, а на смерть дрались в воздухе на своих МиГ-15. Так вот, отец рассказывал: ветераны, заставшие эту войну, гово-

рили, что в те времена всех наших лётчиков называли “Соколы”. И корейцы переняли эту традицию, ведь наши пилоты самоотверженно дрались плечом к плечу вместе с ними, пачками разили врага и гибли, отдавая союзнический долг. Забавно, прошло уже почти 65 лет, а они помнят подвиг наших дедов и относятся к нему с уважением. Вот это я понимаю, народная память!

После этого меня взвалили на носилки и долго куда-то тащили. Я не раз терял сознание от боли в груди и ноге, но вскоре опять приходил в себя. Последние воспоминания – это вертолёт и госпиталь. Судя по всему я все же у союзников. Валяюсь в госпитале, где надо мной неустанно колдуют врачи, колющие мне этот, будь он неладен, морфий, чтобы проводить операции.

Но с некоторых пор я разучился отличить явь от наркотических галлюцинаций. Вот, например, вчера. Я был уверен, что не сплю, но тут ко мне в палату заходит ни кто-нибудь, а Лани. Затем какой-то дедулька командует ей, что необходима операция, колет мне что-то, и я опять проваливаюсь в небытие. Глупость какая-то – сон внутри сна. То, что она мне снится, не вызывает сомнения. Откуда она могла взяться здесь?

Но действие морфия проходит, и передо мной опять Лани. Так странно – она одета в белый больничный халат! Они опять разговаривают обо мне с тем же дедулькой, он остаётся доволен разговором и выходит из палаты, а Лани разво-

рачивается ко мне.

– Рил, ты проснулся! – весело кричит она и садится рядом со мной.

– Лани, ты – самая приятная и натуральная галлюцинация из тех, что у меня были, – еле ворочая языком, говорю я.

– Хи-хи! Нет, на этот раз я настоящая! – улыбаясь, говорит она. – Хотя, надо признаться, ты часто зовёшь меня во сне.

– Ты мне часто снишься! – признаюсь я. – Просвети меня, пожалуйста. Где мы?

– Мы в военном госпитале в Корее, в паре километрах от вашего аэродрома, – отвечает она.

– А как ты сюда попала? – удивляюсь я.

– Ну, мне позвонил Титаренко. Он сказал, что ты только и делаешь, что валяешься без дела! Попросил тебя подменить, ведь летать-то кому-то надо, – с ужасно серьёзным лицом говорит она.

– И как успехи? Небось уже меня переплюнула и всех американцев перебила! – подыгрываю ей я, пытаюсь улыбнуться.

– Да уж конечно! Тебя попробуй переплюнь! – прищурившись заявляет она. – У кого это тринадцать сбитых лично и пять в группе? И это так вы “Только летаете вдоль границы”? – Лани с сарказмом цитирует меня. – Насколько я знаю – второе место держишь. Первый Титаренко. У него четырнадцать. Но вот его, почему-то, не сбивали.

– Извини, что не рассказывал тебе о воздушных боях. Не

хотел, чтобы ты волновалась, – оправдываюсь я.

– Как оказалось, волноваться есть из-за чего! – она указывает на меня, лежащего на кровати в бинтах.

– Что со мной? – решаю сменить тему я. – Долго я здесь? Я смогу летать? – я задаю самый главный вопрос.

– Говорят, мы тебя теряем! – пытается пошутить она. – Тебя здесь хоронить или на Родину отвезти?

– Лани, я серьёзно.

– Ты здесь уже два года, – с наигранным придыханием говорит она. Но мне уже не до шуток, и я одариваю её грустным взглядом, про себя оценивая шутку. – Да будешь ты летать, УЗБАГОЙСЯ! – она делает жест рукой, подражая лемуру из интернет-мема. – Ранения у тебя не серьёзные, и угрозы для здоровья уже нет, – отмахивается она. – Хотя, будь моя воля, то я бы тебя на пушечный выстрел к самолётам не подпускала! Ишь ты! Только в сознание пришёл, а уже летать хочет. Мало тебе? – шутливым тоном обвиняет меня она.

Пусть смеётся и издевается надо мной, сколько хочет, ведь у неё есть на это все причины – я её обманывал. Но, несмотря на это, она ради меня бросила все и примчалась за тысячи километров, чтобы лично спасти мне жизнь и здоровье. Тем более самое главное я услышал – я буду летать.

– Значит ты мой лечащий врач? – спрашиваю я.

– Ну не я, конечно, а Василий Петрович, – скромничает она. – Но я ему ассистировала, когда он спасал тебе ногу от заражения.

– А про меня тебе рассказал Титаренко? – уточняю я.

– Да, позвонил мне, чтобы спросить номер телефона твоей мамы, но у меня его не было, – поясняет Лани, устраиваясь поудобнее на углу кровати.

– Это даже хорошо, что она не знает, – подвожу итог я.

– Опять ты за старое? – хмурится она. – Надо обязательно все ей рассказать!

– Расскажу потом, – морщусь я. – А Титаренко – жук! Но я рад, что рассказал ему про тебя. Так бы он тебе не позвонил.

– Ты рассказал своему командиру про меня? – удивляется она. – Вы так близки?

– Тут довольно запутанная история, – начинаю пояснять я. – Когда-то давно Титаренко служил под началом у моего отца и летал с ним в качестве ведомого, но отец погиб в авиакатастрофе, когда мне было семь лет. За прошедшие годы Титаренко неплохо себя проявил и стал командиром эскадрильи. Говорят, он пошёл бы и дальше, но ему не хотелось получать высокое звание и расставаться с небом, поэтому он уже давно закрепил за собой должность комэска. А когда я окончил училище, то случайно попал к нему в эскадрилью. С тех пор он учит меня тому, чему его научил мой отец. Кроме того, он, когда надо, помогает мне советом и делом. А теперь этот ловкий интриган и манипулятор под вымышленным предлогом про номер телефона мамы заочно познакомился с тобой и подтолкнул тебя к решению поехать сюда. Я ведь ему рассказал про то, что ты начинающий хирург и

собиралась прилететь. И уж поверь, номер моей мамы у него есть. Они довольно неплохо знакомы, – я заканчиваю свой рассказ и замечаю, что лицо у Лани как-то поменялось.

– Я уже сама почти люблю вашего комэска! Он, правда, молодец! – поясняет она, вытирая повлажневшие глаза. – И мне так жалко твоего папу!

– Ой, прекрати, пожалуйста! – вмешиваюсь я, видя, что она погрузилась и чуть ли не плачет. – Это было двадцать лет назад! Я уже давно освоился с этой мыслью.

– Ладно, – печально кивает она. – Ой! Я совсем забыла про время! Мне пора бежать! – оживляется Лани. – Раненых в госпитале очень много!

Она встаёт с кровати, озорно оглядевшись, и быстро целует меня в губы.

– Отдыхай! Я к тебе вечером зайду! – говорит она и вприпрыжку выбегает из палаты.

Ну что ж, делать мне все равно нечего. Буду отдыхать, как посоветовала Лани. Напоследок осматриваю себя. Грудь и нога туго забинтованы и немного ноют, но это не страшно, ведь спать и правда хочется. “Какая же Лани молодец, что прилетела!” – промелькнуло в голове прежде, чем я провалился в крепкий сон без сновидений.

Просыпаюсь я от того, что кто-то очень нежно протирает мне лоб влажной губкой. Сейчас полдень, и за окном безжалостно палит солнце, мешая открыть глаза. Видимо у меня небольшой жар, раз я покрылся потом. Так что эти забот-

ливые руки и влажная губка, дарящая прохладу, очень кстати. Видимо, Лани освободилась пораньше и решила посидеть со мной. Прежде, чем открыть глаза, я несколько секунд нежусь, получая удовольствие. Но вот протирание заканчивается, и руки ловко начинают поправлять мои растрёпанные и слежавшиеся волосы, которые отросли гораздо сильнее положенного. От таких манипуляций я начинаю улыбаться, так и не открыв глаза.

– У тебя же куча пациентов! – говорю я. – Или ты успела... Ой! – я наконец-то решаю посмотреть на неё, но вместо Лани вижу перед собой жутко откровенное декольте, обладательница которого склонилась надо мной. – Я Вас перепутал с... одной девушкой, – мямлю я в оправдание.

Подняв взгляд, я вижу ослепительную улыбку той, кто меня разбудила. Первое, что бросается в глаза – это её ярко рыжие волосы, собранные в тугий пучок, которые резко контрастируют с белым халатом.

– Позвольте представиться, – говорит она красивым грудным голосом, – меня зовут Алиса, и я один из врачей, присматривающий за вами.

Мне удаётся рассмотреть её получше. Эта Алиса однозначно очень привлекательная. Выразительные скулы на фоне рыжих волос выглядят очень страстно, а ярко зеленые глаза лишь добавляют агрессивности и соблазнительности. И это я не говорю про приличного размера грудь, выглядывающую из-под, не застегнутого до конца больничного халата.

– Я думал, в больнице полно раненых, которым нужна помощь, – говорю я.

– Да, но они же не такие симпатичные, как вы! – улыбаясь, отвечает она, буквально пожирая меня своим хищным взглядом. – Тем более у меня сейчас перерыв. Вот я и решила проверить, как идут дела у нашего аса.

– Дела идут неплохо, – мямлю я. Она меня определённо клеит. Я первый раз встречаюсь с таким откровенным и неприкрытым флиртом. От этого я даже немного растерялся. Сердце резко усилило биение, норовя выпрыгнуть из груди, а к лицу прилила кровь, заставляя меня краснеть.

– Может, Вам что-то нужно? Или есть какие-нибудь пожелания? – спрашивает она.

– Нет, спасибо, – мотаю головой я, – у меня все есть.

– Хорошо, – кивает она и ещё раз одаривает меня своей ослепительной улыбкой и пожирающим взглядом. – Если Вам будет скучно или что-нибудь понадобится, сразу дайте знать! Я непременно постараюсь вам помочь. А теперь, товарищ старший лейтенант, отдыхайте, а то вы что-то разнервничались!

Я не нахожу, что ответить, и лишь киваю в знак согласия. Подмигнув мне на прощание, Алиса встает, дав рассмотреть её точеную фигуру полностью. Затем неспешно разворачивается и, усердно виляя очень даже неплохими бёдрами, выходит из палаты. Но уснуть у меня не получается ещё довольно долго. В голову все лезет и лезет этот её вызывающий

взгляд на фоне рыжих, как пламя, волос. Каждое движение этой девушки, каждое слово и взгляд были грациозны и, как будто, с точностью выверены, а манера общения неспешная и обстоятельная. Когда она была рядом, не хотелось отводить от нее глаз, и у меня с трудом удавалось не пялиться на нее. Неужели она не знает про нас с Лани? Так откровенно со мной ещё никто никогда не заигрывал!

Глава 2.5. «Русские соколы»

Кирилл

Лежать в госпитале – не самое весёлое занятие. Никаких развлечений, и единственный способ скоротать время – это еда и сон. Лани, пытаясь это исправить, каждую свободную минуту бегала ко мне, чтобы хоть как-то развлечь меня, но у неё было много работы, и часто этого она делать не могла. Ещё она иногда оставляла мне свой телефон, чтобы я мог послушать музыку, но большая часть сайтов в КНДР закрыта, поэтому приходилось довольствоваться тем, что у неё сохранено на внутренней памяти. В какой-то момент я осознал, что меня уже просто воротит от Джареда Лето и Вилле Валло, поэтому от музыки я отказался, пытаясь проникнуться любовными романами, но случайно обнаружил полное собрание Гарри Поттера. Вот это чтение пошло на ура! И всю первую неделю я вспоминал детство, перечитывая приключения юного волшебника.

Ещё иногда ко мне заходила та темпераментная девушка Алиса. Появлялась она всегда в самое неожиданное для меня время и никогда не пересекалась с Лани. Наше общение проходило все в том же стиле, что и при знакомстве. Она не скрывала интереса ко мне и постоянно вгоняла в краску своей лестью и похвалой. Я старался не обращать внимания, но она снова и снова начинала восхищаться моими “заслу-

гами”. То же мне заслуги! Уже неделю здесь и единственная моя “заслуга” – это то, что я начал ходить в туалет самостоятельно. Но, как ни странно, она оказалась очень многосторонним и интересным человеком. Помимо общей эрудированности, она неплохо разбиралась в авиации, что довольно странно для молодой и симпатичной девушки. А её познания в этом деле лишь добавляли тем для общения. Так что, надо признать, что к концу первой недели я даже начал немного ждать её появления, ведь это хоть какое-то общение.

А на восьмой день как меня перестали пичкать обезболивающими, Василий Петрович решил, что я чувствую себя уже вполне сносно, и распорядился, чтобы меня перевели в общую палату. С этого момента мне было не до скуки из-за того, что в общей палате было шестеро человек, и все российские военные. Один из них был лётчиком-штурмовиком.

Лейтенант Дмитрий Червоненко – мужик лет тридцати пяти – сорока, успевший поучаствовать на своём стареньком штурмовике Су-25 уже ни в одном военном конфликте. Он с первых минут знакомства показал себя волевым человеком с железным характером. Он попал в госпиталь из-за контузии и лёгкого сотрясения, полученного в последнем воздушном бою. Тут же выяснилось, что самое интересное на фронте началось сразу после того, как меня сбили. В этот же день было ещё несколько воздушных сражений между истребителями, а под вечер поступила команда для вылета штурмовиков. По словам Дмитрия Червоненко, которого все называли просто

Митька, что совершенно не вязалось с внешностью человека метр девяносто ростом и под сто килограмм веса, они успели сделать три вылета, когда в его самолёт попала ракета, пущенная с земли из переносного ПЗРК. Су-25, в войсках названный “Грачем”, был сильно поврежден, но до аэродрома дотянул, а вот Митьке повезло меньше. Броня Грача приняла на себя основную часть осколков, сохранив Червоненко жизнь, но из-за близкого взрыва Митька получил контузию, а от того, что самолёт сильно потрянуло, он ударился головой. От этого удара шлем даже немного помялся и треснул, а пилот заработал себе ещё и легкое сотрясение. Но, несмотря на свой недуг, запреты врачей к излишнему передвижению и превозмогая головную боль, как только я представился ему и сказал, что я из истребительной, он встал, подошёл ко мне и крепко пожал руку. Дело в том, что маленький и тихоходный штурмовик Су-25, который с первого взгляда сложно расценивать всерьёз, на деле оказывается настоящим летающим танком, способным выдержать попадания почти любого стрелкового оружия или даже противозенитной ракеты. Но если он, не дай Бог, встретится в воздухе с истребителем противника, то противопоставить ему будет практически нечего. Именно поэтому, пока в небе была авиация США, Грачи в воздух не поднимались. Но в день, когда меня сбили, битва за господство в воздухе была выиграна и американские адмиралы, решив больше не закрывать глаза на свои потери, самолёты в воздух больше не поднимали, обес-

печив нашим штурмовикам и бомбардировщикам свободу действий. И Червоненко, как командир звена, не мог не знать о том, как тяжело приходилось нам – истребителям завоевывать это самое господство для того, чтобы они могли летать.

В итоге мы с ним очень неплохо подружились, и лежать в госпитале сразу стало на порядок приятнее. Но по-настоящему радостным событием было то, что ко мне разрешили посетителей. У меня сложилось впечатление, что пришёл весь полк! Толпа приветствующих меня сослуживцев волнообразно захлестнула палату. Впереди всех шли Титаренко и Влад, ведя за собой пилотов и механиков нашего полка. После всеобщего приветствия и одаривания меня немислимым количеством фруктов и сладостей, которых хватило бы для пропитания половины Кореи, мне начали рассказывать новости. Как и говорил Червоненко, в тот день, когда меня сббили, в воздухе стояла настоящая суматоха и вылеты продолжались до позднего вечера. Как выяснилось, моя “жертва” была не напрасной, и если бы мне не удалось сохранить пилотов и машины, то воевать было бы попросту некому. Но уже пять дней как полётов практически нет, и обстановка на фронтах стабильная. Поговаривают, что затишье временное, ведь Пентагон в ярости от того, что гордость ВВС США – их палубную авиацию, удалось победить дремучей и отсталой в технологическом плане России. Они уже разрабатывают план по переброске сюда своей элиты – многоцелевых истребителей пятого поколения F-22 Рэптор. Этот самолёт

принято считать самым лучшим истребителем в мире, а заодно и самым дорогим. Но переброска через Тихий океан довольно проблематична, а ещё самолёты подобного уровня требуют сложнейшего технического обслуживания, которого нет на авиабазах Южной Кореи. Так что решение об использовании Рэпторов весьма сомнительно, но если США все же на это решится, то это будет нескоро и влетит американцам в копеечку.

Вторая важная новость вытекала из первой. В ответ на решение штатов подключить свои элитные части наше командование отдало приказ доукомплектовать наш полк пилотами и переобучить нас на новые машины! Партия новеньких, только с завода, российских тяжёлых истребителей Су-35С уже готовится для переброски в Корею. Меньше, чем через месяц, десять машин поступят в наше распоряжение. Тяжёлый истребитель для достижения господства в воздухе Су-35 – это современнейший сверхманевренный самолет, являющийся глубокой модернизацией привычного нам Су-27. На нем стоят двигатели, не уступающие американским, позволяющие этому истребителю вытворять в воздухе такое, что до его появления считалось невозможным в принципе. От такой замечательной новости я чуть не забыл, что я лежу в госпитале, и мне ещё долго нельзя будет летать, но Титаренко, увидев мое расстройство, успокоил меня, ведь теоретические занятия начнутся только через три недели, а полёты ещё спустя месяц. Если я буду быстро поправляться, то у ме-

ня есть все шансы не отстать от товарищей. Это меня немного успокоило.

И тут я вспомнил про случай с тем корейцем, который меня приводил в чувства после ранения на земле. Я решил спросить у Титаренко, вдруг он что-то знает о произошедшем, и откуда на чужой территории так кстати появились союзники. Оказывается, во время того воздушного боя солдаты с обеих сторон на время прекратили огонь, чтобы понаблюдать за воздушной схваткой. Ранее в этот день северокорейцы закрепились на плацдарме и отбивали атаки неприятеля. Когда меня сбили, южнокорейцы захотели непременно меня захватить, но союзники понимали, кто и с каким трудом оберегает их от ударов с воздуха, поэтому один из лейтенантов, недолго думая, поднял свою роту, чтобы отбить меня. Не жалея себя, он лично повёл роту в контратаку и сумел вынести меня с вражеской территории.

– Товарищ майор, – обращаюсь я к комэску, – а Вы слышали про то, как нас, русских лётчиков, называют между собой солдаты КНДР?

– Нет, не в курсе, – мотает головой он.

– Нас называют “Русскими соколами”! – с важным видом отвечаю я.

– Кирилл, – Титаренко, улыбаясь отмахивается от меня, – это уже настолько бородатая байка, что только старослужащие её помнят. Наверное, тебе её рассказывал твой отец, – догадывается он.

– Да, рассказывал, но именно так ко мне обращался тот самый лейтенант! – провозглашаю я.

– Русские соколы? – подхватывает Влад. – А что, мне это нравится! Теперь называйте меня только так! – смеётся он.

– Надо будет рассказать командиру полка, ему будет интересно, – задумчиво говорит Титаренко.

– А я, вообще-то, не чисто русский. Я на половину грузин! – вмешивается в разговор Ваню.

– Ой, не морочь нам голову! – провозглашает Влад. – А что, грузин, воюющий за Россию, не русский что ли?

– От последнего высказывания все присутствующие, включая самого Ваню, хором заржали, похлопывая его по плечу. Не сразу, но мы все же услышали сквозь смех голос перепуганного Василия Петровича.

– Соколы, ваш смех двумя этажами ниже слышно! – запыхавшись, говорит пожилой хирург. – Это больница, людям покой нужен!

– О! А звание “Соколы” пошло в массы! – продолжает шутить Влад.

Ребята не могли сдерживаться и засмеялись ещё громче, и Василию Петровичу пришлось снова повышать голос, чтобы перекрыть толпу.

– Мы тут не причём! Все претензии к корейцам, которые построили такую не практичную в шумоизоляционном плане больницу! – смеясь пуще прежнего говорит врачу Влад.

Не без труда Василию Петровичу удалось докричаться до

Титаренко. Тот не стал спорить с пожилым хирургом и командовал всем на выход. Каждый перед уходом попрощался со мной рукопожатием и пожелал скорейшего выздоровления. Последним уходил Титаренко. Он кивком указал куда-то в сторону выхода, и я обернулся посмотреть куда он указывает. Там стояла прибежавшая на шум Лани и с любопытством рассматривала происходящее.

– Она? – шёпотом спрашивает комэск.

– Она, – на его манер отвечаю я.

– Одобряю! – улыбаясь, говорит он, пожимает мне руку и, подмигнув Лани, скрывается за дверью.

– Ты с ума сошёл? Какой ещё новый самолёт? Какие полёты? Тебе только-только разрешили передвигаться самостоятельно! – округлив глаза, возмущается Лани. – А ты уже собрался прыгнуть в истребитель и крутить петли.

Прошла неделя с того эпичного посещения госпиталя моими сослуживцами. Но рассказать Лани про новые самолёты и переобучение на них, которое я никак не могу пропустить, я решил только сегодня, ведь именно сегодня мне разрешили самостоятельно ходить в пределах госпиталя, хоть и с костылём. Я, немедля ни секунды, позвал Лани погулять во дворик, чтобы рассказать ей про мое желание ходить на занятия по переобучению на новую машину. Мы уютно расположились на лавочке, находящейся на заднем дворе госпиталя, чтобы нас не беспокоили. Сейчас на улице никого нет

и это редкий шанс побыть с ней наедине.

– Послушай, – я кладу руку ей на колено, – пока что я прошу ходить только на теоретические занятия. Ни о каких полетах пока что речи не идёт. Самолётов ещё попросту нет! – я стараюсь быть как можно более убедительным.

– Так, – Лани убирает мою руку со своего колена, – давай конкретно. Что ты от меня хочешь? Ты же знаешь, что я тут ничего не решаю!

– Я хочу, чтобы ты попросила Василия Петровича разрешить мне ходить на аэродром, чтобы вместе со всеми однополчанами начать теоретические занятия.

– Хорошо, – неожиданно легко соглашается она. – Но у меня будут условия, – Лани делает серьёзное выражение лица.

– Называй! – я пытаюсь стать серьёзным на её манер, но это с трудом удаётся, ведь когда она пытается быть серьёзной, то похожа на маленького делового гномика. Точнее на маленького сексуального делового гномика.

– Во-первых, я буду сопровождать тебя до аэродрома и обрат...

– Согласен! – перебиваю я.

– Хорошо, – кивает она. – Во-вторых! Ты будешь ходить на все назначенные мною процедуры!

– Согласен на все, кроме колоноскопии и ФГС! – снова улыбаясь, отвечаю я.

– И, в-третьих, будешь пить все витамины, которые я тебе

буду давать, – не оценив шутку, продолжает она серьезным тоном.

– Если ты мне разрешишь через шесть недель перейти к учебным полётам, – я снова кладу руку ей на колено, – хоть все таблетки в этой больнице слопаю прямо сейчас! – соглашаюсь я.

– Вот и отлично! Так и поступим! – говорит она и кладёт голову мне на плечо.

Рука, лежащая на колене Лани, сама собой начинает движение вдоль бедра. Для февраля погода стоит на редкость тёплая, и Лани не надевает брюки, а ходит в юбке, которая чуть выше колена. Когда Лани начинает осознавать, что происходит, рука уже начинает скрываться под юбкой.

– Так, что это ты удумал? – возмущается она. – Я уже сто раз говорила, что тебе нельзя перевозбужд...

Она не успевает договорить фразу, потому что я начинаю её целовать. Вторая моя рука совершенно непонятным образом оказывается у неё на груди.

– Рил, прекрати, – шепчет она, нехотя отталкивая меня. – Пошли, я отведу тебя в палату.

– О да, – медленно проговариваю я. – В отдельной палате нам будет гораздо удобнее.

– Нет, ты сам замедляешь своё выздоровление, – протестует она против моего предложения.

Я пытаюсь проигнорировать её слова и снова тянусь губами к ней, но она отталкивает меня сильнее и, улыбаясь, на-

зывает каким-то похотливым животным, продолжая что-то говорить про скорейшее выздоровление. С сожалением для себя осознаю, что она права и отстраняюсь. Надо правильно выбирать приоритеты. Сейчас главное – это быстро прийти в норму, а Лани никуда не денется. Мы ещё успеем с ней на славу пошалить и наверстать упущенное.

– Потопали, Казанова! – говорит она, пытаясь обратить все в шутку, и помогает мне подняться.

По дороге в палату, где я лежу, нам на встречу выбегает взволнованный Василий Петрович. Но увидев нас, он облегченно вздыхает и идёт на встречу.

– Лани, дочка, хорошо, что ты мне встретила! Поступил тяжелораненый, и срочно нужна твоя помощь, – скороговоркой выкладывает он. – Бедолага подорвался на mine!

– Иди в палату, я к тебе позже загляну! – командным тоном говорит мне Лани и устремляется за семенящим впереди нас хирургом.

Доковыляв до палаты, ложусь в кровать и утыкаюсь в свой телефон, который мне предусмотрительно принесли сослуживцы. Да уж, я был не прав по поводу нее. Я боялся, что попав сюда и увидев ужасы войны она не выдержит этого. В итоге вышло все наоборот. Как-то раз мы прогуливались по больнице, и туда привезли раненого. Точнее то, что от него осталось. Рук не было от локтя и ниже, в животе глубокая рана, а про лицо я и вспоминать не берусь. Меня тут же чуть не вывернуло. А она как будто стала собраннее. Вскочи-

ла и побежала в операционную. Через четыре часа она пришла усталая, но довольная.

– Спасли! – весело сказала она.

Я в этот день есть не мог. И вообще был похож по цвету на куст смородины – зеленый в крапинку. А она нет, хихикает, радуется спасенной жизни...

Глава 2.6. Особые процедуры

Лани

Когда главврач моей больницы в Москве говорил, что здесь будет много практики, он был прав на все сто процентов. И сталкиваемся мы тут с настоящими и тяжёлыми случаями. Не то, что в Москве – одни аппендициты да переломы, тут все серьёзно. Точнее было серьёзно первые три-четыре недели, а теперь тишь. Боевые действия закончились, и в ход пошли переговоры. Конечно, меня это радует, ведь я не получаю удовольствия от того, что к нам поступают раненые! Но работы поубавилось, и заняться практически, нечем.

Рил тоже поправляется очень быстро и ему уже сняли гипс. Теперь его любимое занятие – это ходить по госпиталю. Он то подкрадывается ко мне, пытаюсь напугать, то рубится с санитарями в настольные игры, то сбегает из больницы, чтобы “подышать свежим воздухом”. Но я-то знаю, что он задумал. Точнее он сам как-то раз проболтался. Оказывается, он разрабатывает раненую ногу и потихоньку пытается прийти в форму этими своими долгими прогулками. Все для того, чтобы как можно скорее получить допуск до полётов.

Недели три назад он огорошил меня новостью, что ему, видите ли, надо начинать занятия вместе с однополчанами, мол, не хочет отставать. И для этого ему нужно ходить на аэродром для теоретических занятий. Сначала я была не в

восторге от этой идеи, но потом все обдумала и пришла к выводу, что лучше он будет ходить и заниматься, чем смотреть, как перед ним вертит задом эта Алиса. Она думает, я не знаю, что она строит глазки Рилу, но я все знаю. Честно говоря, я ни разу не видела, как она ходит к нему в палату “проведать” его, но мне это говорили коллеги и пациенты. И если учитывать, как вульгарно она ведёт себя со всеми, то боюсь даже представить, что происходит, когда они наедине. Наверняка выпячивает свою грудь и суёт её прямо ему в лицо. Но это она просто не знает Рила. Он на такое никогда не поведётся! Но бережёного Бог бережёт, так что пусть лучше ходит на аэродром, чем становится жертвой этой хищницы.

Да и вообще эта Алиса мне не понравилась с самого начала. Недаром Василий Петрович её хвалит редко, а меня почти каждый день. Она только и умеет, что ходить загорать в солярий или плавать в бассейне, или ещё где-нибудь пропадать. Но, к сожалению, надо признаться, что делает это она только в свободное от работы время. И как у неё получается все это успевать и всегда выглядеть отлично? Я ещё ни разу не видела её неухоженной, что бесит ещё сильнее.

Так что я в этот же день решила спросить разрешения у Василия Петровича на то, чтобы Рил ходил на эти свои занятия под моим личным присмотром. Поначалу я услышала от него категорическое НЕТ, но я начала рассказывать ему о том, что для Рила это не просто боязнь отстать от сослуживцев, а гораздо больше! Ведь когда Рил начинает расска-

зывать про этот свой новый самолёт, он становится таким нетерпеливым и возбужденным, что даже помыслить о том, что ему не дадут возможности заниматься наравне со всем, и не получается, ведь это будет до ужаса бесчеловечно. Когда Василий Петрович выслушал меня до конца, то одобрил все, что я придумала. Так что с тех пор я каждый день провожаю его до аэродрома и обратно, а Рил послушно выполняет все мои указания и принимает все лекарства и витамины, что я ему даю.

– Ай! – неожиданно вскрикиваю я, пропустив то, как Рил незаметно подкрался ко мне и ущипнул за попу, пока я задумчиво стояла перед автоматом с кофе.

Я оборачиваюсь и целую его, не обращая внимания на посторонних людей вокруг.

– Ай! – теперь это уже он. Я застала Рила врасплох во время поцелуя, в отместку ущипнув его за мягкое место.

– Эх, молодёжь! – бормочет, проходящий мимо, Василий Петрович. – Дети! – он ставит нам окончательный диагноз и скрывается из вида.

Мы оба смеёмся над неловкой ситуацией и идём прогуляться на улицу. Пока мы идём по коридору, нам на встречу попадается Алиса и выглядит она опять сногшибательно! Она не спеша идёт своей походкой а-ля “Заметь меня”. Проходя мимо, она нам очаровательно улыбнулась, кивнула головой и поприветствовала.

– Привет, Алиса! – отвечает ей Рил, на секунду задержав

на ней взгляд.

Он что, на неё пялится? Видимо я недооценила силу воздержания. Рил тут уже сколько? Где-то месяц. Плюс пара недель, как мы расстались во Вьетнаме. В итоге полтора месяца без секса. Интересно, это для мужчины много? Надо что-то срочно придумывать, но так, чтобы это не повредило процессу выздоровления. Придётся подключить всю свою фантазию.

Через пару дней из палаты Рила выписывают последнего пациента, и он остаётся лежать в ней один. По правде говоря, и его пора переводить из стационарного на амбулаторное лечение. Уже давным-давно он идёт на поправку, и держать его тут не имеет смысла. Это Василий Петрович перестраховывается, оставляя его здесь. Но для меня и моих задумок то, что он остался в палате один – только на руку. Теперь я могу приходить к нему когда угодно и разговаривать на любые темы. А сегодня я задумала кое-что действительно интересное. И помогла мне это придумать, как ни странно, Алиса, которая после рабочего дня направилась в бассейн. Тогда-то я и решила узнать, что это за бассейн. И как оказалось, в нашей больнице есть целое крыло со СПА-процедурами, про которое я слышала лишь краем уха, но не знала, что его можно посещать.

На самом деле настоящим бассейном это назвать сложно. Чаша, выложенная плиткой, десять на пятнадцать метров

имеет глубину всего полтора метра. Этот бассейн предназначен больше для различного рода процедур, чем для плавания. Там, например, можно включить течение или гидромассаж, или небольшой водопад. Днём тут полно народа, но в ночное время он полностью безлюден. Вот я и договорилась с охраной, чтобы нас туда пустили на часик-другой поплавать. Охранник согласился дать мне ключ, но лишь на трёх условиях. Во-первых, мы пробудем там не дольше, чем до трёх часов ночи, во-вторых, нас будет только двое, и, в-третьих, мы за собой приберемся и не оставим следов своего пребывания в нем. Условия были вполне логичные, и я согласилась, не забыв, его как следует поблагодарить.

В этот день я осталась на ночное дежурство и вечером, как обычно, пошла навестить Рила. Я сообщила ему, что ночью его ждёт сюрприз, так что он должен быть готов.

– Что-то я побаиваюсь сюрпризов, которые меня ждут в больнице, да ещё ночью! – щурится он, ища подвох.

– Не волнуйся! Все будет хорошо, – говорю я. – Тебе только надо взять с собой полотенце.

– А, кажется, я понял! – у него расширяются глаза от наигранного ужаса. – Ты хочешь пустить меня на органы! А полотенце тебе нужно, чтобы кровь вытирать! – озвучивает он свою догадку. – Но хочу тебя предупредить, что япил очень много алкоголя, и мой организм находится в ужасном состоянии!

– Ты переоцениваешь свою значимость для медицины! –

отмахиваюсь от него я. – Зайду за тобой ровно в двенадцать часов ночи. Будь готов, – говорю я и ухожу по делам.

В двенадцать часов я, как и обещала, прихожу в палату Рила. Он борется со сном, читая книжку на телефоне.

– Пациент Машков, вы готовы к операции? – официальным тоном спрашиваю я, помахивая перед собой скальпелем, который прихватила для создания нужного эффекта.

– Эх, тебе бы только людей резать! Ну, пошли, юный Потрошитель! – зевая, говорит он и поднимается с кровати, готовый следовать за мной.

Крыло больницы, где располагались процедурные, можно было назвать СПА с большой натяжкой. Во всяком случае, если иметь в виду те дорогушие СПА-центры, оборудованные по европейскому стилю. Отделанные дешевым и местами потрескавшимся кафелем коридоры, старенькие деревянные двери, которые видели лучшие времена, торчащие прямо на виду трубы с водой и мерцающие лампы дневного света. Все это очень напоминало те здания где-нибудь в глубинке русского городка, оставшиеся с советских времен.

Перед посещением бассейна полагается принять душ. От коридора, ведущего к бассейну, налево и направо уходят двери с моечными отделениями для мужчин и женщин.

– Так, девочки налево, мальчики направо, – распоряжаюсь я. – Встречаемся тут через десять минут.

– Так точно, товарищ самый главный командир! – дурчится Рил, вытягиваясь по стойке смирно, что выглядит

очень забавно, ведь он одет только в майку, шорты и больничные тапочки.

– Время пошло! – решаю ему подыграть! – Десять минут! – говорю я, постукивая по левому запястью, изображая часы, разворачиваюсь и захожу в дверь.

И только я снимаю с себя блузку, собираясь дойти до лифчика, как дверь открывается и в неё засовывает голову Рил.

– Ты чего это удумал! – прикрываясь руками, говорю я. От неожиданности сердце забилось чаще.

– Ты же сама сказала, что мальчики направо! – улыбаясь, говорит он, и я понимаю, что ошиблась сторонами, когда “давала команду”.

– Ну, ошиблась я. Что тут непонятного? – заливаясь краской, оправдываюсь я и выталкиваю его из моечного отделения.

Чего это я стесняюсь его? Вполне можно было принять душ вместе. Ведь, собственно говоря, именно для таких шалостей я его и позвала в бассейн. Хотя, не надо торопить события. У нас вся ночь впереди, а точнее пол ночи.

После душа надеваю купальник, который привезла из Москвы непонятно для чего, и выхожу из моечного отделения. Рил уже ждёт меня, повязав влажное полотенце вокруг себя. От нечего делать он, развалившись на стуле, разглядывает след швов вокруг заживающей раны на груди. Услышав меня, он оборачивается и на некоторое время замирает в недоумении.

– А чего это ты в купальнике? – спрашивает он. – Мы что, на пляж собрались? Не хочу тебя расстраивать, но до ближайшего километров сто пятьдесят по прямой, а на улице сейчас максимум плюс десять градусов. Да и ночь на дворе.

– Нет, мы идём в бассейн! – я указываю на дверь у себя за спиной.

– Да уж, сюрприз... – задумчиво говорит он. – А раньше сказать не могла? Я бы, хоть, плавки с собой прихватил. Мой багаж из Вьетнама до сих пор со мной.

– Ой, какая я растяпа! – хихикаю я от того, что отомстила за инцидент в душе и заставила его засмущаться.

– Ну, стесняться мне нечего! – на выдохе говорит он и встаёт со стула.

Плохо закреплённое полотенце соскальзывает с его бёдер и остаётся лежать на стуле, а Рил направляется к двери, ведущей в бассейн, в чем мать родила. От неожиданности я прячу взгляд и краснею. Ну вот! Хотела засмущать его, а засмущалась опять я. Надо с этим завязывать. Что я его голого не видела? Видела! И увиденное мне понравилось. Так что надо привести свои мысли в порядок и идти следом.

Когда я вошла в помещение с бассейном, Рил уже стоял по грудь в воде, наслаждаясь прохладой. Я включаю течение в бассейне и захожу вслед за ним по лестнице вылаженной той же плиткой, что и сам бассейн. Когда до Рила остаётся чуть больше метра, он резким движением хватает меня и притягивает к себе. Мне даже в голову не приходило, что Рил ре-

шит заняться сексом прямо в бассейне По моему плану я собиралась позволить ему большее, только когда мы выйдем отсюда. Но, очутившись в его объятиях, на меня нахлынуло знакомое чувство, привезённое мной из Вьетнама, когда я себе уже не подчиняюсь. Вот и сейчас я забыла обо всем, готовая вечно наслаждаться моментом. Но неожиданно завязка на моем лифчике, загадочным образом развязывается, и купальник летит в сторону. Я прихожу в себя, когда Рил уж наполовину стянул с меня трусики от купальника.

– Рил, тебе нельзя перенапрягаться, – напоминаю я, беря себя в руки.

– Боюсь уже поздно что-то запрещать, – пожимает плечами Рил. – Сегодня ты от меня не отвертишься, – говорит он, похотливо улыбаясь уголками губ.

– Я и не собиралась! – подмигиваю в ответ. – Садись сюда, я сделаю все сама, – говорю я, указывая на одну из ступенек, по которым мы заходили в воду.

Рил оглянулся на лестницу, что-то прикинул в голове, и, оставшись доволен своими умозаключениями, потянул меня за собой. Он уселся на ту ступеньку, что была едва прикрыта водой, и с нетерпением начал меня ждать. Я, прикусив губу, оглядела его, подошла вплотную и на секунду задумалась нужно ли все-таки снимать с себя трусики для предстоящих действий или достаточно просто отодвинуть нижнюю полоску ткани в сторону. Наверное, достаточно просто отодвинуть. Рил выжидающе смотрел на меня снизу вверх, за-

драв голову, но прежде, чем начать я решила наклониться к нему и поцеловать разжигая еще большую страсть. Только я не учла того, что когда наши губы едва коснулись, прерывать поцелуй уже не хотелось. Поэтому я, продолжая его целовать, просто расставила ноги пошире и медленно опустилась на корточки, пока не почувствовала Рила внутри себя.

– А теперь закусывай лимоном! – шёпотом торопит меня Рил. – Ты что, никогда текилу не пила?

– Это же спирт, разведённый с водой пятьдесят на пятьдесят! – морщась от кислого лимона, отвечаю я.

– Тсс! – перебивается меня он. – Мы же решили говорить только шёпотом и притвориться, что пьём текилу.

– А, точно! Я и забыла, – хихикаю я, чувствуя, как тепло разливается по всему телу.

– Моя очередь, – он облизывает край пустой рюмки и макает его в соль так, чтобы она осталась прилипшей в том месте, из которого он будет пить. Затем наливает в рюмку разведенный спирт из кружки непроливайки, служащей нам шейкером, облизывает соль и резко выливает содержимое в рот, заедая кусочком лимона. – Ядреная текилка получилась, – шепчет он.

В три часа ночи, как я и обещала охраннику, мы вышли из бассейна и направились к Рилу в палату.

– Эх, сейчас бы бахнуть чего-нибудь крепкого! – мечтательно сказал он. – У тебя случайно не завалялась бутылка

текилы?

– Откуда? – отмахнулась я.

– Так и знал! – делая раздосадованный голос, пошутил он.

– Я её только однажды пробовала, – признаюсь я. – Все, что у меня есть – это медицинский спирт.

– Сгодится! – после недолгой паузы утвердительно кивает он.

Соль и лимон мы нашли без особых проблем в ординаторской. Но в чем разбавлять спирт долго не могли придумать. В итоге выбор пал на мою кружку непроливайку.

Для поддержания антуража Рил предложил мне притвориться, что мы пьём текилу. А чтобы было веселее, мы должны разговаривать только шёпотом. И если кто-то из нас повысит голос или громко засмеется, другой тут же на него “шикнет”, мол не кричи. Уснули мы прямо в его палате, уютно устроившись на его кровати, когда уже светало, а запасы “текилы” подошли к концу.

Глава 2.7. Сгорать со стыда

Кирилл

Серьезные перегрузки при пилотировании мне, пока что, запрещены как врачами, так и инструкторами. Примерно месяц назад мы закончили теоретическую часть переобучения на новые машины и начали практическую. Лани и Василий Петрович неизвестным образом выцарапали мне разрешение до полетов, и я, наравне со всеми, приступил к учебным полетам. В новый самолет я влюбился сразу. Легкость управления и отзывчивость машины оказались просто фантастическими. Самолет прощал грубые ошибки пилотирования, и казалось, что даже курсант, впервые севший в пилотское кресло, сможет им управлять. Пока мы летали на Су-27, то я не мог представить, что существует самолет с такими же возможностями. Разница в управляемости, в легкости и комфортности пилотирования у этих двух самолетов оказались колоссальными в пользу новой машины. Притом, что возможности Су-35 гораздо выше. Уму не постижимо, как два почти одинаковых на вид самолета так сильно отличаются по сути. Жду не дождусь, когда раны заживут окончательно, и программа по обучению закончится. Вот тогда-то я и попробую на что способен этот самолёт. Тем более обстановка в районе конфликта все сильнее накаляется. Если вкратце, то обе Кореи – Северная и Южная готовы решать свои пробле-

мы мирным путём, но США имеет большое влияние на нынешнего президента Южной Кореи и постоянно навязывает ему свою волю, а после того, как авторитет США, благодаря нашим победам, пошатнулся, они ищут способ возобновления конфликта. Уже ни для кого не секрет, что одну из авиационных баз Южной Кореи они частично модернизировали под свои самолёты, в том числе пятого поколения F-22 Raptor. Так что в скором будущем нас, возможно, ожидают ещё более интенсивные воздушные бои. Именно поэтому нас ускоренно переобучают на новые машины.

А сейчас я, как обычно после полётов, иду в больницу. Меня уже давно перевели на амбулаторное лечение, и я опять переехал в свою комнату в офицерском общежитии. Но наш договор с Лани по поводу процедур и витаминов все ещё в силе, и я каждый день должен являться в госпиталь. После того совместного посещения СПА Лани записала меня на всевозможные процедуры, и теперь я по часу в день провожу там.

Подходя к больнице, заглядываю в мобильник. Без пятнадцати минут пять. А я должен подойти ровно к пяти, так что можно не торопиться. Пока я смотрю в телефон, боковым зрением замечаю рыжее пятно, движущееся пересекающимся курсом. Поднимаю взгляд и узнаю Алису, которая, улыбаясь, приветственно мне машет. Она в компании раненого солдата не спеша прогуливается по дворику, иногда поддерживая его под руку. Но, когда понимает, что я её заметил,

отправляет раненого посидеть и передохнуть на лавочке.

– Добрый день, старший лейтенант! – говорит она, остановившись напротив меня. – Как Ваше здоровье? Давно Вас не было видно!

– Привет, Алиса! – киваю в ответ я. – Благодаря вашим стараниям, здоровье не беспокоит. От этого давно и не видно, – отвечаю я. На самом деле я бываю здесь каждый день, но с Алисой пересекаемся мы очень редко. – И мы же договаривались перейти на “ты”!

– Я все время забываю, – пуще прежнего улыбается она, не отводя от меня глаз. – Как новый самолёт?

Алиса затронула мою любимую тему! Я по-детски восторженно начинаю рассказывать, и теперь меня не остановить. Спустя какое-то время я уже размахиваю руками, увлѣкшись рассказом. Она внимательно слушает и задаёт правильные вопросы в нужных местах. Сразу видно, что слушает и действительно понимает, а не просто делает вид. Интересно, откуда такая красotka разбирается в авиации? Честно говоря, мне даже от того, что она стоит так близко и смотрит на меня своим пожирающим взглядом, сложно сконцентрироваться.

Внезапно я вспоминаю про время. Мобильник показывает без двух минут пять и я, ссылаясь на спешку, прощаюсь с ней.

– Кирилл, а Вы идете, случайно, не в СПА? – спрашивает вдогонку она.

– Да, именно туда, – отвечаю я, обернувшись на ходу.

– До встречи, старший лейтенант! – говорит она, провожая меня своим хищным взглядом, от которого я всегда немного краснею.

– Молодой человек, Вы почти опоздали, – пародируя голос Василия Петровича, окликает меня Лани.

Я оборачиваюсь и тут же оказываюсь в крепких объятиях. От сильного воздействия рана в груди, которую все привыкли считать полностью зажившей, отдаётся резкой болью, и я с трудом сдерживаю стон. Никто, даже Лани, не должен знать, что рана ещё немного побаливает, а то в один миг отнимут небо, которое я с таким трудом заново приобрёл. Поэтому я освобождаюсь из объятий и целую смеющуюся Лани, которая искренне рада меня видеть.

– Эх, молодёжь! Дети! – слышим мы ворчание проходящего мимо настоящего Василия Петровича.

На секунду нам становится стыдно, и мы отрываемся друг от друга из-за неловкой ситуации, но как только пожилой хирург проходит мимо, Лани снова тянет меня к себе для поцелуя.

– Чем хочешь заниматься вечером? – спрашивает она, взяв меня за руку, чтобы отвести на процедуры.

– Планов громадье! – шутливо отвечаю я. – Собирался посмотреть телевизор. Опять будут показывать новости на корейском языке. Так что вечер, к сожалению, занят, – я не сдерживаюсь и начинаю улыбаться над той чушью, которую

несу.

– А я хотела позвать тебя сегодня наблюдаться у врача, – с наигранным сожалением отвечает она. – У нас как раз есть незанятая одиночная палата, а я дежурю всю ночь.

– Не, ну если врач говорит, что надо понаблюдаться, то я не имею права отказать! Придётся отложить свои важнейшие планы до лучших времён, – подыгрываю я. Мне, как правило, нравятся её задумки. Например, та ночь в бассейне, где она “помогла мне расслабиться”. – Кто я такой, чтобы спорить с доктором?

– После процедур загляни в ординаторскую, я все организую, – говорит она. Мы как раз подошли к восточному крылу госпиталя, где располагается СПА-комплекс. Я в ответ киваю, она меня целует, и мы расходимся в разные стороны.

Проводив Лани взглядом, фокусирую внимание на той части халата, что прикрывает бёдра. И за что такому, как я, досталась такая красивая, весёлая и остроумная девушка? Она всегда понимает, когда я шучу, и с лёгкостью подстраивается под меня. За все время мы ни разу не поругались, а ведь любая другая уже не раз закатила бы скандал из-за какого-нибудь пустяка. И я до сих пор не могу поверить, что она бросила в мирной Москве все свои дела и, рискуя жизнью, примчалась сюда на войну в тот момент, когда мне это было так необходимо. Я, наверное, самый счастливый человек на свете.

За раздумьями не замечаю, как захожу в коридор, веду-

щий в СПА-центр. На входе сидит пожилая кореянка, которая, завидев меня, как всегда, начинает улыбаться и что-то лепетать на своём языке.

– Здравствуйте! – говорю я в ответ.

– Даутье! – улыбаясь еще сильнее, пытается повторить она и жестами просит проходить, что я и делаю.

Для начала надо ополоснуться в душе, что очень кстати после тренировочных полётов и невыносимой жары. Затем прохожу процедуры по списку. Для начала двадцать минут медленного плавания в бассейне, затем десятиминутное нахождение в местной пародии сауны, которая не разогревается выше восьмидесяти градусов, как ни старайся. Далее обливание холодной водой и напоследок душ-массаж. Это специальная кабинка, заходя в которую, выбираешь режим массажа, и в тебя со всех сторон бьют струи воды, меняющие температуру, интенсивность и направление, под успокаивающие звуки природы, запахи озона и каких-то масел. Это единственное ноу-хау во всем процедурном крыле. И оно мне нравится больше всего, ведь обычно выходишь из такого душа совершенно обновлённым человеком. Вот и сейчас от усталости после тяжёлого дня не осталось и следа, и я бодро вышагиваю в сторону выхода, чтобы одеться и идти к Лани. И тут мне навстречу выходит Алиса. Одета она в яркий купальник оранжевого цвета под стать затянутым в пучок на затылке рыжим волосам. Алиса, увидев меня, расплывается в обворожительной улыбке и направляется навстречу.

Полная грудь размеренно покачивается в такт её шагам, что вызывает гипнотизирующий эффект. С трудом поднимаю взгляд выше, чтобы смотреть на лицо, но боковым зрением успеваю оценить сексуальные изгибы точёной фигуры. Что она забыла в медицине? С таким телом она легко может заполучить себе какого-нибудь богатенького сына генерального директора нефтедобывающей компании, который будет ее баловать и осыпать подарками. Ну, а если, по каким-то причинам, она не хочет чужих денег, то ей бы следовало попробовать себя в модельном бизнесе. Я не эксперт, но, по-моему, такая натуральная красота – большая редкость, и любое фото агентство с радостью захочет работать с ней.

– Кирилл, ты уходишь? – она делает печальное лицо. – Как жаль! Я надеялась застать тебя в бассейне!

– Эээ... – я опять растерялся из-за её хитрого взгляда. – Ты немного опоздала. Я бы с удовольствием ещё с тобой поплавал, но отведенный мне на процедуры час подошёл к концу, – с неубедительным сожалением говорю я.

По правде говоря, я понял, что немного её побаиваюсь, как бы странно это ни звучало. Да и вообще чувствую себя не в своей тарелке, когда она со мной кокетничает. Она кажется мне птицей более высокого полёта, поэтому я, чаще всего, стараюсь сбегать от неё. Особенно когда она начинает пожирать меня своим похотливым взглядом или откровенно флиртовать.

– Ну ладно, я пошел, – подвожу итог. – У меня ещё полно

дел. До встречи! – я прощаюсь, подняв ладонь вверх.

– До скорого, старший лейтенант, – произносит она и закусывает уголок нижней губы.

Бежать! Срочно! Я ещё раз улыбаюсь ей напоследок и начинаю усердно работать ногами, направляясь к двери в раздевалку. Да уж, я был не готов увидеть её в таком откровенном виде. Если бы я был готов, то не стал рассматривать со всех сторон. Хотя, если подумать, то я рассмотрел её не со всех сторон. Сзади я её пока что не видел. Чисто из любопытства, интересно, сзади она так же хороша, как и спереди? Стоп! И вовсе мне не надо оценивать её попу! Не оборачивайся! Будь выше этого! Хотя... Терять мне уже нечего. Делаю ещё пару шагов и неуверенно оборачиваюсь. Проходит мгновение и, размеренно идущая Алиса, тоже оборачивается ловя мой взгляд, сфокусированный на её филейной части, которая оказалась выше всяческих похвал. Сердце начинает биться быстрее, и я заливаюсь краской. Хитрая ухмылка появляется на её лице, а глаза озорно прищуриваются. Она многозначительно подмигивает мне, разворачивается и, ещё более усиленно виляя бёдрами, скрывается за поворотом коридора, оставив меня стогать со стыда.

Лани, ждущая меня в ординаторской, сразу замечает мою заторможенность и странное поведение, вызванное крайней встречей с Алисой, но рассказывать ей я, конечно, ничего не собираюсь. Тогда Лани бросает взгляд на висящие на стене часы, убеждаясь, что рабочий день закончен, а Василий Пет-

рович уже ушёл, и, прихватив свою сумочку, провожает меня в ту самую одиночную палату. В ней есть совсем неплохой телевизор, который поддерживает функцию воспроизведения видео с USB-флешки и Лани запускает на нем сборник приключений Шурика. Выбор довольно странный, но я всегда за то, чтобы пересмотреть классику. После того, как мы удобно расположились на полуторной кровати, она достаёт из висящей рядом сумочки бутылку вина. Вот это как нельзя кстати, чтобы расслабиться после инцидента в СПА! Штопора, как и бокалов под рукой нет, поэтому я ключами от комнаты в общагу продавливаю пробку внутрь, и мы по очереди прикладываемся к бутылке, делая по глотку приятного вина прямо так, из горла. Когда на улице стемнело, бутылка опустела, а Шурик сдал экзамен на пять, я решаю немного пошалить и кладу руку Лани на грудь. Она кидает на меня озорной взгляд и нежно целует меня в ответ. Я понимаю, что она не против продолжения вечера, и шепчу ей на ухо, что именно я хочу сделать.

– Как интересно! – одобряюще отвечает она и привстает, чтобы избавиться от лишней одежды.

Похоже, вечер закончится именно так, как должен был закончиться.

Глава 2.8. Разлука

Лани

Распоряжение о возвращении домой застало меня врасплох. Я, конечно, понимаю, что последние пару месяцев работы у нашего отделения практически нет, но чтоб вот так! Вечером сообщили, а на следующий день уже улетели. Мне это напомнило тот момент, когда Рил неожиданно улетел из Вьетнама, оставив меня одну, но только теперь улетела я. А ведь жизнь в очередной раз только-только наладилась. Рил спасен и благополучно выписан из госпиталя, вокруг практически курорт, работы мало, но она интересная и по-настоящему полезная. А теперь что? Опять угрюмая Москва в середине марта, опять скучная практика в интернатуре, опять разлука с Рилом. Хорошо, что боевых действий больше нет, и за Рила волноваться не надо. Вообще не понимаю, зачем держать столько военных в чужой стране, раз война закончена. Рил пытался объяснить мне положение дел, но я ничего не поняла. Если Северная и Южная Кореи договорились миром, то причем тут США и их военный интерес в этом регионе? Какое их дело, что происходит в чужой стране? Не понимаю!

Единственная причина, которая мне греет душу, из-за моего возвращения – это то, что я смогу повидаться с Ленкой! Пока я была в КНДР, много общаться мы не могли из-за раз-

ницы во времени и того факта, что большинство соцсетей и сайтов в Северной Корее обрублены. Зато теперь-то мы сможем встретиться с Ленкой и поболтать как следует! А рассказать мне есть о чем. Например, пожаловаться о том, что из КНДР вывезли не всех российских врачей. Часть персонала оставили. Василий Петрович, как наиболее опытный хирург, остался там, но в ассистенты ему оставили не кого-нибудь, а эту ведьму Алису. У рыжей бестии наверняка есть кто-то знакомый на самом верху, раз выбрали её. Я, к сожалению, не могу сказать, что она полная бездарность, но я, в профессиональном плане, гораздо лучше неё. Так что несправедливость на лицо!

По прилёту Москва встречает меня, на удивление, дружелюбно. Светит солнышко, на улице пять градусов выше нуля, мне сразу попался вежливый таксист, предложивший помочь с багажом и не взвинтивший цену, а пробок почти нет, хоть на улице уже вечер. Так что настроение окончательно не испорчено, и домой я захожу в хорошем расположении духа. Вообще это довольно странно. У меня есть одна теория насчёт Москвы, которая появилась, когда я была ещё студенткой и часто ездила домой. Дело в том, что уезжать из Москвы всегда легко. Если билеты куплены заранее, вещи собраны и все приготовлено, то уехать не составляет труда ведь на душе всегда легко, и проблем в пути не возникнет, но вот возвращаться – это целая каторга. Москва всегда встречает плохо, как бы испытывая твой характер и решимость. Мол, не

каждый выдержит здешнего ритма и образа жизни, и въезд сюда всегда своего рода испытание. Дорога в Москву всегда даётся тяжелее, и даже если в пути ничего не произойдёт, то суматоха и большое количество народа, от которого уже отвыкла, обязательно подпортит настроение. Но эта теория – лично моя и, скорее всего, не работает на тех, кто рождён здесь или приехали в первый раз. Чтобы это заметить надо как следует поколесить туда-обратно.

Первым делом, зайдя домой, рассылаю сообщения о том, что благополучно добралась. Пишу маме, Ленке и Рилу. Сейчас в КНДР уже ночь, так что он, скорее всего, спит и увидит сообщение только утром. Но он, на удивление, отвечает самый первый, прислав свою заспанную фотку, на которой он жестом руки показывает знак “ok”. Он так забавно выглядит спронею, что я невольно прыскаю от смеха. Его сообщение застало меня как раз, когда я начала переодеваться и стояла в одном только нижнем белье. Я решаю немного пошалить и шлю ему в ответ свою фотку, где я сделала сексуальный прогиб перед зеркалом. В ответ приходит смайлик с сердечками вместо глаз. Значит понравилось. Я снова хихикаю и ставлю телефон на зарядку, собираясь ложиться спать, но тут звонит Ленка. Она очень рада моему возвращению и предлагает прямо сейчас встретиться. Время уже девять вечера, но сегодня пятница, а значит завтра никому и никуда не надо. Немного подумав, соглашаюсь, и через час мы уже ищем подходящее место, чтобы можно было поболтать и, возмож-

но, выпить. Выбор пал на какой-то крафтовый бар в подвале старенького дома на Садовом кольце. В нем оказался свободный столик подальше от всех и мы сразу садимся за него. Ленка тут же заказывает пиво и бургер местного приготовления, ради которого она меня сюда и привела. А я теряюсь в выборе. В этом баре целая куча разного пива, но я в нем плохо разбираюсь и не очень люблю.

После жаркой Кореи близкая к нулю температура воздуха в Москве порядком беспокоит, и я все время мёрзну. Поэтому я прошу у бармена что-нибудь согревающее. Он меня не правильно понимает и предлагает коньяка. Я прошу его подумать ещё, и со второго раза он предлагает то, что надо. Глинтвейн отлично согревает и расслабляет, располагая к беседе. Когда Ленке приносят её бургер, я начинаю рассказывать про свои приключения, про то, как спасали Рила, про войну, которую не застала, про странности местного населения и про Алису. Как только я упоминаю её имя, Ленка сразу становится серьёзной и просит рассказать про неё все, что я знаю. А что я знаю?

– Высокая, темпераментная и симпатичная девушка моего возраста. Даже очень симпатичная, если быть честной, – начинаю рассказывать я. – Всегда приветливая и весёлая, но за все время близко ни с кем так и не подружилась. Она проявляет слишком большой интерес к Рилу, но тот ни разу ей симпатией не ответил. Вроде. Но это не точно. Хоть я и пыталась держать её в поле зрения, когда она общалась с Ри-

лом, но за всем я уследить не могла. И если я что-то и поняла из прошлых своих отношений – это то, что закатывать скандал или выпрашивать у Рила про Алису, пока у меня нет неопровержимых доказательств того, что между ними что-то есть, ни в коем случае нельзя, хоть женская натура во мне и просила устроить истерику. Я действовала от обратного и всякий раз, как видела, что они разговаривают или смеются, окружала Рила заботой и любовью. Пока я была в Корее – это помогало.

– Вот именно! – обрывает меня Ленка. – Пока ты была в Корее! А сейчас тебя там нет. И если эта Алиса такая, как ты рассказываешь, то для любого мужчины она лучший кандидат, чтобы устроить себе маленькое пикантное приключение.

– Ну, я не думаю, что Рил променяет меня на какую-то там рыжую лису, крутящуюся перед ним.

– Если бы ты была по-настоящему умной девочкой, то давно бы с ней подружилась, чтобы видеть их общение изнутри, – задумчиво говорит Ленка. – Есть старая поговорка: “Держи друзей близко, а врагов ещё ближе”. Это как раз твой случай!

– Ладно, что это мы все обо мне да обо мне? – решаю перевести тему я. Не доставляет мне удовольствия говорит про Рила и его возможную измену мне. – Как у вас с Антоном?

Я задала простой вопрос, но Ленка почему-то не спешит отвечать. Она отводит глаза и, хитро улыбаясь, мнёт руки

под столом. Спустя несколько секунд, залившись краской и смотря куда-то в сторону, протягивает мне правую руку ладонью вниз. Я не сразу понимаю, что происходит и на что я должна обратить внимание, но все же замечаю кольцо с бриллиантом на её безымянном пальце.

– Ааа... – вырывается у меня. От наплыва чувств я не могу произнести ни слова. Она помолвлена! – Шампанского! – кричу я, обращаясь к бармену, как раз проходящему мимо. Он сразу все понимает, улыбнувшись, кивает и удаляется за барную стойку. – Поздравляю! – задыхаясь от навалившихся эмоций, говорю я Ленке и встаю, чтобы обнять подругу, за которую ужасно рада.

– Ты вторая, кому рассказываю, – поясняет она. – Только маме, пока что, говорила.

В этот момент бармен как раз приносит бутылку и два бокала. Он галантно наливает нам шампанского и удаляется. Ленка отодвигает своё пиво, и мы, чокнувшись, выпиваем содержимое. Похоже, вечер будет долгим, поэтому я тоже заказываю бургер, вспоминая, что пить на голодный желудок нельзя. Бургер оказывается на вкус ещё лучше, чем на вид, и мы принимаемся обсуждать новость о помолвке.

– Антон не хочет пышную свадьбу, но я не позволю ему обломать все веселье и устраю настоящую гулянку! Сразу после ЗАГСа поедем в какой-нибудь парк. Например, в Коломенское и устроим там фотосессию. А потом снимем ресторан в самом центре Москвы и будем пировать до самого

утра! – радостно говорит она.

– Надо же! Самая закоренелая холостячка из всех кого я знаю соглашается выйти замуж спустя три месяца после знакомства! – я проговариваю вслух своё недоумение. – Ресторан в центре Москвы влетит в копеечку, – добавляю я с сомнением.

– Сама в шоке от нашего решения, но я действительно этого хочу, – поясняет Ленка. – А по поводу денег не беспокойся. Тут уж пусть Антон раскошеливается.

– Рил не поверит, когда я ему расскажу...

– Кстати о вас с Рилом, – нетерпеливо перебивает она. – Мы решили сделать вас нашими свидетелями на свадьбе!

Ух ты. Я ещё не освоилась с мыслью, что моя подруга выходит замуж, а тут ещё одна новость. Нет, если подумать, то их решение, вполне логично, но все равно как-то странно. Тем более, это, вроде, большая ответственность, и мне придётся помогать Ленке с организацией. Хотя для меня это будет только в удовольствие.

– Мы уже подали заявление в ЗАГС и не хотим откладывать это событие. Так что все состоится двадцать четвёртого мая.

– Так скоро? – удивляюсь я.

– А чего оттягивать? – пожимает плечами она.

– Рил может не успеть вернуться, – говорю я то, что меня обеспокоило.

– Успеет, – отмахивается она. – А если не успеет, значит

пропустит главное событие в его жизни, – смеясь, говорит она, пытаясь отогнать от меня тревожные мысли.

Домой пришлось ехать на такси, потому что на метро мы катастрофически опоздали. Да и ехать в метро в таком состоянии, как было у нас с Ленкой, не безопасно. За вечер кроме шампанского мы успели перепробовать несколько сортов пива, и в конце концов остановились на вишневом, которое и пили до самого закрытия бара в три часа ночи. За это время мы успели в деталях обсудить все, что связано с предстоящей свадьбой, то, как Антон делал предложение, и кого Ленка хочет видеть на торжестве. А также не раз возвращались к теме Алисы и Рида.

Только выходя из такси, понимаю как я устала, ведь после перелёта отдохнуть так и не получилось. Когда доставала деньги платить за такси, замечаю, что сегодня уже потратила кругленькую сумму и такими темпами до зарплаты не дотяну. Надо будет экономить, ведь командировочные еще не пришли и придут неизвестно когда.

Зайдя в квартиру, машинально просчитываю, сколько времени сейчас в Корее. Выходит, что семь утра. Рид должен уже проснуться. Достая мобильник и звоню ему

– Привет! – сразу отвечает он. – Уже собирался уходить, а тут ты звонишь.

– Привет! – радуясь его голосу, говорю я.

– С Ленкой гулять ходили? – догадывается он, услышав мою нетрезвую речь.

– Да. Откуда знаешь?

– Да по интонации понял. Только вернулась с гулянки? – смеётся он. – От сплетен, наверное, голова уже пухнет.

– Да, и одна есть для тебя! – я создаю интригу театральной паузой. – Антон с Ленкой женятся! – провозглашаю я, когда нужный эффект был достигнут.

– Антон женится? – после недолгих раздумий переспрашиваешь он, не веря своим ушам. – Лена точно за того Антона замуж выходит?

– За того! – смеюсь я. – Сама не сразу поверила. И больше того! Хотят сделать нас своими свидетелями! Как думаешь, до конца мая вас вернут в Россию?

– Сложно сказать, америкосы опять зашевелились. Но если ничего не случится, попробую выбить отпуск у Титаренко.

– Ты просто обязан попасть на эту свадьбу! Не бросишь же ты меня одну!

– Я постараюсь! – обещает он. – И мне пора бежать, а то опоздаю.

– Ладно, пока! Целую! – прощаюсь я.

Рил отвечает тем же, и мы отключаемся. Эх, столько всего произошло за последние два дня. Вот только вчера я ещё была на другом конце света и не знала забот, а сегодня уже в Москве и помогаю планировать свадьбу лучшей подруге. И все-таки, на мой взгляд, они немного спешат. Всего три месяца вместе и уже обручены. Вот я точно пока не хочу за-

муж. Но уж если что-то планировать, то никого другого, кроме Рила, я в роли жениха не вижу. Наша свадьба будет гораздо скромнее той, что планирует Ленка. Мы бы позвали только самых близких друзей и родственников и собрались для празднования в небольшом, но уютном ресторанчике рядом с каким-нибудь сквером. Все было бы скромно, но очень мило.

Ложась спать, последней мыслью, промелькнувшей в уплывающем сознании, было то, что я все же, наверное, хочу замуж.

Часть 3

Глава 3.1. Беда не приходит одна

Лани

Долгожданные майские праздники наконец-то наступили, и Москва погрузилась в атмосферу спокойствия и хорошего настроения. Больше нет пробок на улицах, давки в метро и угрюмых людей, бредущих с утра на работу. Но я ждала май не из-за выходных, ведь у врачей свой график работы, и на него не распространяются государственные праздники. Я ждала День Победы как раз из-за праздничного настроения, витающего вокруг. Ну и, конечно же, из-за погоды. Май – это самое приятное время в Москве. Летом невыносимая жара, плавящая асфальт, зимой то холодно, то сыро, осенью выдаются пару недель хорошей погоды, но все остальное время дожди и мрачное небо. А тут ещё ко Дню Победы все улицы превратили в одну большую клумбу. Из-за этого я даже стала выходить на работу на пятнадцать минут раньше, чтобы прогуляться по небольшому парку, находящемуся по пути в больницу для поднятия настроения.

Сегодня, в преддверии праздника, был самый обычный день. На работе ничего интересного, и я, как это вошло у меня в привычку, ждала вечера для того, чтобы поболтать с Ри-

лом. Последнее время, по его словам, обстановка у них изменилась. Программу переобучения на новые машины они уже давно закончили, но теперь их все чаще и чаще стали поднимать по тревоге для перехвата разведчиков США, летавших вдоль границы КНДР. Такая активность была очень странной, ведь враждующие стороны почти договорились и решили свои разногласия миром. Лишь дипломаты США нагнетают обстановку и ищут повода вновь продемонстрировать миру свои военные возможности. Ещё бы! Три с половиной месяца назад Рил со своими товарищами постарались на славу и разбили америкосов на голову! Такую пощечину самолюбию они не смогли стерпеть и вот теперь машут кулаками после драки. Но самое главное, что до стрельбы дело не доходит, и это меня радует. По условиям перемирия ни одна, ни другая из сторон не должны нарушать воздушного пространства соседей, но разведчики США занимаются провокациями, постоянно летая вдоль самой границы.

После рабочего дня я, как обычно задержалась на работе, чтобы позвонить Рилу. Он взял трубку почти сразу, но, услышав его, улыбка тут же сошла с моего лица.

– Рил, что случилось? – вместо приветствия вырывается у меня.

– В новостях ещё не говорили? – охрипшим голосом угрюмо спрашивает он.

– Не знаю, – теряюсь я, ища пульт от старенького телевизора, стоящего в углу.

Найдя пульт, нажимаю на кнопку первого канала, и тут же с экрана телевизора, на меня обрушивается картинка горящих обломков и разрушенных зданий знакомого аэродрома в Северной Корее.

– США нанесли массированный удар крылатыми ракетами по нашему аэродрому, – поясняет он. Я замечаю, что голос у него дрожит, и создается впечатление, что он еле сдерживает себя, чтобы не заплакать

Дальше он начинает рассказывать, а я слушать, ужасаясь все сильнее и сильнее с каждым его словом.

Утро у них началось, как обычно, с того, что очередной разведчик появился у границы, и звено МиГов подняли для перехвата. Но только все пошло не как обычно. Когда истребители сблизилась с разведчиком на расстояние видимости, экипаж последнего неожиданно покинул самолёт, и тот разбился на территории Южной Кореи. То, что МиГи его не атаковали – факт, ведь вернулись они с полным боекомплектом, но США, в свойственной им манере, не стали выяснять причину падения самолёта, а обвинили Россию в несоблюдении перемирия и ответили массированным обстрелом крылатых ракет.

Тут-то и произошло самое ужасное. По условиям перемирия России запрещалось иметь в зоне конфликта системы ПВО большого и среднего радиуса действия. Поэтому перехватить ракеты на большом расстоянии было нечем. Единственной возможностью заблаговременно отразить атаку –

это поднять в воздух истребители, что наши и сделали. В это время как раз дежурило звено Титаренко, и ему скомандовали взлёт. Но подлость американцев не заканчивалась пуском крылатых ракет “Томагавк”. В момент взлёта на горизонте появились истребители США. Четверка F-22, воспользовавшись технологией стелс, смогла обмануть слабенькие радары северокорейцев и, летя на сверхмалой высоте, подобраться к аэродрому незамеченной. Единственным прикрытием авиабазы были комплексы ЗРПК Панцирь С-1, но, как объяснил Рил, этот комплекс ПВО работает в коротковолновом режиме и не способен отследить самолёты “Стелс” с большой дистанции. Когда союзники смогли обнаружить незваных гостей, было уже поздно. Пара комэска как раз заканчивала разбег по взлётной полосе, когда ракета, пущенная с F-22, направленным взрывом уничтожила самолёт ведомого. Титаренко же недаром считался лучшим лётчиком эскадрильи. Он тут же заложил вираж максимальный по тяге, и ракета проскочила мимо, разорвавшись в стороне не нанеся ему повреждений. Но, спустя несколько секунд, Рэпторы долетели до аэродрома, и уже можно было разглядеть угловатые обводы этих самолётов. Один из них отделился от общего строя и спикировал на комэска, не успевшего набрать скорость и высоту. С расстояния в несколько сотен метров он открыл огонь из пушки. Длинная очередь угодила точно в истребитель Титаренко, не оставляя ему шансов на катапультное спасение и превращая его самолёт в пылающую грудку

обломков. Все это происходило на такой малой высоте, что Рил даже смог разглядеть бортовой номер Рэптора. Это был командир эскадрильи американцев, ведь номер НН001 указывает именно на это.

Рэпторы тут же скрылись, но пуститься вдогонку пилотам, наблюдавшим эту катастрофу, не получилось. В этот момент “Томагавки” были уже на подлёте, и всем пришлось прятаться в укрытия. А вот тут ЗРПК “Панцирь” показал себя на славу, и поток крылатых ракет был существенно прорежен. Лишь несколько ракет разорвались на аэродроме. К счастью персонал не пострадал, а из техники было повреждено лишь две машины. После бомбардировки все бросились к разбитому истребителю Титаренко, но спасать было некого. После такого не выживают. Прямо сейчас то, что осталось от комэска, отправляется на родину в закрытом цинковом гробу для захоронения.

Рил с трудом заканчивает рассказ, ведь судя по интонации, его начинает бить крупная дрожь. Голос наливается ненавистью и печалью. Видимо он не смог удержаться и заплакал, фыркая носом.

– Не смогли в воздухе нас одолеть, решили на земле! – подводит итог он.

И тут я осознаю все происходящее. Война снова началась, и будет гораздо беспощаднее, чем раньше. Рил снова будет летать на боевые задания и участвовать в воздушных схватках. А это значит, что он опять в опасности.

– Я этого гада из-под земли достану! – дрожит и хрипит Рил после затянувшейся паузы. – Он мне ответит за этот удар в спину! Я с ним поквитаюсь! – свирепея, Рил громко и часто дышит, переходя на злой шепот. Надо срочно менять тему и поддержать его.

– Значит, война снова началась? – спрашиваю я, чтобы немного его отвлечь.

– Судя по всему, да, – отвечает он, немного успокоившись. – Такое наши генералы не проглотят. Они вынуждены ответить..

– А что случилось со вторым пилотом, которого сбили? – продолжаю расспрашивать я на отвлеченные темы. Ведь если продолжим говорить про Титаренко, я и сама заплачу. Даже представить не могу, что такого хорошего человека больше нет.

– Он катапультировался и благополучно приземлился, – отвечает Рил.

– Как жаль, что меня нет рядом.

– Это и хорошо! – отмахивается Рил, фыркая носом. – Америкосы оказались теми ещё стрелками. Половина не сбитых ракет даже в аэродром не попала. Пара штук разорвалась рядом с госпиталем. Не дай Бог, ты гуляла бы там. Именно из-за их “меткости” почти вся, техника цела. Так что летать будем.

– Все равно я бы хотела вернуться.

– Не надо, – качает головой он. – мне так будет спокойнее.

В этот момент у Рила звонит телефон по второй линии. Он говорит, что это командир, так что ему надо ответить. Мы прощаемся, и он оставляет меня наедине с моими мыслями.

Интересно, а гражданских врачей будут снова привлекать? Если да, то мне надо все разузнать и успеть записаться первой. В этот раз желающих может быть гораздо больше, ведь за прошлую командировку мне неплохо заплатили. И не важно, что по этому поводу думает Рил, ведь я вижу, что ему нужна моя поддержка. Он только что потерял очень дорогого человека, который был для него гораздо больше, чем просто командир. По большому счёту я обязана Титаренко решением лететь в Корею. Надо будет узнать, где его будут хоронить, и сходить попрощаться с человеком, которого мы с Рилом так уважали.

А ещё, раз началась война, то Рил точно не успеет на свадьбу к Ленке с Антоном. Как говорится, беда не приходит одна.

Глава 3.2. Сделка с совестью

Кирилл

Если сам командир полка звонит мне на личный номер телефона, значит, у него что-то важное, и задерживаться не стоит. Но предстать перед командованием в таком виде, как у меня сейчас, ни в коем случае нельзя. Поэтому я бегу в ванную, умываюсь, поправляю перепачканную причёску, и через пять минут уже направляюсь обратно на аэродром в свежей одежде.

На командном пункте, как я и ожидал, стоит суматоха, и чувствуется общая подавленность. Видимо спать они не собираются, а ведь уже первый час ночи.

Командир полка Петр Петрович, ещё издали завидев меня, машет рукой, чтобы я подошёл. Пока я иду, пытаюсь расслышать, о чем говорят вокруг. Целой картины понять не удаётся, но ключевые фразы я могу разобрать. Видимо, история со сбитым разведчиком США была провокацией. Что ж, в духе американцев. Они не привыкли играть честно. Только кто сказал, что, развязав войну, на этот раз они выйдут победителями? Пусть они привезли сюда своих лучших пилотов и самолёты, но и у нас теперь машины не хуже, а мы уже заслуженно считаемся ветеранами.

Подойдя к командиру полка и выполнив военное приветствие, понимаю, что Петр Петрович от усталости еле держит-

ся на ногах.

– Выйдем, прогуляться? – предлагает он, указывая рукой в сторону двери на улицу.

– Конечно, – соглашаюсь я.

Выйдя на улицу, он достаёт сигарету и закуривает. Не знал, что он курит.

– Невозможно бросить, – поясняет он, увидев мое удивление. – Уже лет десять как “бросил”, – он жестом пальцев выделяет слово кавычками, – но происходит что-нибудь такое и все, не выдерживаю, – говорит командир с отвращением разглядывая дымящуюся сигарету.

Мы несколько мгновений стоим, каждый думая о своём. Не знаю, что крутится у него в голове, а я недоумеваю: зачем он меня вызвал в такое позднее время. Уж точно не для разговоров о сигаретах.

– Как ты? – наконец-то спрашивает он.

– В порядке, – не сразу отвечаю я, ища подвох в вопросе.

– Гибель Титаренко – большая потеря для всех нас, но мы не должны раскисать. Как никогда нам надо быть во всеоружии.

– Так точно, – киваю я в ответ. По большому счёту он прав.

– Президент Соединенных Штатов выступил пару часов назад. Он объявил о том, что Россия, не выполняя условий перемирия, напала на их разведчик, который совершал плановый полет над территорией Южной Кореи.

– Но, ведь, это бред! Я сам видел, как вернулись МиГи. Все ракеты были на месте!

– Пойди и объясни это им! – он кивком указывает на юг. И мне кажется, что они это сами прекрасно знают. Уже две недели они нас провоцировали своими разведчиками и беспилотниками, а как поняли, что ничего не выйдет, разыграли спектакль с рухнувшим самолётом.

– Ничего, мы покажем этим Рэпторам кто хозяин неба! – сжимая кулаки, говорю я.

– Не покажете! – огорошивает меня он. – Президент США заявил, что раз Россия и КНДР не выполняют условий перемирия, то им придётся взять ситуацию под свой контроль. Игнорируя запрет использования систем ПВО, который действовал с самого начала конфликта, они демонстративно разместили три дивизиона комплексов “Пэтриот” на территории Южной Кореи, фактически объявив себя хозяевами неба. С сегодняшнего дня территория южной и северной Кореи это – бесполетная зона.

– Как это они успели доставить их сюда? – удивляюсь я. Комплекс ПВО Пэтриот – не игрушка. Перевезти их с континента на континент через Тихий океан – занятие непростое и требует времени.

– Есть мнение, что спектакль с разведчиком, обстрел крылатыми ракетами, Рэпторы над аэродромом и чудесное появление трёх дивизионов Пэтриот – это все детали одного хитроумно составленного и блестяще разыгранного плана. Так

что подлетать к границе с Южной Кореей сейчас, мягко говоря, небезопасно.

– И как на все это отреагировало мировое сообщество?

– НАТО, как всегда, всецело поддерживает американцев, в ООН голоса разделились, а Китай и Индия пока четкого ответа не дали.

– И что же? Нам только остаётся сидеть на земле и ждать развития событий?

– Нет! Во-первых, командование уже приказало в срочном порядке доставить сюда наши комплексы ПВО С-400, но на это потребуется время, а в плане США оказалась маленькая оплошность. Никто из них не думал, что обстрел крылатыми ракетами будет столь малоэффективен. Уже завтра аэродром будет приведен в рабочий режим, и мы сможем делать вылеты.

– Вот только летать у нас не выйдет, ведь мы прикованы к земле, – заканчиваю мысль я. Петр Петрович кивает и достаёт ещё одну сигарету.

– Ваша вторая эскадрилья осталась без комэска, – меняет он тему, и я понимаю, что мы вплотную подошли к тому разговору, ради которого он меня вызвал. – С сегодняшнего дня ты временно будешь назначен на эту должность.

– Так точно! – отвечаю я без малейшего энтузиазма. Мне это кажется чем-то неприятным. Ещё и сутки не прошли с момента гибели Титаренко, а командование уже назначает ему замену. Сама мысль, что кто-то попытается заменить

его, отвратительна.

– Вижу, ты не в восторге, – он оценивающе смотрит на меня. – Понимаю, что тебя смущает, но сам Титаренко ставил тебя своим заместителем. Я уверен, он был бы не против, – говорит Полковник и делает короткую паузу, чтобы я осознал сказанное. – У командования есть какой-то план, как поднять нас в воздух. Был дан приказ быть готовыми к вылетам. Так что выхода нет, принимай эскадрилью.

Никто не готовил меня к таким поворотам событий. Прошло всего полгода с того момента, как я был ведомым комэска, а теперь я сам им стану. Надо признать, что полковник прав и Титаренко, действительно, пусть ненавязчиво, но готовил меня к этому. А раз на меня обрушилась такая ответственность, то надо быть к ней готовым. Придётся по ходу дела учиться быть командиром.

Мы обсудили все тонкости и нюансы предстоящей работы, и Петр Петрович отпустил меня, попросив как следует выспаться перед завтрашним днем. Только дойдя до кровати, я понял, как сильно устал. Завтра предстоит ранний подъем. После того как мы попали под бомбардировку, было решено провести углубленную медкомиссию для всех пилотов, и мне, как новому комэску, надо все организовать. На этой мысли я засыпаю прямо в одежде, так и не удосужившись ее снять.

На следующее утро я, как и планировалось, веду эскадрилью на медосмотр. Товарищи, узнав о моем назначении,

восприняли это спокойно, мол, так и должно было быть. Меня это сильно обрадовало, ведь я беспокоился на этот счёт. Многие из лётчиков нашей второй эскадрильи старше меня. Да и, вообще, на моей памяти не было таких молодых комэсков. По дороге в больницу я даже поделился своими переживаниями со своим другом Владом. Он бывает серьёзным, только когда мы в воздухе, а на земле всегда остаётся главным шутником, но тут задумался.

– Рил, помнится, три месяца назад ты остался один, чтобы прикрыть наш отход. Пожертвовал собой ради подчинённых. Люди такое не забывают, – похлопывая меня по плечу, говорит он. – Не переживай, у тебя все получится. Мы отомстим за Титаренко. Точнее ты отомстишь, а мы тебе в этом поможем.

Его слова меня немного успокоили, и в больницу я зашёл в приподнятом настроении. Но кто бы мог подумать, что все мои переживания и волнения в момент сменяются застенчивостью и неуверенностью, как только я переступлю порог уже ставшего мне родным госпиталя. И дело, как всегда, было в Алисе. Она встречала нас для прохождения этого медосмотра и, видимо, собиралась проводить его большую часть.

– Привет, Алиса! – выдавливая из себя улыбку, говорю я.
– Товарищ старший лейтенант! – радостно отвечает она. – Как я рада Вас видеть. Как только мне сообщили, что лётчикам приказано пройти обследование, я сразу поняла, что

увиджусь с Вами.

– “Тобой”, – напоминаю я. Эта её манера Выкать всегда забавляла меня. – Ну что, куда нам идти?

– Я опять забыла, – обворожительно улыбаясь, отвечает Алиса. – Соколики, все за мной! – повышая голос и обращаясь ко всем сразу, говорит она.

– Я же говорил, что прозвище “Соколы” приживётся! – шутит Влад, и настроение у всех сразу поднимается.

По пути я начинаю понимать, какое влияние Алиса имеет на моих сослуживцев. Это я привык видеть её модельную фигуру в провальной попытке спрятать её под медицинский халат. Ребята же видят Алису впервые. Все взгляды устремлены только на неё, а у многих даже рты пооткрывались. Ещё бы! Мы тут уже пять месяцев, и большинство ребят “на сухом пайке”. Любая девушка вызовет у них интерес. Ну, а уж Алиса произвела фурор!

Весь медосмотр проходит в атмосфере возбуждения, вызванного Алисой. В конце, когда все кабинеты были пройдены, и мы собирались уходить, она подошла ко мне, и вид у неё был настороженный.

– Ну как там мои Соколы? – подмигнув, спрашиваю я.

– Теперь ты комэск? – отвечает вопросом она.

– Да, после гибели Титаренко назначили меня, – немного погрустнев, поясняю я.

– Да, я слышала, что с ним произошло, – положив руку мне на плечо, говорит Алиса. – Мне очень жаль! Как ты это

пережил?

– Ничего страшного, – вру я. – Тот, кто это сделал, поплатится! Я отомщу!

– Вот об этом я и хотела поговорить, – она немного краснеет. Первый раз вижу её смущённой. Значит что-то серьёзное. – Все твои Соколы прошли медкомиссию хорошо. За исключением повышенного пульса и давления, все просто отлично. Кстати не знаешь причину такой массовой патологии?

– Вчера была бомбежка. Не отошли ещё, – снова вру я, ведь причина предельно проста и сейчас стоит передо мной, спрашивая про эту самую причину.

– Ясно, – кивает она. – Но вот у тебя не все так хорошо. В ходе медосмотра была выявлена не до конца зажившая рана груди. Извини, Кирилл, но ты не допущен до боевых вылетов.

От услышанного холодок проходит по затылку. В горле пересыхает, а сердце замирает. Не может быть! Я уже давно забыл про эту рану. Иногда на учебных полётах она немного ноет, но не более.

– Все так плохо? – больше хрипя, чем говоря, спрашиваю я.

– Нет-нет, – спешит успокоить меня она. – Месяца два-три покоя и все будет в норме, но сейчас пилотирование с критическими перегрузками тебе противопоказано.

– Нет у меня этих месяцев.

В ответ Алиса, соболезнуя, пожимает плечами, и тут мне в голову приходит идея. Я нежно беру её под руку и веду в сторону, чтобы никто, даже случайно, не мог нас подслушать. От неожиданного прикосновения у Алисы по коже пробегают мурашки, и она задерживает дыхание. Надо признаться, что даже для меня это стало неожиданностью, ведь самое обычное прикосновение вышло на редкость интимным.

– Алиса, выручай! – отойдя за угол, шепчу ей на ухо я. – Мне нельзя сейчас потерять крылья. Ты наверняка можешь что-то сделать.

– От услышанного её глаза расширяются, и она отстраняется от меня, награждая обеспокоенным взглядом.

– Ты предлагаешь мне подделать результаты медицинской экспертизы? – изумленно говорит она.

– Да, я прошу именно это, – киваю я.

– Кирилл, это преступление. Я не могу...

– Алиса, пожалуйста! – перебиваю, я. – Я сделаю все, чтобы летать.

– Нет, Кирилл, это незаконно, – она отводит в сторону глаза.

– Я заплачу! Сколько надо? С собой у меня немного, но я обещаю достать!

– Мне не нужны твои деньги! – со злостью заявляет она, но тут же берет себя в руки. – Смирись, кто-нибудь другой примет эскадрилью.

– Понятно! – грубо отвечаю я и со злости бью кулаком в

стену. – Пойду к Василию Петровичу! Он должен меня понять!

Я разворачиваюсь и делаю несколько шагов в сторону, понимая, что если уж Алиса отказалась помочь, то от пожилого хирурга пользы будет не больше. Если бы здесь была Лани, она смогла найти способ обойти систему. По сути, она это уже делала.

– Кирилл, – окликает меня Алиса. – Он тебе тоже не поможет, – говорит она, и я останавливаюсь. – Но если ты и, правда, готов на все, то я подменю результаты. И в оплату своей услуги попрошу всего лишь одно свидание.

“На все, кроме этого”, – проговариваю я про себя.

– Алиса, ты же знаешь... Я встречаюсь с Лани.

– Но её здесь нет, – она делает шаг ко мне. – И я предлагаю всего лишь свидание, – еще шаг, и она уже стоит прямо передо мной.

– Все равно мне от этого не по себе, – морщусь я.

– Решайся, старший лейтенант. Свидание со мной или три месяца без неба. Я же знаю, что нравлюсь тебе! – она делает хитрое лицо, пожирая меня взглядом, а её губы расплываются в хищной улыбке, которая вечно вгоняла меня в краску. – Я видела, как ты на меня смотришь. И повторяюсь, это всего лишь свидание, – говорит она, и наигранно стряхивает пылинку с моего плеча.

– Зачем я тебе? – решаюсь спросить я. – Вон, сколько женихов вокруг! Только выбирай!

– На твоём фоне они все для меня меркнут и превращаются в однородную серую массу. Мне нравишься ты!

– Я согласен! – скрипя сердцем, сдаюсь я. Выбора у меня нет, и это значит – свидание.

Глава 3.3. Грачи прилетели

Кирилл

Кабина самолёта уже давно стала мне родным домом. Каждый рычажок и кнопочка, каждый прибор и изгиб мне тут знакомы, и иногда кажется, будто я тут родился. Правда, у новых Су-35С почти вся, приборная панель – цифровая и полностью отличается от той, что стояла на наших стареньких Су-27, но я к этому уже привык и оценил по достоинству компьютеризированную начинку нового самолёта.

Но сегодня мне не доставляет удовольствия бестолковое нахождение в пилотском кресле. Вот уже битый час мы в составе двух звеньев в готовности номер один ждём непонятно чего. “Что тут необычного?”, – скажет любой военный летчик, но бесполезность этого мероприятия меня просто нервирует. Что толку тут сидеть, если взлететь мы все равно не сможем? Точнее взлететь мы, конечно, можем, но лететь в зону боевых действий – самоубийство чистой воды, ведь именно там, совсем недалеко от границы, США разместили свои комплексы ПВО “Пэтриот”. С такими ракетами, как у Пэтриотов, шутки плохи. Масса боевой части у них в четыре-пять раз больше, чем у ракет воздух-воздух, а значит увернуться от такого взрыва практически невозможно. И беспокоит меня то, что Титаренко убили уже несколько дней назад, а подняться в воздух и отомстить за него я не мо-

гу. Американцам везет. Сначала эта дурацкая медкомиссия, из-за которой я чуть не лишился неба, затем сделка с совестью, чтобы подделать результаты медосмотра, а теперь мы без толку просиживаем штаны, пока командование никак не может придумать, как избавиться от этих трижды проклятых Пэтриотов!

– Борт триста один, – вызывает меня диспетчер, – срочно проследуйте на КП.

– Борт триста один, – отвечаю я, – принял.

Отстёгивая ремни, ловлю удивленный взгляд Влада. Он кивком головы спрашивает – “что случилось?”, я в ответ пожимаю плечами и вылетаю из самолёта. Я совсем не против прогуляться и размять затёкшие ноги, ведь это лучше, чем без толку сидеть в кабине.

Уже возле командного пункта мне на встречу попадается Митька – тот самый лётчик-штурмовик, с которым мы вместе лежали в больнице. Он тоже облачен в лётный комбинезон и направляется со стороны своей стоянки.

– Салют, Дим, – издали приветствую его я. – Не в курсе что происходит?

– Здорово, Рил, – он протягивает мне свою здоровенную ручищу для рукопожатия. – Черт его знает! С утра приказали повесить на самолёты бомбы и ракеты. Вот, НАРы установят, и можно хоть сейчас лететь на штурмовку. А ты куда бежишь?

– На КП вызывают... НАРы грузите? – удивляюсь я. НА-

Ры, они же неуправляемые авиационные ракеты – главное оружие штурмовиков. – Чует мое сердце, сегодня полетаем.

– Надеюсь, ты прав, Рил! А то надоело уже на земле сидеть, – басит Митька. – И меня на Командный Пункт вызвали!

Так, истребители в готовности номер один, штурмовикам приказали подвесить на самолёты вооружение, а ещё я сегодня видел, как вертолёт движки прогревали. Что-то точно происходит. Может, повезет, и будут полеты?

Забегаю на КП и тут же понимаю, что мои умозаключения верны. Народу тут собралось столько, что яблоку негде упасть. Петр Петрович, заведя меня, машет рукой, мол, подожди, и я спешу к нему, старательно обходя мечущихся туда-сюда людей. По дороге замечаю, что генерал-майор Вершинин, командующий всей северокорейской операцией, тоже здесь и прямо сейчас внимательно слушает доклад по радиации, склонившись над картой. Подойдя к командиру полка, выполняю воинское приветствие и докладываю о прибытии.

– Кирилл, постой здесь. Тебе будет полезно послушать, – после ответного приветствия, говорит Пётр Петрович. – Я сейчас вернусь, и поговорим, – он разворачивается и куда-то спешно уходит.

Я остаюсь на месте и прислушиваюсь к окружающим. Молчавший и внимательно слушавший доклад по радиации генерал-майор неожиданно прерывает собеседника.

– Хватит мямлить! – кричит он в радию. – Скажи нор-

мально, спецназ справился с поставленной задачей?

– Так точно, – отвечают из радиии. – Все три командные машины комплексов ПВО “Пэтриот” выведены из строя.

– Ну, а что ты мне голову морочишь про неудачную операцию? – возмущается генерал.

– Две из трёх групп спецназа, выполнив задание, благополучно прорвались через линию фронта, – поясняет докладчик, – но третьей не удалось! Повторяю, одна группа спецназа попала в окружение значительно превосходящих сил противника.

– Так, – генерал хлопает ладонью по столу. – Быстро связь с командиром группы.

Ситуация проясняется. Наши как всегда схитрили. Америкосы и не могли подумать, что мы осмелимся на такую дерзость. По их мнению, если они привезут сюда свои комплексы ПВО, то мы сразу “подождём лапки” и будем сидеть на земле без дела. Не тут-то было! Командование сразу смекнуло, что если ПВО противника нельзя обезвредить с воздуха, то нужно действовать по земле. Три группы спецназа пешком были отправлены для уничтожения “Пэтриотов”. К счастью, америкосы расположили их недалёко от границы, и к ним можно было легко добраться своим ходом. Единственное препятствие – это линия фронта, но, похоже, им как-то удалось её миновать. Итак, спецназ смог добраться до целей и вывести из строя командирские машины, без которых “Пэтриоты” вести огонь не смогут. Но одна из трёх групп

спецназа по пути обратно наткнулась на значительные силы неприятеля.

– Лейтенант Скворцов на связи, – сквозь шум помех и звуки стрельбы послышался голос командира спецназа, попавшего в окружение.

– Говорит генерал-майор Вершинин, – откликнулся генерал. – Доложи о ситуации, лейтенант!

– Ведём бой с многократно превосходящими силами противника в пяти километрах к северо-западу от провинции Хвачхон. Пятнадцать минут назад противник закончил окружение. Возможности передвигаться или менять позицию нет – двенадцать бойцов трехсоты. Трое тяжёлые, – перекрикивая стрельбу, Скворцов сообщает о раненых. – Мы окопались в ущелье. Просим выслать вертушки для эвакуации, пока противник не подтянул технику. Повторяю, долго не продержимся, – тут в радиии послышался грохот и последовавший за ним треск. – Противник применил минометы, – пытаюсь перекричать взрывы, продолжил доклад командир спецназа.

– Понял тебя, лейтенант. Высылаем вертушки! Держись, Скворцов! – отвечает ему генерал и прерывает связь. – Так, срочно отправляйте два Ми-8 для эвакуации спецназа. В сопровождение пару Аллигаторов, – Вершинин встаёт со стула и громко командует, обращаясь ко всем.

– Товарищ генерал-майор, – отвечает командир вертолетного полка. – Пока долетим, уже спасти некого будет. А ес-

ли противник устроит сильное противодействие, то вертушки не справятся. Посбивают к чертовой матери.

– Штурмовиков подключите! Пусть немедленно поднимаются и летят первыми. Сначала они отработают, а потом и вертолеты подтянутся, – кивая, продолжает отдавать команды генерал. – Мирошниченко? – после недолгой паузы выкрикивает он в толпу.

– Я! – тут же отвечает ему Петр Петрович, неожиданно появившийся рядом со мной.

– Поднимай своих соколов, надо обеспечить сопровождение. Не хватало ещё нашим на Рэпторов напороться!

– Так точно! – отвечает Петр Петрович. – Рил, ты сам все слышал, – обращаясь уже ко мне, говорит полковник. – Задача ясна?

– Обеспечить прикрытие от истребителей противника, – говорю я.

– Все верно, – кивает он. – Сами на рожон не лезьте. В бой вступать, только если будет угроза для вертушек или штурмовиков. Понял? – спрашивает он, намекая на то, что я решу мстить за гибель Титаренко и ринусь в необдуманную атаку. – Успеете ещё с ними поквитаться. Сейчас – главное наших ребят оттуда достать. Они нам небо открыли.

– Понял, – отвечаю я и с разрешения бегу обратно на взлётную полосу.

Капитан Дмитрий Червоненко

Наша задача – подготовить точку эвакуации для спецназа, застрявшего в горах. Если бы командование отправило только вертолёты, то они могли не успеть, и парней бы всех положили. А в момент эвакуации вертушки стали бы лёгкой мишенью, и их просто-напросто перебили, как мух. В этом и заключался план командования. Сначала летим мы для подавления минометных и пулеметных расчетов. Затем прилетают два Ми-8 и под прикрытием пары Ка-52 эвакуируют попавший в окружение спецназ. А чтобы на нас не напали Рэпторы, где-то высоко в небе на почти невидимой для глаза высоте всю операцию прикрывают тяжёлые истребители. Командира Сушек я знаю лично. Мы лежали с ним в госпитале в одной палате и успели подружиться. Кирилл – мужик толковый, и когда он со своими соколами в небе, опасаться американских стервятников не стоит. А это сильно упрощает нашу задачу.

Горный рельеф очень непросто для полетов, и идти на полной скорости в поисках попавшего в переделку спецназа довольно сложно. А идти на полной скорости необходимо, ведь в такой ситуации каждая секунда дорога и может стоить кому-то из наших жизни.

– Шестьсот седьмой, – обращается ко мне ведущий второго звена, – наблюдаю взрывы на десять часов.

– Вижу, это по нашим быют! – отвечаю я. – Выходим на цель и делаем круг для оценки ситуации.

Подлетев ближе, я могу как следует рассмотреть ущелье,

в котором держит оборону спецназ. Для манёвра очень мало места, но ничего. Именно для таких условий создавался Су-25 "Грач".

– Закрылки в маневренное положение, – командую я. Так подъёмная сила крыла возрастет, а это значит, мы сможем летать на меньшей скорости, маневрировать с меньшими радиусами и не опасаться срыва в штопор. – Мое звено занимается пулеметами, второе выводит из строя минометные расчёты. Для начала работаем только ФАБами – строю план атаки я.

Наше появление было сюрпризом для южнокорейцев. От неожиданности они не успели спрятать и замаскировать позиции, ведущих обстрел минометов. Так что порция фугасных авиабомб, или сокращенно ФАБ-250, отправились прямо на головы незадачливым воякам. Но дальше все пошло не так гладко. Корейцы переоценили приоритеты и главной целью для обстрела выбрали нас. Работать сразу стало на порядок труднее. Создалось впечатление, что все, кто имел в руках оружие, направили его вверх и беспрестанно поливали нас очередями, не жалея патронов. Ну ничего, крупнокалиберные пулемёты мы вырубил, а из своих автоматов пусть стреляют, сколько хотят. Пока мы держим высоту, для Грача это все равно, что слону дробина. Главное – слишком низко не спускаться.

– Скворцов, ответь шестьсот седьмому, – я вызываю командира спецназа.

– Скворцов на связи! – сквозь грохот стрельбы, отвечает спецназовец.

– Есть возможность обозначить свои позиции сигнальными дымами? Не могу отработать НАРами. Вы слишком близко к неприятелю. Боюсь задеть.

– Сейчас сделаем!

– Отлично! Через полминуты начинаем штурмовку. Вам лучше спрятаться куда-нибудь поглубже.

– Понял! – подтверждает Скворцов.

Спецназовцы не стали мешкать, и спустя десять секунд с земли потянулись жирные струи синего дыма, обозначающие точное местоположение позиций спецназа.

– Работаем по периметру. Очень аккуратно, – командую я своим. – Мое звено берет север и восток, второе звено – запад и юг. Разворотом налево по одному начали!

Мы растягиваемся в длинную цепочку и по очереди делаем заход. Я, как мне и полагается, иду первым, а значит, мне достанется больше всех. Снижаюсь, выхожу на боевой курс, прицеливаюсь, и в этот момент со всех сторон в меня начинают лететь огоньки трассеров. Стреляют все, кто может стрелять, где-то снова заработал пулемёт, но отворачивать нельзя, а то промахнусь. Пули забарабанили по самолёту, словно сильный дождь по металлической крыше, и я в тысячный раз мысленно склоняю голову перед конструкторами и инженерами, создавшими этот самолёт, который может все это выдержать. Так, пора! Нажимаю гашетку, и из-

под крыльев, громко шипя и ревя двигателями, вырывается неуправляемая волна смерти, состоящая из неуправляемых ракет. На секунду полностью теряю видимость из-за облака, оставшееся после работы двигателей НАРов, но тут же тяну ручку на себя, вылетая из дыма. На выводе из штурмовки самолет более всего уязвим для ПЗРК типа «Стингер», поэтому, следуя инструкции, я выпускаю тепловые ловушки и оцениваю результат стрельбы. Как раз в этот момент гроздь реактивных снарядов достигает земли, и накрывают взрывами солидную площадь, аккуратно ложась вдоль территории, занятой синим дымом. Отлично! Теперь дело за ведомыми.

Вслед за мной три машины производят штурмовку, и поле боя покрывается клубами пыли и дыма от взрывов. Пока есть небольшая передышка, решаю осмотреть самолёт на наличие повреждений. Вытираю рукавом пот со лба и бросаю взгляд на кабину и плоскости крыльев. На бронестекле виднеется небольшой скол от прямого попадания крупнокалиберной пули, но это пустяки. А вот правому крылу повезло меньше. Пулемётной очередью пробило три дырки.

– Суки! – вырывается у меня.

– Пощипали? – спрашивает ведомый, услышав мой эпитет.

– Ничего, им досталось сильнее, – отшучиваюсь я.

– Вертолёты на подходе, – перебивает нас ведущий второго звена.

Я оглядываюсь и вижу, как на горизонте появились быст-

ро растущие в размерах точки транспортных и ударных вертолётот.

Вертолетчики не стали рассусоливать и сразу принялись за дело, взяв под контроль поле боя. Аллигаторы носились над землей и нещадно поливали свинцовым дождём и пуском ракет оставшихся и огрызающихся стрельбой корейцев. Мы тоже решили им помочь и отработали из пушек по дальнему периметру, краем глаза наблюдая за эвакуацией. Пара Ми-8 приземлилась в самый центр позиций спецназа, не выключая двигатели и молотя винтами воздух. К ним потянулись фигуры десантников, несущие раненых. Сейчас самый ответственный момент, но, вроде, все проходит нормально. И стоило мне это подумать, как из леса прямо передо мной вывалился БТР и, крутя башней с автоматической пушкой, понёсся в сторону приземлившихся вертолётот. Сейчас пара Ми-8, стоящих на земле – лёгкая мишень. Ещё несколько мгновений, и случится катастрофа, ведь пушка БТРа легко расправится со стоящими на земле вертолетами. Оглядываюсь и понимаю, что Аллигаторы не успевают уничтожить БТР корейцев. А мы уже израсходовали весь боекомплект.

– На двенадцать часов БТР! – предупреждаю я ведомого! – Имитируем атаку!

Ведомый сразу все понял, и, не отставая, принялся пикировать, имитируя заход на цель. Экипаж БТРа, увидев нас, осознал, что на него заходят штурмовики, и тут же отвернул, а башня с пушкой начала подниматься и разворачиваться в

нашу сторону.

– Купился! Выходим из атаки! – командую я и выполняю крутой вираж с набором высоты.

Только я подумал, что угроза миновала, как по самолёту, будто молотом по наковальне, бьют несколько снарядов. Самолёт кивает, и его начинает сильно трясти. По спине пробегает холодок. “Подбит! Отлетелся Митька”, – пронесется в голове. Катапультироваться! Срочно! На такой высоте думать времени нет и надо быстро действовать пока не сыграл в ящик. Но сразу сдаваться и прыгать с парашютом не в моих правилах, поэтому я не хватаюсь за ручку катапульты, а только крепче сжимаю элементы управления самолётом. Катапультироваться рано, вдруг машину еще можно спасти!

– Шестьсот седьмой, – кричит мне ведомый, – левый двигатель горит!

Слова ведомого подтверждаются голосовым оповещением бортового компьютера и миганием индикатора “Пожар в двигателе”. Немедленно активирую систему пожаротушения левого двигателя и пытаюсь прислушаться к ощущениям. Пожар потушен, но из двух двигателей остался один. Самолёт сильно потрепало, но он чудом держится в воздухе. Не иначе как ангел хранитель меня уберег. Буду пытаться дотянуть до аэродрома и посадить машину, а пока замечаю, как один из Ка-52 разворачивается в сторону БТРа южнокорейцев и совершает пуск ракеты, которая в клочья разносит бронемашину.

Кирилл

Судя по разговорам в эфире, штурмовикам крепко досталось. Но как бы я не хотел им помочь, сделать этого не могу. Во-первых, у меня совершенно иная задача, а во-вторых, мне просто нечем. На наших самолётах сейчас нет вооружения, предназначенного для нанесения ударов по земле. Тем более у нас не менее ответственная работа – это прикрытие всей операции, и её надо выполнить качественно. Поэтому я лишь краем уха слушаю переговоры штурмовиков и вертолётчиков, а сам полностью сосредоточен на своём деле.

Хотя, надо признать, что из головы никак не выходит последняя наша встреча с Алисой. Свою часть “сделки” она выполнила так, что комар носа не подточит, и я, как следствие, допущен до боевых полётов. Теперь ход за мной. Сегодня вечером мы должны пойти в кафе, и это меня пугает больше, чем все Рэпторы вместе взятые. Задачака та ещё, ведь надо сделать все так, чтобы и Алисе понравилось наше свидание, и я ушёл оттуда с чистой совестью. Как это сделать ума не приложу. Что ж, остаётся одно – импровизировать.

Мои раздумья прерывает крик одного из штурмовиков о том, что Митькин борт горит, а точнее один из его двигателей, и я пытаюсь разобраться: что произошло. С высоты плохо видно, что конкретно случилось. Я лишь разглядел, что там происходит нешуточная заварушка и один из штурмовиков сильно дымит, а это может означать, что Митьку мог-

ли сбить. Но вскоре его вызывают с КП и спрашивают, что произошло.

– Один двигатель выведен из строя, – докладывает земле Червоненко, – множественные повреждения самолёта, но постараюсь довести машину до аэродрома и посадить её.

– Шестьсот седьмой, – обращаюсь я к Митьке, – я выделю тебе сопровождение. Лететь до аэродрома недалёко, но лучше перестраховаться.

– Буду только рад, – отвечает он. – Да и если грохнусь, хоть кто-то сможет это зафиксировать...

– Типун тебе! – перебиваю я. – Ваню, – обращаюсь я к командиру второго звена истребителей, – сопроводи шестьсот седьмого до аэродрома, далее по ситуации.

Митька добрался до аэродрома благополучно, и даже смог посадить машину, которая держалась в воздухе не иначе как чудом. Эвакуация спецназа прошла успешно. Никто из них не погиб, хоть раненых было предостаточно.

Истребители противника появились на радарх только тогда, когда последний штурмовик приземлился, но это были не Рэпторы, а остатки ВВС Южной Кореи, и сближаться с нами они не рискнули, лишь помаячив на приличной дальности.

Я же после приземления поплёлся в свою тесную, но уютную комнату офицерского общежития, чтобы принять души и идти на свидание, которого я так опасаясь.

Глава 3.4. Холодный разум и горячее сердце

Кирилл

Находясь в чужой стране в военное время, нам с самого начала пребывания здесь сильно ограничили возможности перемещения. По сути, все, куда мы можем ходить – это аэродром и военный городок, расположенный по соседству. В этом самом военном городке и находится общежития для военных, госпиталь, в котором я лежал, простенькие гостиничные номера для медперсонала, пара магазинов и целое множество жилых домов, в которых живут корейские военные с семьями. А ещё тут есть самый настоящий кафе-бар. Именно в него мы и договорились сходить с Алисой, и сейчас я как раз направляюсь туда, чтобы занять столик на двоих.

Бар, под названием “Бам неугда”, что переводится как “Ночной волк”, наши ребята тут же прозвали “Дам никогда”, что соответствовало действительности, ведь познакомиться с противоположным полом здесь было практически невозможно. А все, потому что он находится в военном городке, и женщин в таких местах обычно в несколько раз меньше, чем мужчин. Да и те в свою очередь уже чьи-то жены.

Этот самый бар не представлял собой ничего особенного – самая обычная местная кухня и не богатый выбор алкоголя, но другого просто не было, и за отсутствием лучшего, мы

вынуждены идти сюда.

Я занял угловой столик, заказал себе местный самогон – корейский аналог виски, чтобы немного справиться с нервами, и принялся ждать. Время тянулось, как назло, ужасно медленно, и я решил написать Лани. Обычно мы созваниваемся гораздо позже, но надо было предупредить, что я до самого вечера буду занят. Она тут же ответила, что ничего страшного в этом нет, и завалила меня целой кучей целующих смайликов. На душе стало ещё паршивее. Все идёт не так, как должно. Во-первых, приходится врать Лани, во-вторых, моя месть Рэпторам опять откладывается, в-третьих, война затягивается, а наша роль в ней становится незначительной.

Я снова тянусь к телефону, чтобы посмотреть время, и в этот момент появляется Алиса, и выглядит она, как всегда, потрясающе.

Скромное, но изящное оранжевое платье, которое она умудрилась где-то раздобыть, сидело на ней идеально, но совершенно не вязалось с привычной для этих мест манерой одеваться. Персонал и немногочисленные посетители бара, как и все консервативные корейцы, уставились на Алису с сомнительным неодобрением, но при этом глаз отвести не могли. Немая сцена эффектного появления длилась всего несколько секунд, но вызвала вокруг целый фурор. Алису же окружающее нисколько не смутило, и она, отыскав меня взглядом, направилась ко мне, как ни в чем не бывало.

– А ты любишь рыжий цвет! – шучу я, медленно поднимаясь с места в знак приветствия. – Привет. Выглядишь сногшибательно!

– Привет! – поднимая ладонь в знак приветствия, отвечает она. – Спасибо! Да, красный, как и все его оттенки – мои любимые цвета. Психологи утверждают, что это признак психического расстройства, но это не так! – Алиса делает безумные глаза, придавая комичность своему высказыванию. – А тебе идёт форма. Но капитанские погоны тебе будут идти больше! – меняет тему она и, подмигнув, садится напротив.

– Да уж, комэск в звании старшего лейтенанта – это нонсенс, – озвучиваю свои мысли я. – Давно хотел спросить. Ты разбираешься в авиации, в военных званиях, моментально находишь общий язык с солдатами и офицерами. Как?

– Хм... – прищуривается она. – Я думала, ты давно догадался. Мой папа лётчик. Ну, в смысле был им.

– Ух ты! – удивляюсь я. – Может я его знаю?

– Пожалуй, знаешь, – играя в шутливую задумчивость, говорит она. – Вообще-то это большой секрет, но раз уж мы с тобой теперь соучастники преступления, можно сказать банда, – она намекает на её помощь в прохождении медосмотра, – то тебе положено это знать. Он генерал авиации.

– Меньшов Константин Александрович! – догадываюсь я, вспоминая фамилию Алисы. – Вот это да. Большая честь!

– Надеюсь, ты не будешь относиться ко мне из-за этого

как-то по-другому и никому не расскажешь. Сам понимаешь, лишнее внимание мне ни к чему.

– Угу, без проблем! – киваю я.

В этот момент подходит официант, который немного говорит по русски. Как я понял обчно в подобных заведениях КНДР заказ делается у бара, но из-за рускоязычного контингента в помощь наняли человека, знающего русский язык. Мы делаем заказ – я снова беру самогон, а Алиса вино и какое-то местное блюдо из риса и боюсь предположить из чего ещё.

– А твой папа тоже лётчик? – продолжает тему она, когда нам принесли напитки.

– Да, – морщусь я из-за не самой приятной темы, – он был лётчиком. Истребителем. Я пошёл по его стопам, – проговариваю я, и делаю большой глоток из своего стакана.

– Классический случай, – оценивает она и тоже прикладывает к бокалу с вином. – А почему был? – не унимается Алиса.

– Он погиб в авиакатастрофе, когда я был ещё подростком.

– Прости, я не хотела... – она кладёт свою руку на мою в знак извинения за грустные воспоминания. – Мне очень жаль.

– В нашей профессии это не редкость, – морщусь я.

– Да, я слышала, что произошло с вашим бывшим комэском. Насколько я знаю, вы были очень близки.

Не знаю, что на меня подействовало – алкоголь или то, что Алиса хороший собеседник и слушатель, но я начинаю рассказывать о Титаренко. О том, как я попал в его полк, как он принял меня в свою эскадрилью, как заботился обо мне и делал из меня настоящего лётчика и человека, как не раз заступался за меня и давал мудрые советы. Алиса слушает внимательно и все понимает. Она не осуждает меня, что я десять минут к ряду рассказываю о незнакомом ей, но очень дорогом для меня человеке.

– И теперь я не успокоюсь, пока не встречу в воздухе этого мерзавца на его дорогушем самолёте и не отправлю в последнее в его жизни пикирование! – завершаю свой рассказ я.

– Теперь я понимаю, почему ты попросил меня подменить результаты медкомиссии. А я сдуру решила, что ты боишься потерять своё новое назначение комэска. Извини меня.

– Ничего страшного. Со стороны это, наверное, так и выглядит. Но я не могу ни о чем другом думать, кроме мести. А нам, как назло, не дают возможности поквитаться с Рэпторами. И знаешь, в первые дни войны мне было тяжело думать, что каждая пущенная мной ракета может отобрать чью-то жизнь, а теперь я горю желанием поквитаться и, если надо, убить ту сволочь.

– Кирилл, мне кажется, ты одержим мыслью о мести. Она заполнила твоё сознание, и ты не оцениваешь ситуацию. Я никогда не видела тебя таким дёрганным и нетерпеливым.

Иногда мстить с горячим сердцем – достойный поступок, но тебе надо иметь еще и холодный разум. Иначе ты свихнёшься. Ты готов на все ради этого, но не рассматриваешь вариант, когда можешь проиграть в этом поединке. Тебе нужно как следует подготовиться и все продумать перед встречей с тем асом, – глядя мне прямо в глаза, говорит она, и я осознаю, что уже не избегаю её взгляда, а даже наоборот. Эта девушка в мгновение стала мне очень близкой. Надо всерьёз задуматься над её словами. Я, действительно, позабыл обо всем на свете, ослеплённый желанием отомстить. – Кирилл, в этом мире очень мало по-настоящему хороших людей. И если ты погибнешь, то в нем станет ещё на одного такого человека меньше.

Я разваливаюсь в кресле, не отводя взгляда от Алисы. А ведь она говорит от чистого сердца. Похоже, я ошибался на счёт неё. И мне ни разу за все время общения с ней не пришло в голову спросить про её прошлое или хотя бы просто поинтересоваться, как прошёл день. Невежливо с моей стороны. Она-то постоянно меня обо всем спрашивает.

– Ладно, сколько можно говорить обо мне? – меняю тему я. – Какая твоя история? Готов спорить, что ты не похожа на других генеральских дочек. Расскажи про себя.

– Что ты имеешь ввиду? – недоверчиво шурится она.

– Расскажи про своё детство, как и где ты училась и как попала сюда, – пожимаю плечами я.

– Ну, даже не знаю с чего начать. Да и рассказчик из меня

не очень, – скромничает Алиса.

– Начни с начала, а на счёт твоей сноровки, как рассказчика, решать мне.

Алиса на секунду задумалась, но, сделав пару больших глотков вина, начала рассказ. По её словам, она, сколько себя помнит, была папиной дочкой. Все её друзья в детстве были мальчишки, а куклам она предпочитала машинки и, конечно же, самолётики. Ей всегда было интереснее проводить время с отцом, чем с мамой, ведь он брал её с собой на рыбалку, учил стрелять из пневматики по консервным банкам, давал водить автомобиль, посадив на колени, ну и, конечно, брал с собой на аэродром, где в небе носились юркие и быстрые истребители. В детстве она тоже мечтала стать летчицей и управлять самым быстрым самолётом в мире, летая как папа, но чем взрослее она становилась, тем больше понимала, что это невозможно. После этого все, чем она начинала увлекаться, либо оказывалось мужским занятием, либо обзывало иметь стопроцентное здоровье. Мечты стать гонимой, космонавтом, спортсменкой и тому подобное разбивались одна за другой. Когда Алиса училась в старших классах, она полностью разочаровалась во взрослой жизни. И все потому что для девушки в ней сплошная скука. Ходить по клубам или бутикам она не любила, да и все развлечения, которые предпочитали её сверстницы, для Алисы были безынтересны. Ну, а когда подошло время выбора будущей профессии, отец предложил ей поступить в медицинский институт.

Спасать жизнь и здоровье людей, как он говорил, очень благородное и интересное занятие. Алиса увлеклась этой темой и стала готовиться к поступлению в ВУЗ. Из всех медицинских направлений не она хотела заниматься ни чем иным, кроме хирургии. Только на первом курсе она узнала, что после окончания института по специальности “лечебное дело” надо будет ещё два года учиться на хирурга. И даже после этого, прежде, чем тебя допустят до самостоятельных операций, надо несколько лет отработать в интернатуре и ассистентом хирурга. Для непоседливой натуры Алисы это было чересчур. Но, стоически все это преодолев, она окончила институт и попала по распределению в одну из московских больниц.

И когда она проработала в этой самой больнице уже два года, и ей казалось, что вся её жизнь будет такой же скучной и безынтесной, но, к счастью, ей подвернулась возможность полететь в Корею. Она уцепилась в эту идею и рассказала отцу. Он, конечно, попытался отговорить её, убеждая, что это может быть опасным, но опасность её и привлекала. В итоге отец дал добро, и она оказалась здесь.

Весь вечер мы болтали обо всем на свете, с удивлением заметив, что уже полночь. Расходиться совершенно не хотелось, но ей завтра рано вставать на работу, а мне на службу. И хоть, полётов на завтра не запланировано, нельзя быть не выспавшимся.

Алиса пыталась убедить меня, что она должна оплатить

свою часть счета, но я напомнил ей, что это свидание, и она отступилась. После я пошёл провожать её до здания гостиницы, в которой расквартировали российских врачей.

– Кирилл, я очень хорошо провела время! – остановившись перед входом, заговорила она. – Я нисколько в тебе не ошиблась, и ты действительно очень хороший.

– А вот я побаивался этого свидания, – признаюсь я.

– Почему? – искренне недоумевает она. – Неужели ты думал, что я буду шантажировать тебя или склонять к чему-то недостойному? Например, к интиму? – она одаривает меня своей хищной и убийственно сексуальной улыбкой.

– Честно говоря, так я и думал. Но повторюсь, я в тебе сильно ошибся. Ты замечательная, разносторонняя и умная девушка. И хорошо, что мы все выяснили на счёт твоих намерений, – подвожу итог я.

– Действительно хорошо! – подтверждает она. – Ну что, зайдёшь на чашку кофе?

– Эээ... что? Мы же... – мямлю я, когда понимаю, что она меня разыгрывает. – А ты жестокая! – смеюсь, оцениваю её шутку.

– Но могу быть и нежной! – подмигнув, отвечает она, целует меня в щеку на прощание и уходит, оставив переваривать происходящее.

Заходя в дверь, она оборачивается и ловит мой взгляд, который совершенно непонятным образом был устремлён ниже её талии. Она снова улыбается, и ещё более усиленно ви-

ля бёдрами, скрывается за дверь, не оставив мне иного выбора, как сгорать со стыда по дороге в общагу.

Глава 3.5. Месть

Кирилл

Ширина взлетно-посадочной полосы нашего аэродрома позволяет совершать взлет сразу парами. Это очень кстати, когда счет идет на секунды, как сейчас. Поэтому два дежурных звена во главе со мной один за другим поднялись в воздух, но высоту набирать не стали, а наоборот, прижавшись к земле, собрались в очень плотную группу и двинулись в сторону юга.

Семь минут назад станции дальнего обнаружения засекали четверку самолетов, взлетевших с аэродрома Южной Кореи. Именно на этом аэродроме базируются те самые Рэпторы. Да и информация, полученная от радиотехнических войск, подтверждает то, что взлетели ни кто иные, как истребители, оборудованные технологией стелс, а значит это точно F-22. Встречу с ними я жду уже две недели и хорошо к ней подготовился. Я долго просчитывал варианты развития событий, думал, как применить сильные стороны наших самолётов и как использовать слабые стороны Рэпторов. В итоге я пришел к выводу, что единственная наша возможность победы – это вынудить противников вступить в ближний маневренный бой. Они, конечно, попытаются не допустить этого и поспивать нас с большой дистанции, пока наши низкочастотные радары их не видят, а ракеты не могут захватить цель.

Поэтому мой замысел таков: используя рельеф местности, укрываясь ущельями гор, подобраться к ним как можно ближе. Корейский полуостров не велик. От Сеула до Пхеньяна всего двести километров по прямой. Поэтому, тщательно изучив топографию, я пришел к выводу, что сблизиться с врагом вполне реально. Конечно, нам не удастся оставаться незамеченными на всем пути сближения, но для этого мы и летим плотным строем. Даже когда мы появимся на радарх американцев, они будут видеть одиночную неопознанную цель, а не четыре истребителя. Но идти на малой высоте над территорией противника более чем небезопасно. Поэтому, как только мы пересечем линию фронта, нам придется покинуть наше “убежище” и начать набор высоты. По моим прикидкам, в этот момент до противника останется восемьдесят-девять километров, а по оценкам аналитиков этого расстояния уже должно хватить для того, чтобы наши радары смогли “увидеть” истребители стелс. Единственной проблемой остается набор высоты для ближнего боя, ведь Рэпторы будут ждать нас с приличным превышением.

Лететь в плотном строю – очень сложная задача и на многих типах самолётов практически невыполнимая. Тем более в гористой местности на малой высоте. Именно поэтому сейчас со мной летят трое самых опытных летчиков из моей эскадрильи. “В итоге четвёрка Су-35 против четвёрки F-22”, – мысленно подвожу итог я. Многие бы сказали, что расклад сильно не в нашу сторону, но не я.

Облизывая местность, идя чуть ли ни на бредущем, мы сохраняем радиомолчание. Я бросаю взгляд в зеркало и вижу, как Влад, держа дистанцию в пару метров справа сзади от меня, предельно сосредоточен. Ещё бы. Малейшая неточность приведёт к столкновению. Слева Ваню делает то же самое. А вот и линия фронта впереди. Двигаться на малой высоте больше небезопасно. Я командую разомкнуть строй и на форсаже начать набор высоты. Двигатели взревели, выдавая максимальную мощность, и я тяну ручку управления самолётом на себя. Горы, нависающие над нами, резко поползли вниз, уменьшаясь в размерах, а стрелка высотомера быстро закрутилась, что хоть немного обнадеживало. Сейчас надо как можно раньше набрать высоту. Я бросаю взгляд на экран радара, и холодок пробегает по спине. Рэпторов не видно, а судя по моим расчётам до них должно быть не более восьмидесяти километров. Неужели просчитался? Чувство страха наваливается на меня от осознания, что мы у них как на ладони и даже не знаем, где они. Именно в этот момент радар отображает групповую цель в девятнадцать километров от нас, движущуюся пересекающимся курсом. Руки сжимают ручки управления крепче в предчувствии надвигающегося боя.

У каждого из нас есть по четыре ракеты ближнего и по две ракеты среднего радиуса действия, но пускать их по цели с такого расстояния и таким превышением – глупость, ведь ракеты будут на излете и, скорее всего, не смогут поразить

цель. Но я в срочном порядке приказываю всем отстреляться обеими ракетами среднего радиуса действия.

Подполковник ВВС США Джордж Дуглас.

С первого дня пребывания на корейском полуострове мне дали чёткие указания. Я, как командир эскадрильи истребителей F-22, должен организовать работу так, чтобы быстрыми и уверенными ударами завоевать господство в воздухе, что я и сделал. Не знаю, что там возомнили о себе русские, но теперь мы будем диктовать условия в этой войне. Никакой жалости к ним не будет.

В первом же бою мы им показали, как будем действовать. И пара сбитых нами самолётов – это только начало. Жаль, что времени было мало, и я не смог расстрелять парашют того пилота, что смог катапультироваться. Ещё десять-двадцать секунд задержки над чужой территорией, и нас сбили бы русские зенитчики. Но план операции был просчитан до мелочей и выверен до секунды. Именно поэтому нам удалось избежать потерь и уничтожить аэродром русских. В том, что он был уничтожен и неделю не мог работать, сомнений не было. Почему же ещё русские возобновили полеты только недавно?

Ну что ж, сегодня мы окончательно закрепим успех. План операции предельно прост. Мы отвлечем и собьем с большой дистанции их истребители, прикрывающие аэродром, а в это время военно-морские силы, учитывая ошибки прошлой

бомбардировки крылатыми ракетами, окончательно уничтожат аэродром русских со всей их допотопной техникой.

После сегодняшнего дня они уберутся обратно в свою дремучую страну, ведь воевать им будет больше нечем. Поговаривают, что после того, как мы прямо над аэродромом сбили пару русских истребителей, боевой дух среди лётного состава, мягко говоря, опустился ниже среднего. Что же будет после сегодняшнего боя?!

И вот мы занимаем высоту тридцать пять тысяч футов и начинаем ждать, когда появятся наши мишени, сканируя пространство в пассивном режиме, чтобы не выдавать себя раньше времени. Нашими «глазами» сейчас выступает самолет дальнего радиолокационного обнаружения, который держится на значительном расстоянии под прикрытием систем ПВО и передаёт нам данные по воздушной обстановке. Но проходит десять минут, а русских все нет. Неужели они испугались и решили даже не взлетать, предпочитая не встречаться с нами? Хотя стоп. На несколько мгновений радар засёк одиночную цель, двигавшуюся на малой высоте. Но цель тут же пропала и снова появилась на пару секунд в другом месте. По скорости движения и размеру пятна отражения бортовой компьютер охарактеризовал цель, как фронтовой бомбардировщик. Чертовски странно. Одинокий бомбардировщик, движущийся таким необычным образом. Ну да ладно, опасности он для нас не представляет, а отвлекаться на него мы точно не будем, ведь у нас совершенно иная задача

– перебить прикрытие аэродрома.

Да что же эти проклятые русские не взлетают? Может тактическая обстановка нам передается не верно и русские уже давно в воздухе. Я приказываю включить наши радары чтобы своевременно узнать о приближении противника, но на радаре пусто, а, судя по данным GPS, мы вплотную подлетели к линии фронта. Делаю левый вираж, меняя курс на девяносто градусов, когда мой ведомый неожиданно кричит: “Flankers!”. Фланкер – это общепринятое в НАТО название самолетов семейства Су-27. Я быстро перевожу взгляд на радар и вижу четыре отметки в пятидесяти милях от нас. Откуда они взялись? Думать времени нет, и я команду совершить разворот и в срочном порядке готовлю оружие. В этот момент русские совершают захват цели и пускают по нам ракеты. Черт возьми, все идет не по плану.

– Приготовиться к противоракетному маневру, – команду я своим.

Я сверяюсь с показанием приборов и немного успокаиваюсь. Подобная атака изначально малоэффективна. Ракеты русских скорее всего даже до нас не долетят, а если и долетят, то мы от них легко уклонимся. Похоже, их командир сам, увидев нас так близко, наделал в штаны и совершил эту атаку со страха. Наверняка они сейчас развернутся и дадут деру, подставляя свои хвосты нашим ракетам большой дальности, которые и покончат с незадачливыми вояками.

Все мои парни строят противоракетный маневр идеально,

как по учебнику, и атака восемью ракетами, оказывается совершенно неэффективной. Бедной в экономическом плане России надо бы беречь такие дорогостоящие ракеты, как эти, и не давать их подобным простофилям. Я выравниваю самолет, одновременно готовя к применению ракету большой дальности, но тут же замечаю данные по самолетам русских. За эти пятьдесят секунд они уже успели набрать высоту в тридцать тысяч футов и продолжают сближение. До них уже меньше шестидесяти тысяч ярдов. Похоже, они и не собираются отворачивать, а хотят атаковать снова. Самоубийцы!

Делаю быстрые расчеты и понимаю, что до встречи с ними осталось около минуты. Они хотят навязать нам ближний бой! Ну что ж, наши ракеты малого радиуса действия не хуже их. Разворачиваю эскадрилью навстречу русским. Им не удастся нас запугать. С их ведущим я покончу лично!

Кирилл

Американцы заглотили наживку! Пущенные нами с большого расстояния ракеты, лишь, раззадорили их командира, и теперь он обязательно захочет не просто уничтожить нас издали, а с особым цинизмом проучить русских, дерзнувших бросить им вызов. Возможно, ему даже захочется сойтись с нами в ближнем бою, чтобы наслаждение от победы было ещё большим. Это подтверждается тем, что они продолжили сближение, не обращая внимания на давно пройденное расстояние эффективного пуска ракет средней даль-

ности. Тридцать километров до противника, двадцать, пятнадцать, десять. Пора начинать действовать.

– Ваню, Саня, действуем, как планировали, – командуя я, когда на горизонте стали различимы точки истребителей противника, быстро растущие в размерах.

Вторая пара немедленно расходится в разные стороны. Ваню набирает высоту, заранее готовясь спикировать и зайти им в хвост, когда они проскочат мимо. А Саня сейчас играет роль «удобной мишени». Он начинает вираж влево, условно подставляя свой хвост противнику, но на самом деле он, завязывая бой на наших условиях. Мы же с Владом идём по центру, готовые среагировать в любую секунду и прийти ему на помощь и неприятно удивить американцев, погнавшихся за Саней.

Противник реагирует мгновенно. Ведомая пара тут же отделяешься от пары ведущей, и начинает разворот, чтобы зайти Саню в хвост и покончить с ним.

– Влад, давай за ними! – я отдаю команду своему ведомому, чтобы он пустился на помощь Саню.

Сам же я решаю выйти в лоб паре командира противника. Скорость сближения на встречных курсах огромна! Рэпторы держат около семисот километров в час. Я же, теряя энергию на набор высоты, иду с чуть меньшей скоростью. Ещё тридцать секунд, и мы сойдёмся на встречных курсах, что означает возможность использовать пушечное вооружение. Лишь бы командир американцев не передумал идти в лобо-

вую и не пустил по мне ракету. В такие моменты, как сейчас, от навалившейся ответственности чувство реальности притупляется. Создаётся ощущение, что все происходит не с тобой, а с кем-то другим за кем ты наблюдаешь как бы со стороны. Но при всём при этом думать и действовать получается даже быстрее, чем обычно. Немалую роль в этом играет опыт, ведь большинство действий отточены до автоматизма. Не надо соображать, какую педаль нажать, и какой режим выбрать. Все происходит само собой. Тем временем я вышли на заданную высоту и сейчас сближаюсь со звеном командира американцев на строго встречных курсах. Расстояние до них уже около семи километров, а значит, он приняли вызов и согласен на ближний маневренный бой. Напряжение растёт с каждой секундой. В эфире стоит тишина, ведь каждый из моих товарищей сейчас занят своим делом и сосредоточен не меньше меня. Когда до противника остаётся четыре километра, я уже хорошо вижу их ведущего и ловлю прицельной маркой его самолёт. Ещё десять секунд, и можно открывать огонь. Тут главное выбрать правильную дистанцию и не начать атаку раньше времени. Но и опаздывать нельзя, ведь противник может открыть огонь вовремя. И в этот момент я вижу, как от самолета их командира отделяется точка и начинает нестись в мою сторону. Рефлексы срабатывают раньше, чем я осознаю, что произошло. Левая нога до упора топит педаль, левая рука плавным, но быстрым движением уменьшает тягу двигателя почти до минимума, пра-

вая рука тянет ручку управления на себя и рывком отклоняет в сторону. В это же мгновение горизонт с огромной скоростью начинает вращаться по часовой стрелке, и я выпускаю тепловые ловушки. Невыносимая боль пронзает не до конца зажившую рану, будто кто-то вонзил в грудь раскалённый кинжал, и сейчас с особой жестокостью проворачивает его прямо внутри меня. В глазах темнеет, и хочется прекратить пытку своего организма, но этого делать нельзя. Сейчас прекратить маневр – равносильно смерти. Теперь становится ясно, почему меня не хотели допускать до боевых полётов. Первая же серьёзная перегрузка чуть не прикончила меня, но все же я цел. Только в этот момент приходит осознание того, что произошло. У американца сдали нервы, и он пустил по мне ракету с тепловым наведением. Именно для этого я убавил газ, уменьшая тепловое пятно, исходящее от двигателей. Для физиологии человека левые манёвры гораздо более просты, чем правые, поэтому я крутанул самолёт влево, совершив косую бочку или, как её ещё называют, «Ухо».

Ракета проносится мимо, так и не разорвавшись. Если её пустили с такого маленького расстояния, значит, у неё хватит топлива и кинетической энергии чтобы развернуться и атаковать снова. У меня есть пять-десять секунд. Но до американца всего километр, и я ещё успеваю применить по нему пушечное вооружение.

Я спешу выровнять самолёт, добавляю тягу и ловлю в прицеле противника. Неизвестно откуда появилось странное

чувство в животе. Чувство сомнения в успехе и правильности моих действий. Но тут же я как будто ощутил чьё-то прикосновение к плечу, и в голове прозвучал знакомый голос: «У тебя все получится! Я верю в тебя!». И мне прекрасно известно, чьи это слова и чей голос возник в моем подсознании, ведь это сказала мне Лани, когда мы гонялись с Антоном на скутерах во Вьетнаме. Мощный заряд уверенности в себе очищает голову от всех сомнений. Теперь надо закончить начатое. На все про все у меня пара секунд, но ощущение времени как будто замедляется, а моя рука тверда, как никогда. Слившись с истребителем в единое целое, в последнее мгновение нажимаю гашетку и даю короткую очередь. Пушка возмущённо фыркает, посылая в неприятеля десяток тридцати миллиметровых снарядов. Пара из них точно ложатся в кабину летчика, разбивая зеркальное бронестекло фонаря. Пронесаясь мимо на огромной скорости, краем глаза успеваю заметить тот самый номер на борту самолёта, что расстрелял Титаренко – НН001. Пилот в противоперегрузочном костюме и шлеме. Рассмотреть его невозможно, но и так видно, что голова завалена в сторону. Он мертв, но жалости к нему я не испытываю. С удовольствием всадил бы ещё одну очередь в труп этого мерзавца, но это, к сожалению, невозможно. Ведомый командира противника, летящий несколько позади него, запоздало открывает по мне огонь из пушки, но его очередь проходит сильно в стороне. Похоже, прицелиться, как следует, он не успел.

Но обдумывать это сейчас нет времени. Ракета пущенная по мне уже наверняка развернулась и сейчас атакует в заднюю полусферу. От такой атаки увернуться сложнее всего. Почти невозможно. Я перевожу взгляд на небо, словно ища там подсказки, но вижу только белый диск солнца прямо передо мной. Точно! Ещё в училище нам рассказывали про этот трюк. Если ракета с инфракрасной головкой самонаведения атакует сзади, то её можно обмануть, направив свой самолёт на солнце. Она потеряет след от двигателей и выберет целью горячее солнце. Так и делаю. Тяну ручку на себя, летя точно на солнце, уменьшаю тягу двигателей до минимума и выпускаю тепловые ловушки. В эту же секунду слышу разрыв где-то позади и облегченно выдыхаю. Ракета ушла в ловушки, где и сработала, не причинив моему самолёту вреда.

Дальнейший бой, был скоротечный и крайне жестокий. Ваню обрушился сзади сверху на ведомого их командира, который только что обстрелял меня и пронёсся мимо. Янтбелидзе Иван очень опытный лётчик-истребитель и заслуженно считается ветераном. Если противник попал ему в прицел, то, уйти от него целым, шансов практически нет. Короткой очередью он расправляется с Рэптором. Влад, действует менее тонко. Хотя он и зашёл в хвост второй паре противников, преследующих Саню, он не теряет время на сближение, чтобы не подставлять товарища под удар, ведь американцы могут открыть огонь в любую секунду. Пуском ракеты с ин-

фракрасной головкой самонаведения в хвост противнику, он уничтожает одно преследователя и отгоняет в сторону второго, который оставшись в одиночку против четверых, срочно пытается покинуть бой, но, по сути, становится удобной мишенью для меня.

Агрессивный вираж максимальный по тяге, вырвавшийся от боли стон, захват цели, пуск ракеты. Последний Рэптор отправляется догорать на землю. Я облегченно выдыхаю и ловлю себя на том, что руки и колени немного потряхивает. Добавив подачу кислорода, делаю пару глубоких вдохов, приводя нервы в порядок. Весь бой занял едва полминуты – минуту, но по интенсивности и утомлению не уступал предыдущим сражениям, где мне довелось участвовать.

– Три сотни первый, – прерывает мои раздумья оператор с земли, обращая ко мне по бортовому номеру. – Срочно следуйте курсом ноль-три-пять. Флот США совершает массовый пуск крылатых ракет. Ваша задача проредить рой Томагавков. На данный момент мы засекали шестьдесят четыре запуска!

Все ясно! Рэпторы были лишь отвлекающим маневром. В прошлый раз наша ПВО, прикрывающая аэродром, худо-бедно справилась с отражением бомбардировки, но в этот раз американцы крылатых ракет не пожалели и запустили вдвое больше Томагавков. С этим Панцири, стоящие на дежурстве, могут не справиться.

Собираю эскадрилью и даю своей Сушке полный газ,

мчась на перехват крылатых ракет. Двигатели, работающие на полной мощности в считанные секунды разгоняют нас до скорости одного маха. При прохождении барьера скорости звука резко становится тихо. Теперь мы летим быстрее, чем звук и шум от работы двигателей просто не догоняет нас.

Радарные станции, установленные на наши Су-35С, гораздо превосходят те, что были на Су-27, и рой Томагавков мы замечаем аж за двести километров. Но ракет средней дальности у нас не осталось, а те, что есть можно пускать, лишь, с тридцати километров. Поэтому придётся сблизаться.

На четверых у нас осталось всего двенадцать ракет, но это хоть что-то. Сближаемся и совершаем пуски. Крылатые ракеты не имеют тепловых ловушек и не могут интенсивно маневрировать. Поэтому двенадцать томагавков уничтожаются нашими ракетами ближнего радиуса действия.

– Атакуем крылатые ракеты из пушек! – командую я, и мы пускаемся вдогонку.

До подлёта томагавков к аэродрому было около пяти минут. За это время пушечным огнём мы смогли сбить ещё шесть ракет. Но когда они вошли в зону ответственности наших сил ПВО, я приказал набрать высоту чтобы случайно не попасть под дружественный огонь. Комплексы ЗПРК Панцирь-С1 принялись за дело и начали методично сбивать Томагавки пусками ракет. Когда ракеты на Панцирях закончились, а оставшиеся томагавки подлетели ближе, заработали спаренные противозенитные пушки. И тут я вижу взрыв. Но

не на аэродроме, а где-то рядом. Все ясно. ПВО-шники, не справляясь со всеми крылатыми ракетами, выбрали приоритетными целями те, что были направлены непосредственно на аэродром. С высоты рассматриваю место взрыва и с ужасом осознаю, что это госпиталь, в котором я лежал. “Фашисты!” – проносится в голове. Кому это в голову пришло бомбить госпиталь? Или американцев подвела разведка, и они не знали, что навели ракеты на больницу. Но есть возможность, что они знали, что в этом госпитале лечат раненых российских военнослужащих, в том числе пилотов.

Бросаю взгляд на монитор радара и вижу, как пара отметок, обозначающих крылатые ракеты, обошли по широкой дуге аэродром и направлены в сторону военного городка и частично разрушенного госпиталя.

– Эскадрилья, делай как я, – командую своим парням и закладываю вираж со снижением, заходя паре Томагавков наперерез.

Снижаясь, понимаю, что крыло госпиталя, где находились процедурные кабинеты, в том числе СПА, сильно пострадало, а из главного выхода тянется вереница людей, срочно покидающих поврежденное здание. Если ракеты не будут сбиты, то пострадает огромное количество людей.

– Задача – уничтожить пушечным огнем крылатые ракеты противника и не допустить потери среди гражданских, эвакуирующихся из повреждённого здания госпиталя, – отдаю приказ я и устремляюсь на перехват крылатых ракет, наде-

ясь, что Алиса с Василием Петровичем не пострадали.

Сейчас я просто не имею права промахнуться. От того, попаду я или нет, не зависит моя жизнь или жизни сослуживцев. От этого зависят жизни всех тех, кто не успел эвакуироваться или отойти на безопасное расстояние от госпиталя. Ракеты уже можно рассмотреть невооруженным глазом, и я накладываю прицельную марку на несущийся Томагавк. Задерживаю дыхание, беру упреждение и даю очередь. Мгновение ничего не происходит, но вот ракета пускает облако дыма, делает неестественный переворот и падает в лес за пару километров от нас. Ищу глазами вторую ракету, и в этот самый момент Влад и Ваню одновременно открывают по ней огонь. Ракета тут же взрывается в воздухе, так и не долетев до своей цели, а мы проносимся над эвакуирующейся толпой, на минимальной высоте.

Глава 3.6. «Гора с плеч»

Лани

Сказать, что у меня болит голова – ничего не сказать. Ощущение, что от виска до виска натянули раскалённую добела струну, прожигающую мозг каждый раз, когда я пытаюсь пошевелиться. Очень аккуратно, даже с опаской, открываю глаза. Утренний свет, льющийся из окна, безжалостно бьет по глазам, и я инстинктивно отворачиваюсь. Ой, лучше бы я этого не делала. Мозг обжигает очередной, особенно сильной вспышкой боли, и я решаю больше не рисковать понапрасну, закрываю глаза и собираюсь попытаться снова уснуть. Как я вчера вернулась домой с девичника Ленки, хоть убейте, не помню.

Какая неудобная у меня подушка. Что это с ней случилось? Аккуратно, чтобы не потревожить больную голову, тянусь к ней и понимаю, что это вовсе не подушка, а моя кофта, свернутая в комок. Странно. Ещё раз приоткрываю глаза и упираюсь взглядом в стену, обитую вагонкой. Я что не дома? Думать сложно, но я пытаюсь вспомнить вчерашний день.

Так, мы с другими Ленкиными подружками, решили устроить девичник за неделю до её свадьбы с пятницы на субботу. Местом проведения единогласно был выбран ночной клуб. Мы какое-то время потусили в клубе, но потом девчонкам захотелось в сауну или караоке, и кому-то при-

шла в голову идея, что можно снять загородный коттедж на ночь, где будет и то, и другое. Так и сделали.

Фуф! Все встаёт на свои места. Я немного перебрала и заснула в одной из комнат коттеджа. Что ж, все не так плохо, и можно ещё поспать.

Второй раз просыпаюсь из-за того, что кто-то нежно, но настойчиво трясёт меня за руку. Открываю глаза и вижу Ленку со стаканом воды, в которой что-то шипит.

– Не думала, что мы когда-нибудь поменяемся ролями, и я буду отпаивать тебя с похмелья аспирином, – почёсывая голову, на которой ещё читаются остатки вчерашней причёски, говорит она и пытается улыбнуться.

– Лен, ты как никогда кстати, – говорю я и тянусь трясущимися руками к вожделенному стакану с шипящей таблеткой.

– Давай пей и поднимайся. Через час надо коттедж сдавать, – говорит Ленка, выходя из комнаты. – И сопелку своего выгоняй! – повышая голос, добавляет она уже из коридора.

Я жадно прикладываюсь к стакану с солоноватой от растворившейся таблетки водой, обдумывая, что Ленка имела в виду. Какого ещё сопелку? Ставлю пустой стакан в сторону и аккуратно ложусь обратно, когда слышу какой-то звук похожий на тихий храп. Глаза расширяются от ужаса, и я аккуратно поворачиваю голову в сторону. Рядом со мной лежит полуголый накаченный мужчина, тихо посапывая.

Ударная порция адреналина прочищает большую голову лучше всякого аспирина. Я подскакиваю с кровати, как заправский атлет, и пулей вылетаю из комнаты. Как я могла так напиться, что легла спать с каким-то мужчиной? Между нами точно ничего не было, но сама мысль, что я спала с ним в одной кровати – уже дикость. Или было? Иначе как объяснить, что со мной лежит полуобнаженный мужчина. Думай, Лани, думай!

Так, все началось в клубе. Мы танцевали, пили какие-то модные коктейли и много смеялись. Но никаких мужчин не было. И зачем я согласилась пить эти коктейли? Ведь хотела же купить бокал вина и ограничиться этим, но когда сказала это девчонкам, меня дружно подняли на смех. Под давлением общественного мнения, я согласилась и, как мне тогда показалось, коктейли типа Лонг-Айленд и Пина Колада оказались очень приятными на вкус, но, как выяснилось позже, ещё и очень коварными. Ведь за вкусными сиропами и ликерами скрываются крепкие ром и водка. Так что к третьему коктейлю меня уже неплохо несло.

Далее все как в тумане. Девчонки залипли в телефоны в поисках подходящего коттеджа, потом такси, и долгая поездка куда-то в область. По пути мы заехали в магазин и закупились выпивкой и нехитрой закуской. К моменту приезда в коттедж я уже немного отрезвела, но виски с колой и последующий поход в сауну довершили начатое в клубе, и я окончательно ушла в зазеркалье.

Надо срочно узнать, что было дальше, и как в моей кровати оказался голый мужик. И узнать я могу это только у Ленки. Поэтому я отправляюсь на её поиски.

Я нахожу подругу на первом этаже, сидящей в одиночестве на диване перед телеком. Она задумчиво прижимает холодную бутылку минералки ко лбу, смотря куда-то мимо телевизора. Похоже, и она переживает не слабое похмелье, но увидев мое обеспокоенное лицо, поднимает взгляд.

– Лена, – наверное, впервые, обращаюсь к ней полным именем чтобы подчеркнуть серьёзность разговора, – откуда у меня в кровати голый мужчина.

– Ууу, дорогуша, да ты ничего не помнишь, – оживает она. – Вы с девчонками решили устроить мне подарок и вызвали двоих стриптизеров.

– Что мы сделали? – в ужасе переспрашиваю я.

– Именно то, что слышала, – медленно кивая, подтверждает она. – После программы, которую они мне устроили, мы все пошли танцевать. Вот тогда-то вы и зацепились с ним языками, болтая о танцах. Он показывал тебе какие-то движения, потом я на минуту отвернулась, а вас и след простыл.

От удивления держась за голову, я сажусь рядом с Ленкой. Как я могла вести себя подобным образом, не укладывается в голове. И ведь все проблемы можно решить, просто вспомнив вчерашний вечер, но в голове нет ни одной идеи, что же там произошло.

– Не видела сама, но девчонки говорили, что, поднимаясь

по лестнице, вы держались за руки и он пытался тебя поцеловать, – продолжает Ленка.

От услышанного к горлу неожиданно подступает тошнота, и я бегу в туалет, так и не дослушав Ленку. После процедуры прочистки желудка появилась острая необходимость почистить зубы. И это вызвано скорее фактом поцелуя с незнакомым мужчиной. Я оглядываюсь по сторонам и вижу полуразваленный тюбик какой-то зубной пасты. Щетки нет, но в подобной ситуации и палец сойдёт.

После трёх чисток зубов я как следует сполоснула рот и решила пойти в свою комнату, расспросить о вчерашнем у стриптизера. К моему счастью, он уже проснулся и даже оделся.

– Прошу прощения, – застенчиво говорю я, заходя в дверь.

– О! Спящая красавица! – приветствует он меня.

– Мне очень неловко, но я должна спросить. Как мы оказались в одной кровати?

– Здравсте! – разводит руками он. – Мы весь вечер целовались, и я уже думал, что дело движется к логическому завершению, вот и привёл тебя сюда. А ты что, ничего не помнишь? – ухмыляется он.

Катастрофа! Внутри все как будто обрушивается. Логическое завершение – это, конечно, секс. Все, бросаю пить. Во всяком случае, без Рила. С ним как-то получается держать себя в руках.

– И что, – проглотив комок, подошедший к горлу, выдавливаю из себя я, – мы переспали?

– Вот именно! – ухмыляется он. – Мы спали. Ты уснула, и мне не оставалось ничего больше, как тоже лечь рядом.

Выражение «гора с плеч» – это точно про меня. Значит, только целовались. Конечно, если задуматься, то и это не допустимо, но могло быть намного хуже.

– Обычно я так себя не веду, – признаюсь я.

– Да ладно, это я тебя подбил на поцелуи. Ты была очень пьяна, и я решил, что ты легкая добыча. Но, к моему огорчению, ты только и говорила про какого-то, – он морщится, пытаюсь вспомнить, – Рила, кажется.

– Да, мы встречаемся, – подтверждаю я.

– Ну, так вот, ты сказала, что не умеешь целоваться, и я предложил тебя научить. Собственно говоря, на этом все.

Из комнаты я вышла даже немного радостная. Конечно, я накосычила, но по сравнению с тем, что я себе успела напридумывать, это мелочи. Поэтому я сразу же решила позвонить Рилу и обо всем рассказать. Дозвониться до него сразу не получилось, и, когда я уже отчаялась услышать его, он сам мне перезвонил. Сначала я не хотела вдаваться в подробности и рассказывать про поцелуи и так далее, но услышав веселый и жизнерадостный голос Рила, слова сами потекли рекой, и я выложила все как на духу. Он слушал молча и ни разу не перебил, а когда я закончила рассказ, повесил трубку и больше не отвечал на звонки.

Глава 3.7. Воздушная тревога

Алиса

В свой обеденный перерыв я, как это уже вошло у меня в привычку, отправилась поплавать в бассейне. Водные процедуры я стараюсь не пропускать и дважды в день, в середине дня и вечером, хожу в СПА центр. Раз уж есть такая возможность – бесплатно посещать процедуры, то почему бы не воспользоваться этим?

Сигнал воздушной тревоги застал меня, когда я уже возвращалась в хирургию. От неожиданно громкого звука я замерла на месте, но поняв, что он означает, ускорила шаг по безлюдному коридору, соединяющему здание госпиталя и крыло СПА. Грохот взрыва пришёл неожиданно, и тут же по ушам сильно ударила взрывная волна. В этот же момент окна брызнули осколками стёкол, коридор наполнился пылью, и я невольно упала, сильно ударяясь головой о стену.

Сколько я так провалялась, не ясно. Может секунду, а может несколько минут. Но первое, что бросилось в глаза – это как сильно пострадало помещение. Оконные рамы хищно скалились острыми обломками стёкол, повсюду грязь и пыль, белый потолок местами осыпался. А самое ужасное, что, кроме пронзительного писка в ушах, я ничего не слышу. Судорожно прокашлявшись, ватными пальцами аккуратно дотрагиваюсь до зудящего виска и ощущаю что-то скользкое.

Подношу трясущуюся руку к лицу и вижу на пальцах кровь. Видимо течёт из уха. Ну, видом крови меня не испугать, но осознание, что это кровь твоя вгоняет в небольшой ступор. Хотя стоп! Некогда мне тут валяться. Раз был нанесён авиаудар, то тут должны быть раненные ещё более серьёзно, чем я. Надо срочно им помочь! Но для начала выбраться из этого места. Не дай Бог, перекрытия обрушатся, или будет нанесен новый удар.

Продолжая кашлять от витающей вокруг пыли и дыма, выбираюсь на улицу через оставшийся от окна проем в стене. На улице тоже дым и пыль, но мне все же удастся несколько раз вдохнуть полной грудью и осмотреться. Похоже, сам госпиталь не пострадал, но вот от крыла со СПА процедурами остались одни дымящиеся руины. Кто же мог такое сделать? Кому пришло в голову бомбить госпиталь? Ища ответ, поднимаю голову к небу и вижу четыре маленькие точки, быстро растущие в размерах. Почти сразу я узнаю в них истребители. Наши истребители. И они по кому-то стреляют из пушек. Что-то взрывается в небе, и я понимаю, что госпиталь был атакован крылатыми ракетами, как в прошлый раз это произошло с аэродромом, находящимся по соседству. Но только в этот раз истребители все же пришли на помощь и сбили как минимум две ракеты, нацеленные на нас. После успешной атаки истребители, построившись в общий строй, пронеслись прямо надо мной под грозный хорал реактивного гула, который был слышен даже сквозь шум в ушах. Они

шли на очень малой высоте, и я смогла разглядеть бортовой номер ведущего 301.

– Рил! – прошептала я одними губами. – Спасибо, соколик мой!

Дальше я увидела людей, выходящих из пострадавшего здания и, несмотря на головную боль и тошноту, хромая, направилась к ним. Первым делом нашла Василия Петровича и, следуя его указаниям, принялась помогать раненым, которых десятками выносили из госпиталя. Попутно я рассказала ему, что видела. Он отреагировал довольно сдержано, но упомянул, что не зря тогда потрудились над Кириллом, а я вспомнила, что совсем недавно не хотела допускать его до боевых вылетов. Серьёзные ранения были всего у нескольких людей. В основном же мелкие царапины и лёгкая контузия, как у меня. Но сам факт того, что из госпиталя вышло человек двести, означает, что если бы не Рил со своей эскадрильей, то все они были бы трупами.

Когда прибыли спасатели и пожарные, я не заметила. Последнее, что помню – это как какой-то кореец, взяв меня под руку крепким хватом, оттащил в сторону за неясно откуда взявшееся ограждение из веревки с красными флажками на ней. Там, возле машины скорой помощи, мне что-то вкололи, в голове сразу прояснилось, и шум в ушах немного стих. Я пыталась объяснить, что я тоже врач и могу помочь, но плохое знание языка и мой потрёпанный вид не дали результатов, и мне пришлось сидеть рядом с другими получивши-

ми первую помощь, пострадавшими.

Только теперь я смогла осмотреть здание госпиталя как следует. Стекла повышибало почти везде, но сам взрыв произошёл метрах в семидесяти от крыла СПА центра. Даже представлять не хочется, что было бы, если американцы не промахнулись. Вместо здания госпиталя остались бы одни руины.

За раздумьями об этом краем глаза замечаю небольшую группу людей в синей форме, настойчиводвигающуюся в направлении оцепления со стороны аэродрома. Поднимаю голову и понимаю, что на них пилотская форма, а возглавляет их Кирилл. Сама не понимая, что я делаю, поднимаюсь и бегу к ним на встречу. Вдогонку, размахивая руками, что-то кричит корейский врач, который оказывал мне первую помощь, но я даже не замедляю шага. Кирилл стоит ко мне спиной и до последнего момента не замечает меня. Когда мне до него остаётся несколько шагов, он оборачивается, и я крепко обнимаю его под недоумевающее хлопанье глаз его сослуживцев.

Кирилл

Рыжие, как пламя, развивающиеся на ветру волосы накрывают меня. И только когда Алиса повисает у меня на шее, я понимаю, что это она. Она долго и крепко меня обнимает, шепча на ухо не разборчивые из-за слез слова благодарности.

– Алиса, все целы? Что с Василием Петровичем? – обры-

ваю её я и пытаюсь высвободиться из объятий.

– Он цел, но что случилось с теми, кто находился в СПА, я боюсь даже представлять, – нехотя она ослабевает хватку и отпускает меня.

Только сейчас я понимаю, как ей досталось. На лице разводы из засохшей крови вперемешку с пылью, на щеке приличного размера синяк, грязные волосы растрепались, а изначально белый медицинский халат стал серым и местами порван.

– Я видела, как ты сбил те ракеты и спас всех нас, – она указывает рукой на собравшуюся толпу, эвакуированную из госпиталя.

– Как всегда, все лавры Рилу, – в своей вечно шутливой манере бубнит неподалёку Влад.

– Ой, ребята, извините! – опомнилась Алиса. – Спасибо вам, соколики! – вытирая рукавом слезы, она направляется к ним, чтобы обнять каждого.

– Кирилл, – слышу рядом знакомый голос Василия Петровича. – Как хорошо, что вы оказались рядом и расправились с этими трижды проклятыми ракетами, – запыхавшись, говорит он. – Алиса мне рассказала, что видела Ваш бортовой номер на самолёте, когда Вы отбили атаку американцев, – он крепко жмёт руку мне и моим парням.

– Это вам повезло, что первая ракета промазала! Её мы перехватить не успевали, – отвечает ему Влад.

Я спрашиваю о случившемся, наблюдая, как пожарные за-

ливают дымящиеся обломки здания пеной. Василий Петрович отвечает, что из основного здания все эвакуировались благополучно, и пострадавших, находящихся в тяжелом состоянии, нет. Меня это немного успокаивает, и мы с парнями собираемся возвращаться на аэродром, с которого отпросились буквально на полчаса. Нам ещё предстоит подробный доклад об этом вылете, и, скорее всего, не один.

– Рил, не уходи! – неожиданно шепчет Алиса. – Побудь со мной немного.

– Извини, Алиса, но нам, правда, надо возвращаться, – виновато пожимаю плечами я.

– Рил, давай пригласим Алису в кафе, куда собрались вечером.

– Парни хотят собраться небольшой компанией и отметить победу в воздушном бою, – поясняю я. – Скромно посидим, возможно, пропустим по одной.

– Я с удовольствием! – оживляется она. – Особенно если врачи разрешат, – Алиса, немного улыбнувшись, кивает в сторону Василия Петровича.

Василий Петрович был не против и, отмахнувшись от нас, мол, делайте что хотите, разрешил Алисе немного выпить.

Мы попрощались с пожилым хирургом и отправились обратно на аэродром. Отойдя метров сто, я ещё раз обернулся. Алиса стояла одна и печально смотрела нам в след.

Я недооценил предстоящий доклад перед начальством.

Полет пришлось разобрать трижды и буквально по секундам. Была важна каждая мелочь, и нас продержали в штабе несколько часов. В довершении всего мы с командиром полка были вызваны к самому генералу Вершинину. Он крепко пожал мне руку и поздравил с этой выдающейся победой. Также он поделился последними новостями. Американцы за сегодня больше не совершили ни одного вылета, а наши дипломаты готовят ноту протеста из-за атакованного госпиталя. Из-за этого инцидента Китай и Индия угрожают присоединиться к России в освобождении КНДР, раз США не могут решить вопрос мирным путём и только все сильнее разжигают конфликт. Скорее всего, война на этом и закончится. Так же он рассказал, что все четыре рухнувших Раптора были найдены. Двум пилотам удалось катапультироваться, один пока считается пропавшим без вести, а останки четвёртого были найдены среди обломков самолёта. В этот момент Петр Петрович бросил на меня оценивающий взгляд, но я был непоколебим как скала.

На-последок генерал Вершинин похлопал меня по плечу, сказав, чтобы я готовил дырочку в погонах, намекая на скорейшее присвоение звания капитана, мол, не положено комэску в старлеях ходить.

Но хорошие новости на этом не заканчивались. Петр Петрович объявил всей нашей эскадрилье на завтра выходной. Меня это немного насторожило, ведь скромная посиделка, запланированная на вечер, может перерасти в грандиозную

пьянку.

В общагу я направился в приподнятом настроении, едва не приплясывая. Титаренко отомщен, Рапторов мы проучили, бомбардировка аэродрома предотвращена. Единственная печальная новость – это пострадавшие в госпитале, но об этом совершенно не хотелось думать.

Ещё на подходе к своей комнате я услышал звонок телефона, который я оставил на тумбочке.

Я достаю ключи и спешно начинаю открывать дверь. Как всегда бывает в такие минуты, ключи не хотят проворачиваться, а когда они все-же проворачиваются, то оказывается, что именно сегодня я не поленился и закрыл дверь на два оборота. Не разуваясь, бегу к тумбочке, но ответить не успеваю. Лишь замечаю фотку Лани, стоящую на вызове.

Ого! Шесть пропущенных. Она вчера была на девичнике Лены и, наверное, хочет поделиться впечатлениями.

Сажусь на кровать и нажимаю кнопку вызова. Лани отвечает в ту же секунду взволнованным голосом. Я спрашиваю, что случилось и она начинает рассказывать. За весь её монолог я не перебил её ни разу. От хорошего настроения не осталось и следа. В какой-то момент мне становится настолько противно, что я повесил трубку, швырнул телефон на кровать и пошёл проветриться.

Чудовищная слабость и апатия заполнили меня, не давая возможности мыслить трезво. Как я мог ошибаться в ней настолько? И если она рассказала мне, как целовалась со

стриптизером, то что же она не успела рассказать. Да и как возможно проснуться в одной кровати с женщиной, ничего не помня из вчерашнего, и надеяться, что ничего не было. Это же абсурд. От одной мысли становится дурно. И вообще, зачем она мне это рассказала? Если она действительно раскаивается и повторять не собирается, то могла бы умолчать. Или испугалась, что кто-то из девочек сдаст её, и каким-то образом информация дойдёт до меня. Звучит вполне логично. Конечно, если бы мне кто-то это рассказал, то я бы, скорее всего, не поверил. Но если это будет, например, Антон, то я точно не пропущу такое мимо ушей. Вероятно, она пришла к такому же выводу и решила рассказать все сама и сейчас, ведь при личном рассказе она смогла бы сгладить углы и предоставить её версию. Хитро. Но только того, что я услышал, уже достаточно, чтобы забыть её и больше никогда не вспоминать. Да уж, печально. Столько времени, сил и нервов потрачено зря.

Словно контуженный я плёлся, куда глаза глядят, пока меня не встретил Влад. Он сразу понял, что у меня что-то случилось, и попросил рассказать. Я колебался не более секунды и изложил ситуацию во внимательные уши друга.

– Ну, брат, – положив руку мне на плечо начал он, – сам знаешь, женщины – существа непостоянные. Сердце красавицы склонно к измене и перемене, а она красавица. И что, думаешь, у вас все кончено?

– Думаю да, – уставившись в одну точку, подвожу итог я.

– Ну, тогда я могу посоветовать всего два решения твоей проблемы, – немного веселее он. – Первая – это, конечно, алкоголь, – ухмыляется он. – А вторая – это другие девушки, – подмигивает Влад, – и так уж вышло, что есть у меня на примете одна особа, которая смотрит на тебя так, будто ты шоколадом намазан.

– Да брось, она на всех так смотрит! – отмахиваюсь я.

– Если бы! – не унимается Влад. – Когда ты рядом, она на других вообще внимания не обращает. Так что бери быка за рога! А точнее Алису за... ну, ты понял, – он вытягивает руки перед собой и показывает сжимающие движение. Влад как обычно умеет поднять настроение, и я позволяю себе лёгкую улыбку.

Глава 3.8. Советы от друзей

Кирилл

– Предлагаю почтить минутой молчания тех, кто не вернулся с боевых вылетов, – встав со стула, говорит Ваню, – в особенности нашего комэска Алексея Титаренко, который был сбит, но не побеждён.

Вся эскадрилья, собравшаяся в кафе-баре, молча встаёт со своих мест, держа в руках рюмки с местным самогоном и кружки с пивом. Я перевожу взгляд на стоящую рядом Алису. Она бесцельно буравит взглядом одну точку, обдумывая сказанное. Она, конечно, не знала никого из погибших лично, но, несмотря на раны и легкую контузию, не стала нарушать идиллию и тоже встала вместе со всеми.

Неожиданно я понимаю, что вокруг стоит полная тишина. Даже легкая музыка, играющая в кафе, затихла. Видимо тот, кто за неё отвечает, увидел, что мы все встали, и приглушил её.

– За Титаренко! – нарушаю молчание я спустя несколько десятков секунд, и собравшиеся, не чокаясь, до дна выпивают содержимое своих рюмок и садятся на свои места.

– Но не будем впадать в уныние! – спустя несколько мгновений перехватывает инициативу Влад. – Гарсон, – повысив голос, он подзывает официанта и просит повторить напитки тем, у кого они закончились. – Предлагаю выпить за сего-

дняшнюю победу! – провозглашает он, и все дружно под радостные крики одобрения тянутся над центром стола, чтобы чокнуться кружками и рюмками.

– Нет, правда! Расскажите, как это было! – спрашивают те ребята, что не участвовали в вылете.

– Ну... – собираюсь начать я, но Влад меня перебивает.

– Командир, разреши расскажу я, а то ты опять будешь скромничать!

Я сдаюсь и кивком позволяю Владу обо всем рассказать. Тем временем я обращаю внимание на Алису, которая, не отрывая взгляда от Влада, жадно его слушает, и лишь изредка поглядывает на меня с восхищением.

– И вот два комэска сходятся в лобовой! – продолжает свой рассказ Влад. – Но американец не собирался играть честно. В последнюю минуту он пускает ракету «Сайдвиндер». Но наш комэск не лыком шит! – Влад похлопывает меня по плечу! – Рил тут же закладывает косую бочку, и ракета проносится мимо! Вжух! – он, жестикулируя руками, показывает мой противоракетный манёвр. – В последнюю секунду он выравнивает самолёт и кладёт очередь американцу прямо промеж глаз. Бам! – он хлопает рукой по столу для пушного эффекта, и собравшиеся взрываются одобрительными выкриками. – Как он падал, я увидеть не успел, ведь тоже попытался повторить трюк Рила, но безуспешно. В итоге все закончилось тем, что мы спешно развернулись и добились «семьдесят третьими» оставшихся.

Я вновь замечаю полный восхищения взгляд Алисы, направленный на меня. Любая другая девушка из рассказа ничего бы не поняла, но не она. Сразу видно, что и про косую бочку, и про ракеты Р-73, и про все остальное она прекрасно знает. Мне лишь остаётся скромно улыбаться, опустив глаза, но от этого взгляд Алисы становится только теплее и уже несёт в себе не только восхищение, а что-то более нежное.

– Вот только знаете, чего я боюсь? – продолжает свой рассказ Влад. – Сегодня я завалил Рэптора. Иными словами испортил имущества на триста миллионов баксов! – для эффекта он поднимает вверх палец. – Что, если америкосы захотят взыскать с меня эти деньги? – разводит руками он, и все дружно начинают хохотать. – Не, серьёзно, ни один банк не оформит мне подобный кредит! Ни под какие проценты!

Но я уже его не слушаю. В голове опять всплыл последний телефонный разговор. Для меня непосильная задача вот так взять и выбросить Лани из головы. Что же с ней случилось, ведь я мог поспорить, что она порядочная девушка и не способна на измену. Но мне ничего не остаётся, кроме того, чтобы попытаться забыть ее навсегда.

– Рил, с тобой все в порядке? – прерывает мои мысли Ванно.

– Да, что-то ты не очень весел, командир, – подхватывает кто-то из ребят.

– Брат, – продолжает Ванно, – ты молодец. С Рэпторами покончено, ты отомстил за Титаренко, успокойся и порадууй-

ся победе!

– Да, давайте выпьем за нашего Рила! – Влад спасает меня, отведя внимание на себя. Все дружно поддерживают его и поднимают рюмки.

Я киваю ему в знак благодарности и тоже прикладываюсь к своей кружке с отменным янтарным пивом местного производства. Из всех собравшихся только Влад знает, из-за чего я грущу, и почему все сегодняшние победы стали для меня как будто не важны. Может он прав, и мне стоит воспользоваться его советом насчет Алисы. Я снова перевожу взгляд на неё и рассматриваю получше. Да уж, тут и говорить нечего, выглядит она, как обычно, потрясающе. Даже небольшая разбитость, обилие синяков и порезов, часть из которых она профессионально замаскировала тональником, не мешают ей быть красавицей. Ума не приложу, как ей удаётся даже в таком разбитом виде выглядеть так мило. Наверное, впервые в жизни она не дерзкая, а наоборот, покорная и тихая. Так и хочется её обнять и утешить.

– Ну что, Алиса, – шепчу ей на ухо я, – как ты себя чувствуешь?

– Я до сих пор плохо слышу, – морщится она, – а так все в порядке, а вот ты какой-то печальный. Что-то случилось?

– Тебе показалось, – вру я. – Просто надо выпить!

– Идея – что надо! – оценивает она, и мы расправляемся с остатками своего алкоголя.

– Может, пойдем выпьем у бара, а то ждать, пока принесут

неохота.

Алиса соглашается, и мы уходим под недоумевающее хлоппанье глаз моих сослуживцев. Лишь Влад одобрительно подмигнул мне вслед. Усевшись за высокие барные стулья, я сразу заказываю рюмку водки с долькой лимона. К моему удивлению, Алиса просит бармена налить ей того же.

– За мое чудесное спасение и за спасителя. За Вас, Кирилл! – провозглашает она.

– Стоп-стоп! – прерываю её я. – Что это ты опять ко мне на Вы? Так дело не пойдёт! Предлагаю выпить на брудершафт, чтобы ты наконец-то запомнила.

Алиса, хитро улыбнувшись, соглашается, и мы хорошенько прикладываемся к своим стаканам, переплетя руки. Не знаю почему, но неуверенности или волнения в её присутствии я уже совершенно не чувствую и смело подаюсь вперёд для поцелуя. За несколько сантиметров до её губ замираю и понимаю, как приятно она пахнет, но времени как следует это оценить нет, ведь её мягкие губы накрывают мои. Сердце начинает биться сильнее, и я машинально кладу руку ей на талию, проводя ладонью по бархатистой коже. Будто слабые электрические разряды приятно щекочут кончики пальцев, и я запоздало понимаю, что поцелуй, не рассчитанный на страсть, слишком затянулся, и пора отстраняться. Но отстраняться не хочется. Алиса, судя по всему, испытывающая похожие эмоции, берет ситуацию в свои руки.

– Как же долго я об этом мечтала, – шепчет она, разбивая

своё тёплое дыхание о мои губы, и с удвоенным пылом впи-
вается в них снова.

Приятная на вкус Алиса оказывается мастером поцелуя
и с легкостью подстраивается под меня. Прерываемся мы,
лишь, когда жажда берет своё, и необходимость промочить
горло заставляет заказать ещё выпивки.

– Кирилл, когда ты сбивал эти ракеты над госпиталем, ты
думал обо мне? – неожиданно спрашивает она.

– Да, – честно отвечаю я. – Когда радар показал отметки
крылатых ракет, движущихся в сторону госпиталя, я тут же
вспомнил о тебе.

– Глаза Алисы становятся влажными, и слезинка медлен-
но начинает бежать по щеке.

– Ну-ну, что это ты? – нежно говорю я и аккуратно выти-
раю ей слезы.

– Не знаю, – признается она, глядя мне прямо в глаза, и
глубоко дыша, чтобы немного успокоиться. – Эмоции зашка-
ливают.

– Тогда предлагаю вернуться к ребятам, пока ты у меня
совсем не разревелась. – Алиса кивает и мы, взяв свои рюм-
ки, возвращаемся за стол.

Наша шумная и веселая посиделка продолжалась до по-
луночи, пока бар не закрыли. Хоть алкоголя было выпито
огромное количество, никто не напился, ведь все прекрасно
понимают, где они находятся, и что сейчас идёт война. И не

важно, что завтра нам дали выходной, ведь при необходимости нам могут приказать подняться в воздух.

Общага пилотов и гостиница для врачей находятся в разных частях военного городка. Поэтому мы с Алисой откололись от основной массы парней и медленно пошли по неосвященным улочкам, на которых соблюдается светомаскировка.

– Кирилл, может, зайдёшь? – предлагает Алиса. – У меня есть бутылочка бренди.

– Хм, а откуда у тебя такая ценность? – отвечаю вопросом я.

– Ты даже представить не можешь, скольким ухажерам я даю отворот. Но подарки же возвращать при этом обязательно, – смеётся она.

– Ну, их понять можно, – я демонстративно бросаю на её формы долгий оценивающий взгляд.

– Спасибо, – игриво повиляв бёдрами, благодарит Алиса. – Ну, так что? Не хочешь зайти? – напоминает о своём вопросе Алиса.

– Бренди, говоришь? – задумчиво проговариваю я. – А ты точно хочешь предложить только это.

– Кирилл, я же видела, как ты на меня смотришь. Не ври, что сам об этом не думал, – компрометирует она меня. – Так что все в твоих руках.

– Если бы все было так просто, – бормочу я.

– Ты поругался с Лани? – спрашивает напрямую она.

– Видимо, расстался, – признаюсь я, поражённый такой

прямотой. – Только пока что ей не говорил.

– Тогда твоя совесть чиста! – пожимая плечами, подводит итог Алиса. Можешь делать что хочешь.

– Вот и Влад так же говорит. Только не ясно, почему на душе так паршиво.

– Тебе срочно надо ещё выпить! – со знанием дела советует Алиса.

– Вы что с Владом сговорились что ли? – подозрительно щурюсь я.

– Тебе целых два друга советуют одно и то же, а ты кочевряжишься! Пошли. Не хочу пить в одиночестве.

Алиса решительно берет меня за руку и заводит в подъезд. Её номер оказывается точь-в-точь, как у Лани, и я в тысячный раз вспоминаю, что решил не думать о ней. Алиса сразу принимается хлопотать, доставая обещанный бренди и подбирая к нему закуску, из холодильника. Надо признаться, что если бы мы пришли ко мне в общагу, то ничего, кроме минералки и половины плитки шоколада, не нашлось. А тут и виноград, и лимон, и коробка конфет. Откуда-то появляются бутерброды. В вазочке стоят свежие цветы. Видимо, Алиса не врала, когда говорила, что ухажеров у неё много, и подарки приходится получать часто.

– А вот бокалов у меня нет, – вздыхает она. – Придётся пить из чайных кружек.

– Ну что, так будет гораздо антуражнее. По-домашнему, что ли, – одобряю я.

Пока я разливал по кружкам бренди, нарезал лимон и открывал конфеты, Алиса успела переодеться в домашнее и села рядом. К моему изумлению домашняя одежда у неё была самая обычная – спортивные штаны и футболка с длинным рукавом. Никаким соблазнением тут и не пахло. Не то, чтобы я этого хотел, но мне казалось, что все к этому и идёт. Да и разговор был совершенно безвредным. Мы болтали обо всем на свете. О любимых фильмах и музыке, о книгах и местах в Москве, которые посещали. Бренди шёл на ура, и первую половину бутылки мы прикончили уже через полчаса. Алиса, как я уже замечал, отличная собеседница, и время в компании с ней проходило незаметно. Как и во сколько я лёг спать, не помню, но бутылку мы точно прикончили.

Глава 3.9. Обогнать суточное вращение земли

Кирилл

Если ты пять месяцев к ряду привык просыпаться в шесть утра, то будильник тебе уже не нужен. Даже с учетом того, что я вчера поздно лёг и хорошенько выпил, голова с самого утра уже чиста ото сна, хоть очевидные симптомы похмелья на лицо. Ну что, буду ждать будильник. Хотя стоп. Я же оставил телефон в своей комнате, когда бросил его на кровать после разговора с Лани.

Воспоминания о вчерашнем вечере наваливаются на меня, и я резко открываю глаза. Первое, что я вижу – это ярко рыжие волосы, рассыпавшиеся по моему плечу. Алиса почувствовав, что я проснулся, начинает шевелиться, поворачиваясь ко мне лицом.

– Что, уже пора вставать? – сквозь сон шепчет она. – Ма-ам, можно я сегодня не пойду в школу?

– Можно, Алиса. Вашу школу вчера разбомбили, – решаю подыграть я.

– Какая ужасная шутка, Кирилл, – не открывая глаз, отвечает Алиса, нахмурив лоб.

– Да, шутка неуместная, – соглашаюсь я, понимая, что Алиса уже успела устроиться у меня головой на груди.

Мысли текут вяло, но надо как следует вспомнить и об-

думать, что вчера произошло. Вроде, ничего криминального мы не делали. Я был расстроен разрывом с Лани, у нас была посиделка в честь победы над рэпторами, Алиса оказалась рядом в трудную для меня минуту и утешила меня. Сначала мы немного выпили, потом целовались. Потом выпили гораздо больше, но поцелуев уже не было. Видимо, я уснул прямо у неё в номере. Вот только не припомню, чтобы я снимал рубашку, брюки и носки. Значит, это сделала Алиса, когда я уже уснул. Хорошо, что хоть майка и трусы на месте. Я пытаюсь расслабиться и ещё немного поспать в надежде, что похмелье пройдёт, но чувство неловкости крепко засело у меня в мыслях. Как-то это все неправильно. И, вроде, все складывается логично – Лани меня предала, и я с ней расстался. Тут же появляется Алиса, которая всем видом показывает, что не против быть со мной. Я бросаю ещё один взгляд на дремлющую у меня на плече Алису. И что мне ещё надо? Она красотка, каких не сыщешь, не глупый и интересный человек, с которым у меня много общего, да и про её папу не надо забывать. Хоть я и не тот человек, кто будет пользоваться девушкой ради поддержки её властного отца, но мысль все же меня посещала. С таким тестем карьера мне обеспечена. И почему я расцениваю каждую девушку, как потенциальную невесту?

Но нет, подсознание говорит мне, что Алиса – это не мое. Не знаю, как это называется: чутьё, интуиция, шестое чувство, но это самое чувство у меня хорошо развито, и оно го-

ворит... Да нет, не говорит, а вовсю кричит, что я буду счастлив только с Лани, и мне надо срочно её простить. А, может, я её уже простил?

– Алиса, мне бы надо на службу, – аккуратно тряся её за плечо, говорю я.

– Но у вас же сегодня выходной, – приподнимает голову она, чтобы посмотреть на меня.

– Да, полетов не обещали, но появиться на аэродроме надо.

Она ничего не отвечает. Я встаю и начинаю одеваться под её недоумевающий взгляд. Неловко поцеловав Алису в щеку, я выскальзываю из её номера и быстрым шагом направляюсь в общагу.

Быстро принимаю душ, одеваюсь в свежую одежду и беру телефон, который до этого времени обходил стороной. Тридцать шесть пропущенных вызовов. И почти все они от Лани. Может позвонить ей и поговорить? Я бы рассказал ей, что произошло со мной. Уверен, она бы простила, а я, пользуясь её примером, простил бы её. Бросаю взгляд на часы. По местному сейчас полвосьмого утра. В Москве сейчас глубокая ночь. Надо немного подождать.

– Ну что, Кирилл, радостная новость, – улыбаясь, встречает меня Петр Петрович. – Китай, Индия и множество других стран выразили недовольство тем, что США вновь атаковали наш аэродром и мало того, отбомбились по госпиталю.

Даже союзники по блоку НАТО не в восторге от этого. Во многих городах проходят митинги и различного рода массовые общественные акции против присутствия Штатов в Корее. Сегодня утром президент США выступил с заявлением, что выведет войска с территории Южной Кореи, если Россия и Китай сделают то же самое. Это условие вполне устраивает наше правительство, и уже началась подготовка для вывода Российских войск из КНДР. По сути это победа!

– Замечательная новость! – Как скоро мы летим домой? – спрашиваю я, рассчитывая успеть к Антону на свадьбу, которую я уже смирился пропустить.

– Сложно сказать. Дня четыре или пять, – задумчиво говорит он. – Но это ещё не все новости! Завтра наш Президент прилетает прямо сюда, чтобы лично поздравить и наградить военных, принимавших участие в боях.

– Ничего себе! Прямо в район проведения боевых действий?

– Да, Ту-214 с Президентом Российской Федерации на борту приземлится на нашем аэродроме завтра вечером. И ты прав, когда беспокоишься о близости фронта и опасностях, связанных с этим. Поэтому нам нужно организовать воздушное прикрытие. Я считаю, что с этим лучше всего справишься ты. Поэтому тебе решать: кто полетит с тобой.

– Предлагаю отправить два звена. Мы с Владом будем сопровождать непосредственно сам борт номер один, Ваню с Серебряковым займутся дальним периметром. Хорошо бы

самолет дальнего радиолокационного обнаружения поднять. Вдруг опять на Рэпторов наткнёмся, а, как показала практика, пока они не включают свои радары, мы их не видим на коротких волнах до расстояния в сто километров.

– Благодаря тебе нет у них больше Рэпторов в Корее. Но предосторожность не бывает лишней. Я все организую, – подводит итог он. – И да, на аэродроме вводится высший уровень секретности. Телефоны, которые вам выдали взамен личных, привезённых из России, придётся сдать как можно скорее. По возвращению домой вам все отдадут обратно, а пока придётся обойтись без связи. Мне приказали это контролировать. Твой телефон с собой?

Я достаю трубку сотового телефона, что мне выдали по прилету в КНДР, и нерешительно протягиваю её командиру. Неужели я так и не смогу ей позвонить?

– В чем дело, Кирилл? – Петр Петрович бросает на меня недоверчивый взгляд. – Есть проблемы? Если надо срочно связаться с родными, я подожду.

– Нет, никаких проблем! – решительно отвечаю я и протягиваю ему телефон. Теперь позвонить Лани не получится еще долго.

К прилету Президента Российской Федерации готовились усердно и тщательно. Все службы были приведены в боевую готовность, но подробностей никто не знал до самого конца, пока нас чуть ли не по тревоге подняли в воздух на следую-

щий день. Мы, согласно моему плану, взлетели вчетвером, в то время как на земле уже готовые для взлёта стояли ещё четыре МиГ-29, если дела пойдут плохо.

Но все прошло очень гладко, и даже намёка на опасность не было, если не считать американского самолета дальней радиологической разведки, держащегося на приличном расстоянии. Мы встретили Ту-214 с Президентом на борту над границей с Китаем и сопровождали его до самой посадки на наш аэродром. В какой-то момент полёта мне стало любопытно, и я приблизился к нему поближе, чтобы получше его рассмотреть. И какого же было мое удивление, когда я увидел самого Президента Российской Федерации, машущего мне рукой, в иллюминаторе. В первое мгновение я даже немного растерялся, но тут же поднял зеркальный светофильтр шлема и помахал в ответ. Он показал мне «класс» и продолжил осматривать мою Сушку. Мне до ужаса захотелось впечатлить главу страны и я, скрутив бочку, элегантно маневром ушёл в сторону.

Буквально сразу после приземления было общее построение всего личного состава авиационной базы, за исключением несущих дежурство. Президент выступил перед нами с речью, в которой поблагодарил нас за несение службы родине и объявил о выводе российских войск из КНДР, что для всех было приятной новостью. После президентской речи последовало награждение отличившихся. Надо признаться, что я ждал этого момента и очень надеялся принять ка-

кую-нибудь награду лично из рук Президента. Но вот он награждает Зенитчиков, отбивавших атаку крылатых ракет, орденами «За воинские заслуги», штурмовую и бомбардировочную авиацию орденами «За мужество», а про нас истребителей как будто бы забывает.

– И в последнюю очередь, но не последних по значению, хотелось бы отметить нашу истребительную авиацию, – провозглашает Президент. – Именно они, не жалея себя, смогли остановить воздушные силы неприятеля, приковав их к своим аэродромам и авианосцам, тем самым, не дав возможности бросать бомбы на головы союзников и обеспечив свободу действия нашей штурмовой и бомбардировочной авиации, – он делает короткую паузу, и берет из рук помощника очередную награду. – Золотой звездой Героя Российской Федерации награждается командир эскадрильи, гвардии старший лейтенант Машков Кирилл с представлением к очередному воинскому званию – капитана.

От торжественности момента комок подступает к горлу, но я, не подавая вида, строевым шагом подхожу к президенту. Он вручает мне орден и крепко жмёт руку.

– Наслышан о ваших подвигах, – вполголоса говорит он мне.

– Капитан Машков сопровождал ваш самолёт в Корее, – вмешивается в разговор Петр Петрович, стоящий рядом.

– Тогда мы уже заочно знакомы! – улыбаясь, отвечает Президент. – Отлично пилотируете! – хвалит он меня.

– Из первых будет в драке! – поддерживает Петр Петрович. – Именно Кирилл вёл эскадрилью в бой против «Рэпторов» и лично сбил двоих. Такие как он, – гордо подняв голову, продолжает командир полка, – и составляют костяк ВВС России.

– Впечатляет! – кивая головой, оценивает Президент. – Давно в Корее? – спрашивает он.

– Пять месяцев, – отвечаю я, – с самого начала конфликта.

– Почти полгода, – задумчиво проговаривает президент. – Пора домой. На войне же год за три идёт. Хочется на родину? Наверное, родные заждались?

– Так точно, соскучились, – отвечаю я, вытянувшись по стойке смирно, – да и у меня дел дома накопилось.

Президент ещё раз жмёт мне руку и напоследок желает удачи. После этого продолжается награждение. Ещё троих из моей эскадрильи наградили различными орденами.

Горы под нами сменились лесами, а затем – полями. С аэродрома в Корее мы вылетели рано утром, но, приземляясь для второй дозаправки на аэродром под Пермью, мы обогнали суточное вращение земли и посадку совершали под красные лучи восходящего солнца. На свой аэродром в Подмосковье мы прибыли в одиннадцать утра по местному времени, и у меня теплилась надежда успеть на свадьбу к Антону. Несмотря на усталость, настроение было приподнятое, и единственное, что тяготило – это то, что я не смог попро-

щаться с Алисой. После той ночи мы больше не виделись. А ведь у меня, кроме имени и фамилии нет никаких контактов. Хотя это стечение обстоятельств, и позволяло мне обойтись без тяжелого разговора с ней, в котором бы я попытался объяснить что мы не пара, и вместе нам не бывать, на душе от незавершенности остался осадок. Как-то не по-человечески все это вышло.

К сожалению, моим надеждам пораньше убежать с аэродрома было не суждено сбыться. Мои новые обязанности командира включали в себя огромное количество таких рутинных обязанностей, как заполнение журналов и написание подробных отчетов. И со всеми делами я смог разобраться лишь к шести часам вечера, на которые и был запланирован банкет. Вот только мне ещё надо добраться до дома, принять душ и как можно быстрее попасть в центр Москвы, где прямо сейчас уже начинается торжество. Хотя, если бы мне можно было выбирать, то я с большим удовольствием посетил церемонию бракосочетания в ЗАГСе. Ну что интересного может быть на банкете? Глупые конкурсы, смотреть, как кто-нибудь напьётся или подерётся? Но выбирать не приходится, и надо успеть хоть на что-то. Добравшись до дома, я быстро принял душ и достал из шкафа свой старенький костюм. Надевать часто его не приходилось, и выглядел он вполне себе прилично.

Банкет проходит почти в самом центре Москвы, и из всех вариантов, как туда добраться, я выбрал на машине. Мой

Фольксваген гольф стоял в том же самом месте, где я его и оставил перед отлетом во Вьетнам, и на первый взгляд никаких происшествий с ним за это время не произошло. Хорошо, что я тогда додумался скинуть клемму с аккумулятора, иначе он непременно бы разрядился, но машина завелась, что называется, с пол тычка, и я, вспоминая навыки вождения автомобиля, которым не управлял уже полгода, отправился на банкет. В середине пути я вспомнил, что я еду без подарка, и это надо срочно исправить. Пока я был в Корее, на зарплатную карту продолжало капать жалование. Так что с деньгами проблем не было, но пришлось сделать остановку возле банкомата, чтобы обналичить деньги на подарок и купить букет для невесты. Да ещё, как назло, бензина в баке было едва-едва, поэтому пришлось заезжать на заправку. Так что на месте я был только поздним вечером.

Оставив машину возле ресторана, у которого была своя бесплатная парковка, я быстрым шагом направился искать вход. На улице было уже совсем темно, и голоса я услышал раньше, чем увидел тех, кто говорил. Один из голосов я узнал сразу – это была Лани, но вот мужского голоса я не узнавал. Подойдя поближе, стало понятно, что эти двое стоят очень близко друг к другу и почти обнимаются. Уж чего-чего, но такого я не ожидал. Сердце застучало сильнее, челюсти сжались в беззвучном гневе, и на мгновение мне захотелось развернуться и уйти, но я тут же выбросил из головы эту мысль и сделал несколько уверенных шагов вперед.

Глава 3.10. Как нельзя вовремя

Лани

– Ну и что ты сидишь? – кричит на меня Ленка. – Звони ещё раз!

Я, следуя её совету, непослушными пальцами с третьей попытки попадаю по иконке вызова на экране телефона. Слезы снова наворачиваются на глаза. А я думала, что уже выплакала все, на что была способна. От вновь нахлынувших эмоций комок подкатывает к горлу, лишая возможности говорить, но говорить мне и не приходится. После серии гудков робот сообщает, что абонент не доступен, и предлагает оставить ему сообщение. Ничего нового. Я это слышала уже раз пятнадцать за прошедший час. И даже оставила несколько сообщений с мольбами перезвонить и дать возможность оправдаться, но все без результатов.

– Ты меня поражаешь, Лани. Если у самой не хватило ума не рассказывать все, как есть, то хоть бы у меня спросила, – укоризненно на меня смотря и качая головой, говорит Ленка. – Ты же понимаешь, что он сейчас пойдёт, напьётся и будет отличной мишенью для той лисы, про которую ты мне рассказывала.

Печаль бессилия крепко завладела мной и словно зыбкое болото засасывает в себя все глубже и глубже. В один момент жизнь будто потеряла смысл, став однотонной и посред-

ственной. Состояние сейчас схоже с тем, которое у меня было во Вьетнаме, когда Рил неожиданно уехал и ничего мне не сказал. Различия было всего два. Во-первых, в этот раз я точно знала, что виновата, и винить, кроме самой себя, неко-го. А во-вторых, алкоголя не хотелось совсем.

По пути домой Ленка меня, как могла, подбадривала, да-ла свой телефон, чтобы я позвонила с чужого номера, но ре-зультат был тот же. К вечеру сознание, уставшее от постоян-ных переживаний и нервов, вошло в состояние апатии ко всему, но я нашла в себе силы и попробовала позвонить ещё раз. К моему удивлению телефон Рила был выключен. Зна-чит, он точно видел все мои звонки и теперь намеренно от-ключил телефон, чтобы я его не беспокоила. Желание запла-кать снова подкатило, но сил на это уже не было, и я, всхли-пывая, поплелась ложиться спать.

Снова очутиться за школьной партой – довольно стран-ное ощущение. Но ещё более странно то, что рядом вместо школьников сидят взрослые мужики в сине-голубой воен-ной форме. Гробовая тишина повисла в классе в ожидании учителя. Я начинаю рассматривать лица тех, кто сидит ря-дом. Большинство, как мне кажется, я вижу впервые, но кое-кого с трудом узнаю. Двоих крепких молодых людей пере-до мной я точно где-то видела, но совершенно не знаю где. Ну да ладно. Я оглядываюсь вокруг и вижу большую фото-графию статного военного средних лет, висящую на стене в

черной рамке. Это Титаренко, и его я узнала сразу, хоть при жизни он казался мне гораздо менее серьезным.

Входная дверь неожиданно открывается, и в неё входит Рил. Весь класс как по команде встаёт со своих мест, приветствуя преподавателя, и я запоздало делаю то же самое. Рил обводит строгим взглядом присутствующих, на мгновение задержав его на мне. Кивком поприветствовав нас, садится за учительский стол, открывает журнал и громко объявляет:

– Иванова, к доске!

От неожиданно накатившего страха колени начинают предательски трястись. Пытаясь унять дрожь в коленях, я на непослушных ногах иду к доске.

– Выучила, что я задавал? – строго спрашивает Рил.

Мало того, что я совершенно не понимаю о чем идёт речь, так ещё и он на меня чуть ли не кричит.

– Нет, – робко отвечаю я.

– Так и думал, – подводит итог Рил. – И как с таким отношением ты собираешься учиться дальше?

– Не знаю, – потупив взгляд, мямлю я, а сама судорожно пытаюсь вспомнить, чему мы учимся.

– Вот! – обращаясь ко всему классу, начинает Рил. – Отличный пример как НЕ надо делать, если собираешься стать летчиком истребителем.

Ааа... точно. Все встаёт на свои места. Эти люди, что здесь собрались, из эскадрильи Рила. Сразу становится ясно, что он от меня хочет. Но самоуверенность не длится долго,

ведь я совершенно ничего не знаю об авиации. А тем временем Рил продолжает меня ругать. В отчаянии оглядываюсь на летчиков, сидящих в классе, ища поддержки хотя бы у них, но они неодобрительно смотрят на меня, давая понять, что меня тут никто не поддерживает.

– Меньшова, к доске! – нарушает молчание Рил.

Откуда-то из глубины класса встаёт Алиса, которую я до этого не замечала, и с ужасно самодовольным видом выходит к доске, остановившись возле меня. Она, как и все остальные, одета в голубую военную форму, которая ей чертовски идёт. Краем глаза я замечаю, что Рил ей даже немного улыбнулся.

– Ты выучила урок? – спрашивает её Рил.

– Так точно, товарищ командир, – все так же улыбаясь, отвечает она, бросая на меня победный взгляд.

Как же хочется исчезнуть отсюда или убежать куда-нибудь, но вместо этого звенит стандартная мелодия будильник, и я просыпаюсь.

До свадьбы Ленки остаётся меньше недели, и я, чтобы хоть как-то отвлечься от печальных мыслей, поделила своё время на два этапа. Первый – это работа. Пока я работаю, то полностью погружаю себя в медицину. Ну, точнее я собиралась так делать, но мысли о Риле сами лезли в голову, и с этим ничего было не поделать. Второй этап – это помощь в подготовке к Ленкиной свадьбе. Как оказалось, провести

свадьбу – не такое простое занятие. Нюансов и мелочей тут миллион. И если в какой-то момент начинает казаться, что все подготовлено и спланировано, то тут же выясняется, что, например, шарики для украшения банкетного зала надо было заказывать за две недели, а не за три дня, и тут же начинается суматоха и обзвон других организаций, согласование цены и дизайна с Ленкой, все упрется в дополнительные расходы, Антон поматерится-поматерится, но в итоге денег даст. И, вроде, все, проблема решена, но тут же звонят из ресторана и сообщают, что из-за количества алкоголя, который будет куплен в магазине, пробочный сбор увеличится на десять процентов. И весь процесс возобновляется сначала. К субботе голова шла кругом, но худо-бедно основные проблемы были решены. Ленка была мне до жути благодарна и охарактеризовала мой вклад в организацию торжества как «неоценимый».

Телефон Рила до сих пор был выключен, и мы не на шутку начали за него беспокоиться. Антон через общих знакомых раздобыл номера его товарищей по службе, но они также были не доступны. В итоге информацию мы узнали из телевизора. Оказывается, Российскую авиабазу в КНДР перевели на особое положение из-за посещения Президента. Также объявили о подписании перемирия между Северной и Южной Кореей, и, как следствие, вывод наших войск. Меня это не могло не радовать, но точные сроки вывода войск не сказали, и Антону пришлось в скором порядке искать себе нового

свидетеля, ведь о Риле ни слуху, ни духу.

Церемония прошла очень мило. Гостей было много, и они кое-как поместились в зал бракосочетания. Меня, как главную помощницу, дергали туда-сюда, но я, хоть и не большого роста, дала понять, что я тут главная, и вскоре меня начали слушаться.

После церемонии мы поехали в парк для фотосессии. Пока молодые фотографировались, мне пришлось развлекать гостей. Я была ответственной за шампанское, но открывать его я совсем не умею, и мне выдали в помощники свидетеля. В роли этого свидетеля Антон выбрал своего коллегу с работы по имени Борис. Этот наглый Борис мне не понравился с первых секунд знакомства. Расфуфыренный хлыщ среднего роста с чёрными как смоль немного вьющимися волосами и довольно большим носом. На вид ему лет двадцать пять – тридцать, и, по словам Ленки, он является одним из помощников Антона, но самоуверенности и самовлюблённости ему не занимать. Он все время как-то странно на меня смотрит, и я не могу понять – это он так выражает презрение или раздевает меня взглядом. Апогеем его наглости стало то, что он предложил сесть ему на колени, когда мы заходили в автобус, который должен был отвезти нас к ресторану, но мест оказалось меньше, чем гостей. Я отказала ему с неприкрытым презрением, но он намёка не понял. В итоге я и ещё три Ленкины подружки с девичника поехали в ресторан на такси.

Сам банкет проходил на славу. В и без того богато укра-

шенный зал ресторана добавили цветов, различных ленточек и уже упомянутых шариков, и теперь в нем доминировала атмосфера праздника. Было приятно осознавать, что к этому великолепию непосредственно я приложила свою руку. Но самым удачным был выбор ведущей. Очень веселая и позитивная девушка могла завести толпу и держать её под контролем. К счастью, в её репертуаре обошлось без пошлых конкурсов, и напиток раньше времени она никому не дала. Но, когда торжество было в разгаре, я поняла, что у меня совершенно нет сил. Похоже, что утренняя нервозность и беготня окончательно вымотали меня, и происходящее уже не доставляет удовольствия. Даже мои любимые танцы под плейлист, который опять же я и составляла, уже не в радость. Так что по большей части я сидела с бокалом вина, к которому почти не прикладывалась, периодически поглядывая в сторону входа, ловя себя на мысли, что жду Рила. Глупо, конечно, но надежда, что он все же придет, не покидала меня.

Мой относительный покой нарушил не кто иной, как Борис, о котором я даже успела забыть. Он в своей наглой манере подсел рядом и тут же закинул руку мне на плечо.

– А чего это мы сидим, скучаем? – дыша водочно-сигаретным перегаром мне прямо в лицо, заговорил он.

– Устала за день, – отвечаю я и, скидывая его руку с себя и пересаживаясь на соседнее место, которое удачно оказалось свободным.

– Ну, это никуда не годится! – не понимая моего толстого

намёка на нежелание общаться, он снова садится рядом и пытается приобнять. – Пошли танцевать, – предлагает он.

– Ноги туфлями натерла, – говорю я, что, кстати, является правдой. – И я же сказала, что устала.

– Ну, тогда давай выпьем с тобой за молодых! – не сдаётся Борис. Он непослушной рукой тянется за ближайшей бутылкой водки и наливает две полных рюмки.

– Спасибо, но я не пью водку, – говорю я и, не чокаясь с ним, делаю маленький глоток вина из своего бокала.

Борис от этого не растерялся и одним движением отправил содержимое рюмки себе в рот, закусив долькой апельсина. Но уходить он не собирался и продолжил донимать меня неуклюжим флиртом. Уж не знаю, как это получалось, но все его слова, движения и внешний вид были мне до дрожи противны. В какой-то момент я не выдержала и, сказав, что хочу в туалет, вышла из-за стола. Но направилась я не в туалет, а на улицу, чтобы подышать свежим воздухом и перебить стоящий в носу запах перегара от Бориса.

Вечерний воздух приятно охлаждал, а относительная тишина успокаивала. На улице уже успело стемнеть, что создавало контраст с шумным и светлым банкетным залом. Отсутствие поблизости людей дало возможность снова обдумать ситуацию, сложившуюся с Рилом. Если бы он приехал, я попыталась бы ему все объяснить, и, возможно, он понял, что я его не предавала, но уже вечер, а от него ни слуху, ни духу.

– Вот ты где! – раздаётся позади голос Бориса. – А я тебя

обыскался.

– Да, захотелось побыть в одиночестве, но видимо не судьба, – говорю я, разворачиваясь к нему, мысленно отчитывая себя за то, что не ушла подальше.

– А я вот решил составить тебе компанию, – говорит он, подходя ближе и закуривая сигарету. – Антон мне сказал, что у тебя есть молодой человек. Так чего же ты сегодня одна?

– Сложно сказать, но я надеюсь, что он ещё придёт.

– Понимаю, но если до сих пор не пришёл, то уже не придёт, – он делает затяжку и выдыхает дым в мою сторону. – Я это к чему, – он подходит совсем близко, – у тебя нет пары, у меня нет пары. А есть традиция, что свидетели должны переспать.

– Что-то я не знаю такой традиции. И спасибо за предложение, но я воздержусь, – морщась, отвечаю я и делаю шаг в сторону.

– Ну как это? Традиция есть традиция! – Борис ловким движением пальцев выкидывает недокуренную сигарету в сторону газона, хоть рядом есть специальная урна для окурков. – Но я согласен и на поцелуй.

– Я же сказала, нет! – как можно увереннее говорю я, осознавая, что дело принимает опасный оборот.

– Хорошо ломаться! – он снова делает шаг ко мне, а я от него и неожиданно упираюсь спиной в стену. – Тебе же хочется! – проговаривает Борис и крепко хватает меня за запястье.

– Да отстань же! Я буду кричать! – вырывается у меня, но он уже прижал меня собой к стене и не даёт пошевелиться.

– Кричи, если хочешь, но это будут крики наслаждения, – насмешливо отвечает он и тянется губами ко мне. Я в ужасе начинаю вертеть головой, чтобы избежать его, но он ещё сильнее прижимает меня и деваться мне некуда.

Сотню раз видела такие ситуации в фильмах и всегда думала, что такого со мной никогда не случится. Но вот я стою прижатой к стене и даже пошевелиться не могу от крепкой хватки Бориса. Брезгливость тут же сменилась паникой и животным страхом. Крик застрял в горле, так и не вырвавшись наружу. От страха глаза закрылись сами собой, ноги стали ватными, и всякая надежда на спасение пропала.

– Лучше тебе сделать, как она просит! – слышится чей-то громкий командный голос.

Борис, на секунду замешкавшись, разворачивается, чтобы посмотреть, кто ему помешал, но из-за темноты и выпитого долго не может сфокусироваться. А я даже боюсь открыть глаза, чтобы посмотреть.

– Иди куда шел, козел! – набычившись, отвечает Борис, полностью отпуская меня и разворачиваясь к незнакомцу.

Бежать! Пока есть такая возможность, срочно убежать! Но ноги предательски не слушаются, и я не могу сделать даже пару шагов. Вместо этого я сползаю спиной по стене, прижимаю колени к груди и утыкаюсь в них лицом.

– Я как раз сюда и шёл, – отвечает голос, который мне

почему-то знаком. – А вот тебе стоит оставить девушку в покое, пока не стало хуже.

– Да пошёл ты! – презрительно шипит Борис и делает несколько шагов в сторону моего защитника.

Не проходит и пары секунд, как слышится удар, затем ещё один и ещё. Кто-то, хрипя, падает на землю, и на этом все заканчивается. Я очень хочу посмотреть, что произошло, и кто пришёл мне на помощь, а самое главное, победил ли он, но страх не позволяет мне даже пошевелиться.

Неожиданно чьи-то заботливые руки берут меня за плечи и помогают подняться. Я открываю глаза и, сфокусировавшись, вижу перед собой лицо Рила. Страх тут же уходит прочь, как это было во Вьетнаме, когда я тонула, а он спас меня. Все слова вылетают из головы, и мне просто хочется его обнять, но в этот момент двери ресторана открываются, и из них выходят Антон и ещё несколько гостей. Лица у них озадаченные, видимо, они вышли на шум. Антон оглядывается вокруг, видит лежащего на земле Бориса, испугавшуюся меня и Рила.

– Что за свадьба без драки! – улыбаясь, провозглашает он и подходит к Рилу, чтобы поприветствовать друга. – Лучше поздно, чем никогда! Ты зачем моего коллегу так сильно побил? – спрашивает он, кивая в сторону корчащегося на земле Бориса.

– Он сам драться полез! – комично отвечает Рил, потирая ушибленную скулу.

Многие из присутствующих узнают Кирилла и напряжение спадает. Бориса заносят внутрь, откуда-то появившаяся Ленка начинает хлопотать вокруг меня, а Антон отводит Рила в сторону.

– Он тебя не бил? Ох уж я устрою этому оленю – Борису, как протрезвеет. Говорила же не надо его звать. А он про тебя с самого утра у Антона спрашивает, – щебечет Ленка, а я лишь смотрю в ту сторону, где Антон с Рилом о чем-то весело разговаривают, не слушая, что она говорит.

– Надо лёд к ушибу приложить! – я перевожу взгляд на подругу.

– Так он тебя все-таки ударил? – расширяет глаза она. – Если хочешь, давай вызовем полицию! Пусть зафиксируют побои!

– Не мне лёд! Рилу, – поясняю я. – А то у него синяк останется.

Когда стало понятно, что я не пострадала, торжество продолжилось. Бориса посадили в такси и отправили домой, а я заняла своё место за столом. Рилу пришлось сесть за соседний, столик на место Бориса, ведь никто, кроме меня, уже не верил, что он придет и свободного места за моим столиком не было. Поговорить нам так и не дали, и все, что мне оставалось, это изредка поглядывать в его сторону, но даже когда наши взгляды пересекались, я не могла понять, хочет он со мной разговаривать и, возможно, простить или просто при-

шёл на свадьбу друга, а мне он помог лишь из-за того, что я была в беде. Терзание на этот счёт продолжались во мне, пока ведущая не объявила белый танец. Я собрала всю свою решимость и подошла к нему, чтобы пригласить. Он мешкался не более секунды и уверенно встал, принимая приглашение. Но пригласить на танец и начать говорить – две разные вещи. Как ни странно заговорил он.

– Ну как ты? Вроде, порозовела. Значит получше?

– Да, ты появился как нельзя вовремя. Я очень испугалась.

– Ну, хоть не зря летели всю ночь. Надо признаться, что еле на ногах стою от усталости. Больше суток уже не спал.

– Я пыталась до тебя дозвониться, но твой корейский номер был недоступен, – решаю перейти к волнующей меня теме издалека.

– Да, из-за визита Президента нас перевели на особое положение. Мобильники пришлось сдать, – подтверждает мои догадки он.

– А сейчас можно с тобой поговорить? – робко спрашиваю я.

– Да, давай. Но сначала скажу я.

Я кивнула ему в знак согласия и перевела взгляд ему прямо в глаза. Он, собравшись с мыслями, рассказал про тот день, когда я ему позвонила с новостью о том, что проснулась в компании незнакомого мужчины. Он вкратце рассказал про их воздушную победу, про бомбардировку госпиталя, про вечернюю посиделки и про Алису. Медленная му-

зыка уже давно закончилась, и началась быстрая, но нас это не волновало. Мы так и стояли друг напротив друга, смотря друг другу в глаза. Моя левая рука продолжала лежать на его плече, а его правая держать меня за талию.

– Лишь, проснувшись с ней рядом, я поверил, что ты меня не обманула, когда сказала, что с тем стриптизером у вас, кроме поцелуя, ничего не было, ведь у меня с Алисой произошло почти то же самое, – закончил он свой рассказ.

Как на это реагировать я уже не знала, ведь я была готова на все, лишь бы он простил меня, но теперь он набедокурил не меньше моего.

– Если честно, то я почему-то знала, что у вас с этой лисой что-то было. Она же с тебя глаз не сводила с самого начала, – признаюсь я. – Вот она и воспользовалась твоим состоянием.

– Не знаю, поддержишь ли ты мое предложение, но я считаю, что мы с тобой накосячили в равной степени, и предлагаю забыть случившееся. А ради разнообразия продолжить быть вместе здесь, в Москве, а не на другом конце света.

– Согласна! – тут же соглашаюсь я, не веря своему счастью.

Рил облегченно улыбается и кладёт вторую руку мне на талию, крепко прижимая к себе. Я обвиваю его шею своими руками и привычно приподнимаюсь на носочки, чтобы поцеловать, но только я касаюсь его губ, как ведущая свадьбы громко объявляет в микрофон, что танцевальная минутка закончена, и просит всех сесть на свои места.

– Как-то здесь шумно, – говорит он мне. Давай сбежим?

– Давай! – радостно киваю я. – Только Ленке скажу, чтобы не волновалась.

Машину Рила пришлось бросить на стоянке ресторана, ведь он уже успел выпить.

– Ничего страшного, – отмахнулся он. – Завтра заберу.

– Ну, тогда, может, поехали ко мне? – предлагаю я, когда мы попрощались с друзьями и вышли на улицу. – На метро мы ещё успеваем, а ехать тут полчаса всего.

– Поехали, – кивает головой он.

Эпилог.

Полуденное солнце, пробивающееся сквозь хмурые облака, осветило аэродром в подмосковном Жуковском. Погода стояла тёплая, и кратковременный дождь, который уже дважды за день поливал собравшуюся здесь толпу, не смог испортить всеобщее настроение веселья и радости. По самым скромным подсчётам тут находится сто тридцать тысяч человек. Ещё бы! Суббота – это самый посещаемый день МАКС-2015. МАКС, или международный авиационно-космический салон, в последние годы пользуется все большей популярностью у обычных людей, не связанных с авиацией.

На одной из улочек салона, вдоль которой организаторы предусмотрительно поставили палатки с фастфудом, сквозь толпу пробирались трое. Высокий мужчина и худенькая девушка шли, держась за руки, по заполненной народом аллее, выискивая палатку, возле которой очередь была поменьше. У обоих на безымянных пальцах красовались обручальные кольца, выполненные в одном стиле, и ни у кого бы не возникло сомнения, что это муж и жена. А за ними, пытаясь не отставать, постоянно оглядываясь назад, где прямо сейчас проходит воздушное представление, семенила ногами невысокая, но очень симпатичная девушка, одетая в лёгкое летнее платье, которое только-только просохло от дождя, закончившегося четверть часа назад. В этом месте практически

не слышно, о чем сейчас говорит диктор, и девушке только и оставалось оглядываться, чтобы не пропустить ничего из происходящего в небе над Жуковским.

– Лани, не отставай! – окликнул её мужчина, шедший впереди неё. – Ещё только полпервого, а Рил полетит в два. У нас есть куча времени, чтобы перекусить! О! Пивко продают!

– Так и знала! – девушка, держащая его за руку, шутливо хлопнула его по плечу! – Ты не есть захотел, а пива попить!

– Сами уговорили меня ехать на электричке, а не на машине, как я хотел. Так что я не за рулём и имею полное право! – оправдался здоровяк.

– Лена, Антон, давайте купим уже что-нибудь и вернёмся, – перебила их Лани. – Не хочу пропустить выступление Рила. Вдруг из-за дождя программу полётов изменят! – не унималась она.

– Ладно, давайте встанем к палатке с хот догами, здесь очередь, вроде, движется быстрее, – согласилась Лена.

Но оптимизм Лены не оправдался, и двадцатиметровая очередь людей, собравшихся перекусить, шла катастрофически медленно.

– Я же предлагала сделать бутерброды и взять термос с чаем, а вы сказали, что это не серьёзно, – спустя полчаса стояния в очереди возмутилась Лани.

– И в следующий раз мы именно так и поступим, – признала поражение Лена.

Когда очередь дошла до ребят, было уже полвторого, и до

выступления Рила, который должен показать парный пилотаж со своим старым другом и сослуживцем Владом, оставались считанные минуты. Ребята быстро закупились хот-догами и пивом, полагаящимся Антону по праву, и двинулись назад, туда, где проходит выступление. Но теперь уже Лани бежала впереди ребят, аккуратно распихивая попадающихся навстречу людей, а довольные покупкой пива и еды Антон с Леной шли за ней. В это время место в воздухе заняла одна из пилотажных групп, летающих на спортивных учебно-тренировочных самолётах. Оставляя дымные следы в виде российского триколора, принимая причудливые построения и разыгрывая комичные представления, маленькие и юркие самолётики носились над полем. Люди их тепло встречали, от души хлопали и махали руками. Но вот программа пилотажной группы закончилась, и спортивные машины одна за другой пошли на посадку.

К этому времени ребята уже доедали свои хот-доги, расположившись поближе к динамику, чтобы лучше слышать диктора.

– А теперь, впервые за историю МАКС, выступят настоящие ветераны боевых действий из строевой части. Год назад эти два лётчика воевали в Корее, и сейчас они продемонстрируют нам элементы маневренного боя.

Толпа ликующе захлопала в ладоши, ведь про отгремевшую корейскую войну слышали все, равно как и о победах российской авиации в небе страны, находящейся на другом

конце света. Люди начали крутить головами в поисках пары приближающихся самолётов. Но на горизонте был только один самолёт, стремительно растущий в размерах.

– Парни летают на современных сверхманевренных истребителях поколения четыре плюс плюс Су-35С, – продолжал диктор. – И так, мы видим самолёт с бортовым номером триста два. Пилотирует его гвардии капитан Громов Влад.

В этот момент самолёт Влада пронёсся над полем на минимальной высоте, покачивая крыльями.

– Летчик приветствует вас! Похлопаем bravому ветерану! – провозгласил диктор, и люди, весело крича и посвистывая, подняли руки вверх для аплодисментов. – А где же второй участник показательного воздушного боя? Не потерялся ли он по пути? – заигрывающим голосом продолжал диктор.

Тем временем Влад, сделав проход над взлетно-посадочной полосой, начал боевой разворот с набором высоты. Неожиданно, пробивая облачность, низко висящую над аэродромом, выскочил ещё один самолёт. С молниеносной скоростью и грацией хищной птицы он зашёл в хвост самолёту Влада и условно сбил его.

– Вот это да! – воскликнул диктор. – Какое феерическое появление! Дамы и господа, истребителем с бортовым номером триста один, который так неожиданно ворвался в воздушное пространство МАКС, управляет командир эскадрильи, Герой Российской Федерации, гвардии майор Машков

Кирилл.

Трое ребят, стоящих рядом и наблюдающих за выступлением их друга, открыли рты от удивления. И это тот самый вечно спокойный, сосредоточенный и, на первый взгляд, немного медлительный Рил, которого они знают? Здесь, в отличие от повседневной жизни, он казался дерзким и неудержимым.

– А чем же ответит Громов Влад? – озвучивал свои мысли диктор. – Друзья, вы только посмотрите, какой элегантный манёвр! Иии... теперь уже Машков Кирилл пытается уйти от вцепившегося ему в хвост преследователя. Перегрузка на вираже борта триста один составляет шесть... семь... восемь с половиной g! Только вдумайтесь в эту цифру!

Сердце у Лани билось, словно она только что пробежала три километра на время. Это сейчас она видит показательный бой между двумя друзьями и сослуживцами, а там, в Корее, год назад, тоже самое происходило на самом деле. И если здесь зашедший в хвост противник – это всего лишь элемент спектакля, то в реальном бою – это означает неминуемую гибель.

Тем временем программа воздушного боя только накалялась. Истребители, по полной используя возможности сверхманевренности, выполняли умопомрачительные пируэты в воздухе, развороты “блинчиком” практически на месте и вертикальные манёвры, предназначенные для того, чтобы зайти друг другу в хвост и условно применить вооружение.

Спустя пять минут непрерывной драки, самолёты разлетелись в разные стороны, развернулись друг на друга и начали сближение на встречных курсах.

– Друзья, а сейчас, судя по всему, мы видим лобовую атаку, – догадался диктор.

Дуэлянты стремительно сближались, сходясь в лобовой атаке. Расстояние между ними быстро сокращалось, и они вот-вот должны столкнуться. Но всего за пару сотен метров оба самолёта сделали левый крен, встав на ребро, и проскочили мимо. До самой последней секунды Лани казалось, что они врежутся друг в друга, но нет. Они разминулись на считанные метры. Лани облегченно выдохнула и поняла, что очень крепко сжала кулаки, и ногти больно впились в ладони, оставляя там следы. Однажды Рил рассказывал ей про свою дуэль с американским асом. Даже видя лобовую атаку с земли, зная, что это не один раз отрепетировано, становилось не по себе. Трудно представить, что испытывал Рил, когда сходилась лоб в лоб с американцем, который хотел только одного – уничтожить мчащийся навстречу самолёт, а заодно и лётчика управляющего им, не жалея на это патронов.

– Кирилл, – обратился диктор прямо к лётчику. Видимо у него есть возможность разговаривать с ним и даже вывести разговор на громкую связь. – Ты можешь сказать пару слов зрителям. Как ты себя чувствуешь после столь высоких перегрузок?

– Я хочу поприветствовать, – зазвучал в динамике, как

всегда, спокойный и внятный голос Рила, – всех собравшихся здесь людей. Ничто не доставляет большей радости, чем видеть столько любителей авиации. И, отвечая на вопрос, чувствую себя отлично!

– Мне тут подсказывают, что сейчас среди публики присутствует некая молодая особа с красивым именем Лани. Не хочешь сказать ей что-нибудь? – заискивающе спросил диктор, и до Лани запоздало дошло, что говорят о ней. Мурашки побежали по спине, а лицо налилось краской.

– Да, пользуясь моментом, хочется сказать, что я её очень сильно люблю, и предложить ей руку и сердце! Лани, надеюсь ты будешь моей женой! – договорил Рил, и толпа вокруг заполнилась восторженными охами.

– Я не могу поверить, друзья, прямо на наших глазах лётчик делает предложение руки и сердца! Если это не романтично, то тогда я вообще не знаю, что такое романтика! Хотя постойте, что делают парни?

Тем временем пара самолётов, только что показавших пилотажа, включили ярко желтые дымки и начали что-то выписывать в небе.

– Надо же! Да-да, я не ошибся! Они рисуют два кольца – большое и маленькое, продетые одно в другое наподобие обручальных! Это просто фантастика! – не унимался ведущий.

Лани почувствовала, как у неё кружится голова. Рил, как всегда, смог подстроить все настолько идеально, что комар носа не подточит. В чем ему не откажешь, так это в умении

делать сюрпризы. Она медленно повернулась в сторону ребят, ожидая увидеть их удивленные лица, но они стояли плечом к плечу и мило улыбались.

– Рил просил нас кое-что тебе передать, – заговорила Лена.

– Да, он извиняется, что не смог сделать это лично, но ты же понимаешь почему, – подхватил Антон, указывая пальцем на два кольца, которые уже начал разносить ветер, портя идеальные окружности.

– Это тебе, подруга! – улыбаясь, сказала Лена и достала открытую коробочку с помолвочным кольцом из белого золота. Почти такое, о каком мечтала Лани. Хотя нет. Даже лучше!

В это самое время с VIP трибун, предназначенных для особо почетных гостей авиакосмического салона за происходящим наблюдал статный мужчина с выправкой военного. На то, что это серьёзный и властный человек, который уже разменял шестой десяток лет, принадлежит к воздушно космическим силам, указывала синяя форма с голубыми лампасами. На погонах у него поблескивали две крупные звёзды, означающие звание генерал-лейтенанта. “Да уж, на этот раз они действительно устроили шоу”, – слегка прищурившись, думал он, смотря как два самолёта рисуют ровные окружности в небе.

– Папа, можно я поеду? – сидящая рядом с генералом де-

вушка, обратилась к нему. – Мне что-то нездоровится.

– Что такое, Алиса? – генерал повернулся к дочери, снимая солнечные очки, без которых смотреть даже на облачное небо было сложно.

– Не знаю, – ответила Алиса, тоже снимая очки и аккуратно вытирая слезящиеся глаза бумажной салфеткой. – Продуло, наверное.

– Да, конечно. Я скажу водителю, чтобы отвёз тебя, – заботливо предложил отец. От него не укрылась дрожь в голосе, присутствующая у людей, которые собираются или уже плачут.

– Не надо, я на электричке доеду, – сказала Алиса, поднялась и поцеловала отца на прощание. – Вечером увидимся.

Генерал проводил удаляющуюся дочь взглядом. В то, что она действительно простыла, он, конечно же, не поверил. Дело в другом. Из Кореи Алиса вернулась сама не своя, но что произошло, она наотрез отказалась рассказывать. Виделись они редко, ведь он с женой живет в Ростовской области, а сама Алиса обосновалась в Москве, но и без этого было понятно, что что-то произошло. А теперь она заплакала, когда выступал этот Машков, который тоже был в Корее. Становилось ясно, что он её и обидел год назад, а она до сих пор из-за этого переживает. Можно устроить этому парню “сладкую жизнь” и даже подстроить ему увольнение из ВКС. Связей и возможностей у генерала хватит. Вот только поступать подобным образом не в его духе, так что пусть женится и жи-

вет спокойно. Конечно, насколько это возможно для лётчика-истребителя.